

81.2 (Карац)

А 43

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

446016

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ КБАССР

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ

81.2 (карач)

A 43

446016

Ответственный редактор кандидат филологических наук
А. А. Жаппуев.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий сборник статей посвящен актуальным проблемам грамматики и лексики карачаево-балкарского языка. Некоторые из них затрагиваются впервые, другие изучаются в более глубоком аспекте.

Тематически статьи сгруппированы в трех разделах: «Грамматика», «Лексика и лексикография», «Семантика, этимология». Закljučают сборник две рецензии.

В последние годы особое внимание уделяется моделированию предложения, его семантической структуре. Этому вопросу посвящена первая статья раздела «Грамматика» (Ахматов И. Х.). Для исследования структурных схем простого предложения применяются понятия «предикативный минимум» и «номинативный минимум» предложения. Анализ структурных схем простого предложения, выделяемых на основе концепции предикативного минимума показал, что такие структурные схемы для карачаево-балкарского языка нехарактерны. Подобные предложения часто бывают неполными и аграмматичными. Они неспособны выполнять номинативную функцию. В связи с этим выделение минимальной структурной схемы рассматривается лишь как предварительный шаг, призванный облегчить выявление и описание структурно-семантических типов моделей простого предложения. Эти модели описываются на основе понятия «расширенная структурная схема» или «номинативный минимум предложения».

В следующей статье исследуется карачаево-балкарский статив (Джанибеков Х. С.). Анализ его в отношении склонения, лица, числа, времени, положительного и отрицательного аспекта, достоверности и гипотетичности, категорий конкретности и абстрактности, обладания залоговостью, лексико-синтаксической сочетаемости и т. п. приводит к раскрытию его синтаксико-морфологической сущности. Сейчас он находится в стадии перехода из синтаксической в морфологическую категорию.

В третьей работе (Геляева А. И.) изучается залоговая и словообразовательная функция аффикса-ш. Взаимно-совместный залог образуется от глаголов, выражающих действия, которые могут быть совершены совместными усилиями ряда лиц, некоторых переходных и непереходных глаголов, а также от глаголов активного действия, зрительного восприятия и т. п. В статье показывается специфика действий лиц при взаимности и совместности. Отличительной чертой этого залога является сохранение им признаков связи со словообразованием. Приводятся также и лексикализованные формы глаголов на-ш.

В этот раздел включена и статья Жабеловой Л. Ж., в которой речь идет об образовании существительных паратактическим способом сочетания компонентов. Структурной схемой образования указанных существительных является структура изафета I, т. е. простое соположение основ, обусловленное порядком следования определения и определяемого в синтагме. Смысловые отношения основ базируются на отношении принадлежности: определением является имя обладателя, а определяемым — объект обладания. Большинство таких имен представляет собой терминологическую лексику. В работе подробно описываются все формы словосложительных моделей, их семантика и мотивированность таких слов.

Во второй части сборника освещаются неисследованные разделы лексики карачаево-балкарского языка. К таким разделам лексики относится общественно-политическая терминология. Автор (Отаров И. М.) указывает на источники пополнения, отмечает встречающиеся трудности в усвоении заимствований из русского языка, особенно относительных прилагательных. В работе указывается на неудовлетворительное состояние этой терминологии, а в связи с этим на необходимость ее разработки, дальнейшего совершенствования и упорядочения. В двух небольших статьях (Улаков М. З.) анализируются термины коневодства: названия пород лошадей, мастей и названия их болезней. Выявлены их структурные типы (простые и сложные) и источники.

Вопросы лексикографии карачаево-балкарского языка рассматриваются впервые. В статьях Ж. М. Гузеева освещаются вопросы лексикографической разработки многозначных слов, генетически родственных омонимов, вопросы включения в словарь диалектизмов и окказионализмов и др.

Автор справедливо отмечает, что при отборе слов для словника толковых и других словарей нужно руководствоваться определенным принципом. Результатом отсутствия такого принципа является включение в словари нелексикализованных соче-

танний, грамматических форм слов, аббревиатур, диалектизмов, имеющих литературный вариант, словообразовательных аффиксов и т. п. Часто отсутствует определенный порядок подачи значений слов. Желательно же, чтобы лексикографы придерживались единого принципа (или системы), отвечающего современному состоянию этой отрасли языкознания. Автор предлагает следующую систему подачи значений слова: 1) ведущее значение; 2) обусловленное значение; 3) переносное значение; 4) стилистическое значение. Кроме того, необходимо учитывать значения, возникающие из обусловленных и переносных значений, и помещать их за ними.

В третьем разделе затрагиваются вопросы семантики, этимологии теонимов (Текуев М. М.) и некоторых залоговых форм глагола карачаево-балкарского языка (Жаппуев А. А.).

Теонимы данного языка изучаются впервые. Исследование терминов теонимии показывает эволюцию религиозных верований карачаевцев и балкарцев: периоды язычества, христианства и мусульманства. По семантической структуре большинство названий божеств связано с названиями космических тел и неба. По происхождению теонимы являются исконно тюркскими и заимствованиями.

Наблюдение показало, что десемантизация глагольных морфем происходила на ранних этапах развития языка. Причиной этого явления послужили стремление языка избавиться от синкретизма, то есть неразличения основ глаголов в отношении категории переходности—непереходности; влияние древней словообразовательной функции показателя залога; случаи, когда при помощи показателя залога закреплялись определенные значения глагола; одновременное использование в одном значении корня и залоговой формы и т. п. В статье выясняется также причины выпадения гласной аффикса.

Значения корней выясняются данными как карачаево-балкарского, так и других тюркских языков. Привлекаются и материалы древнетюркских языков.

Как уже говорилось, сборник завершается двумя рецензиями. Первая (Гузев Ж. М.) констатирует, что школьные учебники по балкарскому языку не отвечают требованиям. Теоретический материал излагается с искажением фактов, формулировки правил громоздки и нечетки. В учебники включается спорный, сомнительный материал, встречаются отступления от программ.

Отаров И. М в своей рецензии считает работу М. А. Хабичева «Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа» существенным вкладом в изучение контактов этого региона.

Г Р А М М А Т И К А

ПРОБЛЕМА МОДЕЛИРОВАНИЯ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

О значении моделирования предложения

Изучение предложения как сложного лингвистического явления в единстве его формы и содержания имеет большое научно-теоретическое значение. Грамматическая и семантическая структуры предложения не функционируют в отдельности, самостоятельно, а составляют одно целое. Однако на определенной ступени изучения любого сложного явления становится необходимым исследование всех его компонентов с последующим их синтезом. Использование этого диалектического принципа познания в исследовании такого сложного языкового знака, каковым является предложение, в котором постоянно взаимодействуют форма и содержание (Будагов, 1973:9), требует расчлененного подхода к изучению его формальной и семантической структуры. Но такой подход нужно понимать не как отказ от признания единства формы и содержания предложения, а как прием выявления специфики формальной и содержательной организации предложения, как прием, способствующий более глубокому изучению соотношений между семантикой и ее синтаксическими репрезентациями при учете взаимосвязи всех сторон «семантического треугольника» язык — мышление — объективная действительность (Гак, 1968:4; Супрун, 1977:4—5; Арват, 1976:6—24).

Как известно, вопрос о том, в каком направлении вести анализ предложения (от формы к содержанию или наоборот — от содержания к форме), является спорным.

Вслед за Н. Ю. Шведовой, В. Г. Адмони, Н. Н. Арват,

О. И. Москальской и другими лингвистами (Шведова, 1974:107; Адмони, 1976:6; Арват, 1976:6—24; Москальская, 1974:46; Ульянова, 1974:4) при анализе семантической структуры предложения в качестве исходной ступени нами используется анализ грамматической структуры предложения, затем рассматривается вопрос о лексическом наполнении мест синтаксической модели предложения, вопрос о формировании семантического компонента и смысловой структуры предложения. Выбор такого направления анализа предложения определяется целью нашего исследования и обусловлен тем, что предложение нами рассматривается как такой языковой знак, который, имея определенную форму, обладает информативной самодостаточностью, т. е. смысл его заключен в нем самом.

Как признают все лингвисты, занимающиеся исследованием синтаксической структуры предложений того или иного языка, выявление, описание и составление списков синтаксических и семантических моделей предложения отдельных языков является одной из важнейших задач синтаксиса. Введение в обиход понятия моделей предложения — значительный шаг вперед в развитии учения о предложении. Это понятие представляет собой такую научную абстракцию, которая выявляет общее и существенное в большом числе языковых фактов, способствует четкой классификации предложений (Москальская, 1974; Кодухов, Бондарко, 1971; Золотова, 1978). Поэтому теория моделей стала одной из центральных в описательном и теоретическом синтаксисе. Моделированию простого предложения русского и других языков посвящено значительное количество работ (Шведова, 1970; Золотова, 1967; Ломтев, 1969). Однако полностью отсутствуют труды, посвященные выявлению и описанию моделей простого предложения как карачаево-балкарского, так и других тюркских языков. Во-вторых, несмотря на сравнительное единодушие лингвистов в определении модели предложения, которая понимается как абстрактная схема, отвлеченный образец построения минимальных самостоятельных предложений, в практике выделения и описания моделей предложения имеются существенные расхождения. В-третьих, следует отметить, что в силу определенных причин в разных языках возможны одинаковые типы моделей предложения, но общий их набор в каждом языке в силу специфики его грамматического строя является уникальным (Москальская, 1974:26; Почепцов, 1971:53).

Все это свидетельствует о том, что выявление и описание моделей простого предложения карачаево-балкарского языка весьма актуальная, но очень трудная задача. Выявление набора

моделей предложения того или иного языка дает исследователю такое же ясное представление о синтаксических структурных единицах и их типах, каким он давно располагает о морфологических единицах. Нет сомнения в том, что решение этой важной задачи будет способствовать решению многих спорных вопросов синтаксиса не только простого, но и сложного предложения тюркских языков, в частности, проблемы сложноподчиненного предложения, связанной с синтаксической и семантической природой глагольно-именных оборотов.

При моделировании грамматических типов предложения необходимо широкое использование таких понятий, как понятие валентности, структурной необходимости и факультативности компонента предложения, структурного типа предложения и др. Многие из них здесь используются в общепринятом значении, поэтому необходимость объяснять их содержание и употребление отпадает. Ниже мы остановимся только на спорных вопросах и на тех понятиях, которые нами используются в несколько ином смысле или вводятся впервые.

Понимание структурной схемы как предикативного минимума предложения

Такое понимание структурной схемы предложения опирается на сложившееся в русской и тюркской грамматической традиции понимание границ нераспространенного предложения. Оно было предложено в работах Н. Ю. Шведовой (Шведова 1966, 1969, 1970) и в дальнейшем применено в исследованиях и других синтаксистов (Тулапина, 1973; Кокорина, 1974).

Н. Ю. Шведова определяет структурную схему как присущий языковой системе образец минимального построения, предназначенного для того, чтобы, будучи наполненным конкретным лексическим материалом, стать сообщением о какой-то действительности.

Компонентами структурной схемы в таком понимании являются словоформы — подлежащее и сказуемое в двусоставных схемах и главный член в односоставных схемах. Деление структурных схем на двусоставные и односоставные опирается на традиционное деление предложений по составу главных членов и их форме. Двусоставные и односоставные схемы по форме своих компонентов делятся на определенные подклассы.

Такое понимание структурной схемы дает Грамматика-70. Здесь структурная схема рассматривается как формальное строение, грамматическим значением которого является предика-

тивность. Данный подход предполагает отвлечение от всего, что не существует для предложения как для предикативной единицы. Поэтому в структурную схему не включаются все распространители, в том числе и облигаторные, при введении которых предложение становится информативно достаточным (Гр.—1970; Кокорина, 1974:3—4)¹. Считается, что эти распространители не противопоставляются главным членам предложения как «второстепенные» (Гр. — 70).

Однако, как отмечалось в литературе (Кубик, 1972:67—78), этот принцип неоднократно нарушается в Грамматике-70. В чем же это заключается? Среди не относящихся к строению структурной схемы словоформ Н. Ю. Шведовой выделены словоформы, имеющие «статус элемента словосочетания» и детерминанты — обстоятельственные и субъектно-объектные распространители предложения. Детерминант определяется как самостоятельный распространитель предложения «в целом», как элемент, не входящий в структуру предложения в качестве ее обязательно компонента (Шведова, 1964, 1968). Но вместе с тем указывается, что детерминант входит в состав структурной схемы в роли обязательного ее компонента. В Грамматике-70 встречаются случаи включения в структурную схему слов в дательном, родительном и винительном падежах (Гр.—70:567—569), что противоречит исходному принципу выделения компонентов структурной схемы. Может быть, эти словоформы рассматриваются как главные члены предложения? В работе нет четкого указания на то, что именно считается компонентом структурной схемы (Кубик, 1972:67).

Необходимо решить вопрос о том, возможно ли, опираясь на такое понимание структурной схемы предложения, выявление и описание моделей простого предложения карачаево-балкарского языка. Как известно, вопрос этот никем из тюркологов не ставился и не решался. Наши же наблюдения показывают, что подобный подход к структурной схеме при анализе фактов карачаево-балкарского и других тюркских языков приводит исследователя к определенным трудностям и противоречиям. Остановимся на некоторых из них.

Сторонники рассматриваемой концепции утверждают, что выделенные ими структурные схемы — такие предикативные

¹ В настоящей работе приняты следующие символы и сокращения: Г — глагол основного залога в спрягаемой форме, С₁, С₂, С₃, С₄, С₅, С₆ — падежные формы существительного, а также заменяющих его слов, где С₁ — имя в осн. падеже, С₂ — имя в род. падеже, С₃ — имя в дат. -напр. падеже и т. д.; МСС — минимальная структурная схема; РСС — расширенная структурная схема.

единицы, которые характеризуются грамматической достаточностью. Однако, например, материал безличных предложений карачаево-балкарского языка показывает, что не все «структурные схемы», выделенные на основании указанных правил, могут отвечать данному требованию. Например, главный член («структурная схема» — в терминологии сторонников рассматриваемой концепции) безличных предложений карачаево-балкарского и других тюркских языков, выраженный некоторыми сочетаниями слов, может приниматься за самостоятельную функционирующую предикативную единицу, ср. структурные схемы в вышеуказанном понимании: *Окзургъа керекди* «Нужно учиться»; *Ишлемей жарамаз* «Не работать нельзя».

Такие «структурные схемы» могут осмысливаться двояко: в одних случаях как самодостаточные предикативные единицы, а в других — как неполные предложения, нуждающиеся в распространении косвенным субъектом, выраженным словом в страдательно-направительном падеже: *Манга окзургъа керекди* «Мне необходимо учиться»; *Санга ишлемей жарамаз* «Тебе не работать нельзя».

Другая часть «структурных схем», лежащих в основе безличных предложений отличается тем, что они обладают грамматической и информативной достаточностью, например: *Окзургъум келеди* «Мне хочется учиться»; *Жукзунг келеди* «Тебе хочется спать»; *Танг атды* «Рассвело»; *Кёлюм бокзланады* «Меня тошнит».

Третья группа таких «структурных схем», вне зависимости от контекста, не имеет ни грамматической, ни информативной достаточности и не может употребляться в качестве самостоятельно функционирующих предикативных единиц. В качестве примера достаточно привести форму страдательного залога глагола, которая широко известна в тюркских языках как средство выражения главного члена безличных предложений (Мудждабаев, 1963; Донидзе, 1957; Сагитов, 1964). Например, ср.: *Барылады букз.* «Едется» и *Ары машина бла барылады* букв. «Туда едется на машине», «Туда едут на машине».

Многие слова с аффиксом предикативности в карачаево-балкарском языке могут выступать как в роли сказуемого двусоставного предложения, например, так, и в роли главного члена безличного предложения. Во втором случае они, если взять их в нераспространенном виде, не сигнализируют о безличном предложении. Это объясняется различными причинами, чаще — тем, что они слабо управляют второстепенными членами, только в сочетании с которыми образуют безличные конструкции, реже — спецификой самой структуры предложения.

Некоторые синтаксисты такое упразднение называют особой связью уровня предложения, связью, зависящей не от категориальных свойств господствующего слова, а от смысла всего предложения (Тулапина, 1973:6, Аблаков, 1966:8).

По указанным здесь причинам, опираясь только на предикативный минимум предложения, трудно установить наличие в языке некоторых безличных конструкций. В этом также сказывается одна из слабых сторон теории, согласно которой структурная схема односоставного предложения включает в себя только главный член. Представление структурной схемы односоставного предложения как образца, компонентом которого является только один главный член, на уровне схем не разрешает и «омонимичности» схем. Ср. примеры: 1) *Къыш сууукъду* «Зима холодная» и 2) *Къыш сууукъду* «Зимой холодно».

Употребление термина «структурная схема» относительно единственного главного члена односоставного предложения, состоящего из одного слова, также не может не вызвать возражения.

Понимание структурной схемы как предикативного минимума предложения часто ведет к построению не только неполных, но и аграмматичных предложений, например: *Халы кёрюнеди*. «Состояние (его) виднеется». Или: Нитка виднеется (вместо: *Зауурбекни халы аман кёрюнеди* «Настроение Зауурбека кажется плохим».

Еще примеры: 1) *Жарыкъ тийди* «Свет осветил». Или: «Весело тронул» (вместо: *Кюн жарыкъ тау башлагъа тийди* «Лучи солнца осветили вершины гор»); 2) *Нарзан болгъанды*. «Нарзана хватит», «Превратился в нарзан», «Нарзан был» (вместо: *Сууну ары жанында нарзан болгъанды*) «На том берегу реки был нарзан».

Как видно из приведенных здесь примеров, при опущении всех второстепенных членов предложения мы получаем синтаксические конструкции, которые теряют свою однозначность, становятся аграмматичными или неполными предложениями.

Все это говорит о том, что, опираясь на рассматриваемое понимание структурной схемы, нельзя выделить список моделей предложения карачаево-балкарского языка, характеризующийся последовательностью и непротиворечивостью.

Факты карачаево-балкарского языка показывают: для того, чтобы односоставная структурная схема в рассматриваемом понимании стала грамматически достаточной предикативной единицей, в большинстве случаев бывает необходимо включить в ее состав те или иные обязательные распространители. Например, ср.: 1) *Таугъа былайтын барылады* «В горы едут здесь»,

а не *Барылады*. — «Едется». 2) *Статьяда аны юсюнден да айтылады* (Кжол). — «В статье говорится и о нем, а не *Айтылады*. — «Говорится». 3) *Мында жашаргъа игиди* «Здесь хорошо жить», а не просто *Игиди* «Хорошо». Только в таком случае данные конструкции могут отвечать требованиям, предъявляемым к структурной схеме как к номинативному минимуму предложения.

Анализ фактов карачаево-балкарского языка свидетельствует, что это относится и к большинству двусоставных структурных схем, под которыми, согласно вышеуказанной концепции, понимается предикативная основа двусоставного предложения, т. е. сочетание подлежащего со сказуемым.

Например, словоформа *Салгъандыла* «Положили» может служить сказуемым двусоставного неопределенно-личного предложения. Поэтому согласно рассматриваемой концепции в данном случае должны быть выделены две структурные схемы: 1) *Ишчиле салгъандыла* «Рабочие поставили» и 2) *Сангъандыла*. «Поставили». Однако для того, чтобы утверждать, что слово «*Салгъандыла*» может быть выделено в качестве самостоятельной структурной схемы, необходимо сначала установить, что оно может функционировать в качестве главного члена односоставного неопределенно-личного предложения, т. е. выделить само неопределенно-личное предложение, в котором предикатная позиция занята данным словом. Возникает вопрос: если наличие такого предложения уже установлено, надо ли говорить о том, что существует «структурная схема» *Салгъандыла*? Если даже есть такая необходимость, то вполне ясно, что выделение таких «структурных схем», как «*Салгъандыла*», сводится к выделению слов и их форм, которые служат для выражения главного члена неопределенно-личного предложения, и по сравнению с традиционным анализом предложения ничего нового не дает нам в решении задачи, связанной с выделением структурно-семантических типов неопределенно-личного предложения.

Отдельно взятое слово «*салгъандыла*» не сигнализирует о неопределенно-личном предложении. Только в сочетании с определенными распространителями оно может образовать предикативную единицу, обладающую тем или иным информативным содержанием. Будучи отдельно взятой, данная лексема осмысливается лишь как неполное двусоставное предложение.

Все это приводит нас к выводу о том, что отождествление главного члена односоставного предложения со структурной схемой, а структурной схемы в данном понимании с понятием

модели предложения противоречит фактам карачаево-балкарского языка.

Некоторые исследователи, которые отрицательно относятся к пониманию структурной схемы как сочетания главных членов предложения (для двусоставных предложений) и главного члена (для односоставных предложений), различают два вида структурных схем: 1) минимальная структурная схема (МСС) и 2) расширенная структурная схема (РСС). Под минимальной структурной схемой понимают предикативную основу предложения, т. е. сочетание главных членов предложения (двусоставные структурные схемы) и главный член односоставного предложения (односоставные структурные схемы). А под расширенной структурной схемой понимают номинативный минимум предложения. При этом считается, что основная задача синтаксиса заключается в выделении и описании номинативного минимума предложения (Белошапкина, 1977).

Возможен ли такой подход к фактам карачаево-балкарского языка? О понятии МСС применительно к фактам односоставных предложений говорилось выше.

Опора на понятие МСС не снимает всех трудностей и противоречий, которые мы рассмотрели выше. Выделение односоставных МСС фактически сводится к выявлению тех языковых средств, которые могут выступать в роли выразителей предиката односоставных предложений. Выделению и описанию таких средств в тюркских языках посвящено много исследований. Сейчас особо стоит вопрос о выделении структурно-семантических типов самих односоставных предложений. Конечно, для решения его важно знать, какими средствами передается в языке предикат односоставных предложений.

Что же касается понятия МСС применительно к двусоставным предложениям, то следует отметить, что, например, в основе всех глагольных двусоставных предложений лежит одна и та же МСС, представляющая собой сочетание подлежащего со сказуемым или C_1 —Г. Двусоставные глагольные предложения, в основе которых лежит МСС C_1 —Г, по признаку информативной достаточности — недостаточности бывают двух видов: 1) информативно достаточные двусоставные предложения и 2) информативно недостаточные двусоставные предложения. Информативная достаточность — недостаточность глагольных конструкций зависит от лексического наполнения позиций C_1 и Г. Ср.: 1) *Кюн тийди* «Солнце взошло». 2) *Жаун жауады* «Идет дождь».

Данные конструкции относятся к первой из указанных

групп глагольных двусоставных предложений и вне контекста пригодны к выполнению номинативной функции. Этого нельзя сказать о следующих предложениях: 1) *Халимат кирди* «Халимат зашла». 2) *Къойчула кёбейтедиле* «Чабаны увеличивают». 3) *Ол озду* «Он опередил». 4) *Председатель чакъыртды* «Председатель заставил вызывать» и т. д.

Чтобы стать семантически автономными, пригодными к выполнению номинативной функции, т. е. к выражению того содержания, которое свойственно предложению, данные конструкции должны быть распространены. Иначе говоря, они должны включать в свой состав, кроме C_1 —Г, еще и другие облигаторные словоформы. Ср.: 1) *Халимат юйге кирди* «Халимат зашла в дом». 2) *Къойчула къойланы кёбейтедиле* «Чабаны увеличивают поголовье овец». 3) *Ол сени озду* «Он опередил тебя». 4) *Председатель бригадирни санга правленнге чакъыртды* «Председатель заставил тебя вызвать бригадира в правление.»

Первое из приведенных предложений построено по схеме C_1 — C_3 —Г, второе по схеме C_1 — C_4 —Г, третье — по той же схеме C_1 — C_4 —Г, четвертое — по схеме C_1 — C_4 — C_3 — C_3 —Г.

Анализируемые предложения только в данном структурном составе способны выполнить номинативную функцию.

Произведенное здесь сопоставление названных двух групп предложения показывает, что 1) МСС C_1 —Г в одних случаях выступает в роли такого формального построения, которое обладает признаком информативной самодостаточности. Здесь речь идет о предложениях, входящих в первую группу; 2) в других же случаях приведенная схема не может выступать в качестве структуры, обладающей информативной самодостаточностью и нуждается в распространении за счет облигаторных распространителей. Схема C_1 —Г в данном случае может быть противопоставлена расширенной структурной схеме как минимальная структурная схема. Например, ср.: формулу C_1 —Г с вышеприведенными расширенными схемами (1) C_1 — C_3 —Г, 2) C_1 — C_4 —Г, 3) C_1 — C_4 — C_3 — C_3 —Г и т. д.), которые лежат в основе предложений, входящих во вторую группу.

Отсюда следует, во-первых, что предикативная основа предложения первой группы совпадает с понятиями МСС — РСС, т. е. схема C_1 —Г по отношению к данным предложениям рассматривается и как МСС и как РСС. А предикативная основа предложений, состоящих более чем из двух формальных компонентов (т. е. та же схема C_1 —Г), не совпадает с понятием РСС. Здесь МСС (т. е. C_1 —Г) и РСС (например C_1 — C_3 —Г) относятся друг к другу как часть к целому. Но при анализе предложений, состоящих из двух формальных и семантических

компонентов, такое противопоставление не имеет места. Это показывает, что понятие МСС к данным предложениям отношения не имеет. В этом заключается один из недостатков введения термина «минимальная структурная схема» и его противопоставления «расширенной структурной схеме».

МСС в большинстве случаев не может выступать в роли конструкции, способной выполнять номинативную функцию. Исключение составляет лишь часть простых предложений. Это говорит о том, что нельзя ставить знака равенства между такими понятиями, как «минимальная структурная схема» и «модель предложения».

Таким образом, в основе громадного количества предложений, отличающихся друг от друга как по форме, так и по содержанию, может лежать одна и та же минимальная структурная схема. Поэтому, опираясь только на понятие МСС и не учитывая семантики предложения, невозможно структурно-семантическое описание синтаксической системы языка. Выявление минимальных структурных схем должно рассматриваться лишь как предварительный шаг, облегчающий выявление и описание структурно-семантических типов меделей простого предложения карачаево-балкарского языка.

МСС ориентирует исследователя лишь на формальное устройство предикативной основы одной части предложений и на средства выражения предиката другой части предложений карачаево-балкарского языка. От МСС нет непосредственного перехода к семантической структуре предложения. Поэтому при описании моделей предложения и квалификации каждого структурно-семантического образца необходимо, не ограничиваясь выделением МСС как предикативной основы предложения, каким-то образом учесть еще и семантику анализируемых конструкций. Признание необходимости в этом и привело некоторых исследователей к выводу о том, что следует пользоваться понятием РСС. Нельзя не учитывать семантики предложения при описании синтаксической системы языка, что особенно наглядно ощущается в тех случаях, когда на собственно формальных основаниях возможно несколько решений: Ср.: 1) *Мурат Асанладанды*. — а) «Мурат родом из Асановых» или б) «Мурат (идет) от Асановых».

То же самое относится и к тем предикативным конструкциям, позицию предиката в которых занимает многозначный глагол. Ср. МСС С₁—Г, позицию Г в которой занимает, например, глагол «оз». *Ол озду*. Каков смысл, выражаемый данной конструкцией?

Без учета семантики лексемы «озду» и без обращения к РСС

опираясь только на МСС, невозможно ответить на этот вопрос. Вне контекста мы не знаем, какое содержание выражается структурой «*Ол озду*». Опираясь же на понятие РСС, мы легко устанавливаем, что на основе глагола «оз» возможно построить следующие предложения, которые отличаются друг от друга по содержанию: 1) *Ол окзуда аны озду* «Он опередил его в учебе». 2) *Ол былайтын озду* «Он прошел здесь». 3) *Ол бу ишде чекден озады* «Он злоупотребляет в этом деле».

Исходя из этого, при анализе простого предложения мы считаем необходимым опираться на понятие РСС (или номинативный минимум предложения).

Структурная схема как номинативный минимум предложения

Вопрос об информативной достаточности предложения давно обращает на себя внимание исследователей. Если одни синтаксисты до сих пор при определении типов предложения продолжают исходить только из формальных критериев (Байрамкулов, 1962), то другие уже давно придают этому вопросу принципиальное значение. Так, еще авторы академической Грамматики современного русского языка признавали, что предложения типа «*Меня знобит*», «*Его согнать следует*» «только условно могут быть отнесены к распространенным» (ГСРЯ, 1960, II, 2; 15). О том, что отсутствие второстепенных членов может быть признаком структурной неполноты безличных предложений русского языка, указывает В. В. Бабайцева (Бабайцева, 1968:71). Это в полной мере применимо и ко многим типам безличных предложений карачево-балкарского и других тюркских языков. Тем не менее, многие синтаксисты делят такие предложения на распространенные и нераспространенные (Байрамкулов, 1962), хотя эти предложения в нераспространенном виде не способны выражать значение данного типа предложения (Низяева, 1972:5), не обладают признаком самостоятельного функционирования.

Признание необходимости ввести в минимальную структурную схему информативно облигаторные распространители нашло отражение в работах многих современных лингвистов (Грепль, 1967; Адамец, 1973; Светлик, 1970; Ломтев, 1972, 1969; Золотова, 1973; Холодович, 1960; Апресян, 1967). Это привело к более широкому пониманию минимума предложения, которое рассматривается как предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции (Арутюнова, 1972:306). Это центральная идея данного направления, кото-

рую каждый из исследователей реализует по-своему. Например, Т. П. Ломтевым структура предложения определяется как последовательность форм слов, отображающая структуру информации, передаваемой предложением. Как структура отображаемой информации, так и структура предложения представляется системой отношений.

Необходимыми элементами предложения являются словесные формы: 1) имена отношений (сказуемое или главный член односоставного предложения) и 2) имена предметов (подлежащие — «исходные предметы» и дополнения), связываемые этим отношением. Количество и характер предметов определяется предикатом. По данному признаку предикаты могут быть одноместными, двухместными и трехместными.

Структура предложения — это такое формальное строение, в котором находят символические отображения предметы и их отношения, имена предметов и имена их отношений. Модель предложения (формула предложения) — это представленная в виде специальных символов структура предложения. Предложение и его компоненты имеют план выражения и план содержания, поэтому символами обозначается и формальная, и содержательная структуры предложения (Ломтев, 1969).

Следует отметить, что все адвербиальные распространители Т. П. Ломтевым в указанных его работах в модель предложения не включаются (Ломтев, 1979:141—147). В отличие от него, чехословацкие синтаксисты в структурную схему предложения включают все элементы предложения, необходимые для его элементарной информативной достаточности: 1) все обязательные присловные распространители (формы косвенных падежей и адвербиальные распространители) сказуемого или главного члена односоставного предложения; 2) все падежные формы (им., дат., род. и творит. падежи в русском языке) с субъектным значением (Светлик, 1970; Адамец, 1973).

В работах Г. А. Золотовой различаются понятия модели и структуры предложения. Под моделью предложения понимается его предикативная основа. Модель определяется как «минимально достаточное сочетание синтаксических форм, образующих коммуникативную единицу с определенным типовым значением в ряду аналогичных единиц с тем же типовым значением» (Золотова, 1967:91). В качестве структурно-смысловых элементов модели выступают синтаксические формы слов, которые выделяются на основе единства «категориально-лексического значения и морфологической формы слова (включая предлог для предложных форм) и характеризуется синтаксической функцией» (Золотова, 1969:61).

Члены же предложения, по мнению автора, не являются структурными единицами, поскольку существуют модели предложения, организуемые «без одного, а то и без обоих главных членов», например: Ему за пятьдесят. Времени в обрез и т.д. (Золотова, 1969:59).

Структура предложения включает в себя предикативную основу предложения (модель) и компоненты, распространяющие и осложняющие эту основу. Компонентами структуры предложения могут быть все падежные формы с субъектным и агентивным значением, а формы с объектным значением в структурную схему не входят (Золотова, 1973).

Таким образом, сторонники второй точки зрения также не пришли к единому мнению по вопросам построения модели предложения. Расходятся они во мнениях о критериях вычленения тех компонентов предложения, которые являются модельобразующими.

Таким критерием, выдвинутым сравнительно недавно, может служить структурная обязательность компонентов предложения. Роль отдельных членов в организации предложения далеко неодинакова. Одни из них структурно необходимы, обязательны, другие лишь возможны. Первые своими валентными свойствами предопределяют друг друга и являются конструктивно значимыми, обязательными. Вторые могут употребляться, если это диктуется теми или иными коммуникативными целями, но могут быть и опущены без ущерба для грамматического строя предложения, его содержания, содержания остальных компонентов, сохраняющих в совокупности статус предложения, и поэтому называются факультативными, избыточными (Почепцов, 1968; Иванчикова, 1965; Апресян, 1964; Адмони, 1958; Степанова, Хельбиг, 1978). Предложение, состоящее только из обязательных компонентов, способное функционировать как полное, грамматически правильное, обладает свойством синтаксической элементарности. Характерная особенность таких элементарных предложений заключается в том, что они информативно достаточны, независимы от контекста. Отсюда видно, что, если минимальная структурная схема ориентирует нас на формальное устройство предикативной основы предложения, то элементарное предложение — на формальную и семантическую организацию более обширного комплекса компонентов, необходимых для выполнения предложением номинативной функции. Иначе говоря, синтаксически элементарное предложение состоит из минимальной структурной схемы и других конструктивно-обязательных компонентов. Такие конструкции, в отличие от минимальных структурных схем, и

можно называть расширенными структурными схемами (РСС) или синтаксическими моделями предложения.

МСС и РСС относятся друг к другу как часть к целому. Нетрудно заметить, что МСС — это конструкция, которая может совпадать с традиционным нераспространенным двусоставным предложением (*Мен кёреме* «Я вижу»), но может и не совпадать с таким односоставным предложением. Ср. МСС *Барылады* и односоставную синтаксическую модель *Шахаргъа былайтын барылады* «В город едут так». А РСС, включая в себя только обязательные компоненты, представляют собою законченную, но открытую структуру. Такая структура чаще совпадает с традиционным распространенным (Мен сени кёреме «Я тебя вижу»), реже — с нераспространенным предложением (*Къыш келди* «Зима пришла»).

К получению РСС предложения можно прийти разными путями. Исходным объектом анализа может служить широко распространенное предложение. Все факультативные компоненты его могут быть опущены. Опущение компонентов осуществляется до тех пор, пока не возникнет конструкция, дальнейшее свертывание которой приводит к образованию неполного предложения. Полученные таким образом предложения бывают конструктивно завершенными и с точки зрения своего состава минимальными. Например: *Тау сыртланы жапхан жашил агъачны ичинде анда-мында агъарган субай къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Жашил агъачны ичинде анда-мында агъаргъан субай къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Агъачны ичинде анда-мында агъаргъан субай къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Агъаргъан субай къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Субай къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Къайынчыкъъланы бурма чачларын жел тарайды* → *Къайынчыкъъланы чачларын жел тарайды*.

Дальнейшее свертывание данной конструкции приведет к образованию неполного предложения. На основе сопоставления полученных таким способом конструкций можно выявить одинаковые по структуре и смыслу или одинаковые по структуре, но разные по смыслу предложения.

Полнота-неполнота предложений, полученных методом исключения (опущения) компонентов, зависит в основном от соблюдения правил построения предложения, налагаемых валентностью лексемы, занимающей предикатные позиции. Валентность же такой лексемы зависит от характера лексического значения данной словоформы. Как мы видели выше, валентность многозначного глагола может изменяться от значения

к значению и может сама служить, по словам О. И. Москальской, «лакмусовой бумажкой при исследовании смысловой структуры соответствующего глагола» (Москальская, 1974:26). Поэтому для установления присущих языку моделей предложения можно исходить из учета валентных свойств предиката. Многие исследователи при выявлении и описании РСС опираются именно на такие свойства предиката. При решении этой задачи мы также исходим из указанных свойств предикатных лексем. Однако, как уже говорилось выше, в карачаево-балкарском языке нередки случаи, когда одна и та же предикатная лексема служит основой для построения как двусоставной, так и односоставной модели предложения. То, что на ее основе можно построить двусоставную модель предложения, установить легко, а о том, что, опираясь на эту лексему, можно построить еще и односоставную модель предложения, догадаться трудно. Это объясняется многими причинами, основные из них следующие: 1) все рассматриваемые лексемы всегда употребляются в качестве предиката двусоставной модели. Исключений почти не бывает; 2) связь (управление) распространителей предложения с данными лексемами в двусоставных моделях — сильная, а в односоставных моделях — слабая; 3) указанные лексемы при построении односоставных предложений используются гораздо реже, чем при построении двусоставных предложений, и не во всех формах. Ср., например, употребление глагола в роли предиката безличного предложения только в нулевой форме лица единственного числа, использование его в качестве предиката неопределенно-личного предложения лишь в форме третьего лица множественного, а иногда и единственного числа и др.

Известно, что степень полноты выявленного и описанного исследователем списка моделей предложения любого языка зависит от полноты охваченного им языкового материала. Учитывая это, путем сплошного расписывания основных прозаических и поэтических произведений карачаевских и балкарских писателей мы накопили большое количество материала. На основе этого обширного материала путем применения метода исключения нами был получен список моделей простых предложений карачаево-балкарского языка. Затем для пополнения списка моделей из имеющихся источников были выписаны словарные формы всех содержащихся в них глаголов и других лексико-грамматических разрядов слов, опробованных нами на валентность, что дало возможность уточнить и несколько расширить список моделей.

Нам кажется, что применение указанного комплекса при-

емов выявления моделей предложения и проверки выявленных фактов может привести исследователя к объективным выводам. Однако применение некоторых из названных критериев требует ряда оговорок и ограничений. Это касается в первую очередь критерия структурной обязательности компонентов предложения.

Как уже говорилось, некоторые компоненты семантической структуры предложения в карачаево-балкарском и других языках способны выражаться одновременно двумя типами средств: лексическими и морфологическими, а иногда — только лексическими или только морфологическими. В тех случаях, когда они находят одновременно лексическое и морфологическое выражение, лексическое средство их выражения, являющееся фактом поверхностной структуры предложения, трудно отнести без особых натяжек к обязательным компонентам предложения, поскольку и без него смысл предложения оказывается полным. Ср.: двусоставное и традиционное односоставное определено-личное предложения: *Мен Москвада турама* «Я живу в Москве» и *Москвада турама* «(Я) живу в Москве».

Признание подлежащего таких двусоставных предложений, выраженного местоимениями 1-го и 2-го лица или другими словами того же значения, необязательным ставит исследователя в затруднительное положение, так как в тех же предложениях подлежащее, выраженное словом со значением 3-го лица, является обязательным компонентом предложения. Ср.: *Ол Москвада турады* «Он живет в Москве» и *Москвада турады* «Живет в Москве».

Как видим, в отличие от предложения «Москвада турама», конструкция «Москвада турады» является неполной.

Все ученые, занимающиеся исследованием синтаксической семантики и моделирования предложения, касаясь атрибутивного компонента высказывания, подчеркивают, что последний не может быть отнесен к моделиобразующим членам предложения. При этом все они исходят из фактов нетюркских языков.

Анализ фактов карачаево-балкарского языка показывает, что с таким мнением невозможно согласиться. Встречаются, например, такие предложения, в которых притяжательный атрибут никак не может быть опущен без ущерба для информативной достаточности предложения. Дело в том, что в данном языке имеются существительные, которые только в исключительных случаях употребляются без притяжательного определения или аффикса принадлежности, являющегося носителем значения такого определения. К таким существительным относятся слова, обозначающие части тела человека, и термины родства, напри-

мер: *ата* «отец», *ана* «мать», *эгеч* «сестра», *аякъ*, «нога», *къол* «рука» и т. п. Исследователь карачаево-балкарского языка проф. У. Б. Алиев справедливо подчеркивал, что существительные эти органически или родственно связаны с каким-либо лицом и чаще встречаются с притяжательными аффиксами. Он это объяснял «отсутствием в карачаево-балкарском языке отвлеченного представления матери, руки, сестры, желания и т. д., т. е. тем, что мать, рука, желание, сестра могут быть только чьими-нибудь» (Алиев, 1962:24). Собранные нами факты свидетельствуют, что указанные существительные иногда могут быть употреблены вне отношения к тем словам, обозначающим лица, к которым принадлежат предметы и лица, обозначенные вышеуказанными группами существительных. При таком употреблении данные существительные используются в языке без аффиксов принадлежности, например: *Кёзден кетген кёлден кетер* (посл.) «Кого часто не видишь, тот забывается». *Къол къолну жууар* (посл.) «Рука руку моет».

Такое функционирование этих существительных характерно только для пословиц и поговорок. В современном же карачаево-балкарском литературном языке они почти всегда употребляются с аффиксами принадлежности. В языке возможны и такие случаи, когда данные слова без этих аффиксов не употребляются.

В тех случаях, когда приведенные группы слов употребляются с аффиксами принадлежности, при них могут быть и лексически выраженные атрибуты. Тогда атрибут выражается лексико-морфологически. Если же лексическое средство его выражения отсутствует, притяжательный атрибут выражается только морфологически — притяжательным аффиксом. Ср.: 1) *Мени атым эмиликди* «Моя лошадь является необученной». 2) *Атым эмиликди* («Моя) лошадь является необученной».

В этих предложениях атрибут выражен разными способами: в первом из них — лексико-морфологически, а во втором — морфологически. Поэтому такие конструкции идентичны по содержанию, но различаются по способу выражения. Опущение лексического средства выражения атрибута здесь допустимо, потому что оно представляет собою слово, обозначающее 1-е лицо. То же самое относится и к аналогичной словоформе, обозначающей 2-е лицо. А опущение словоформы, занимающей позицию атрибута и обозначающей 3-е лицо, недопустимо, так как это ведет к образованию неполного предложения. Например: *Аны аты эмиликди* → *Аты эмиликди*. Второе из этих предложений явно неполное.

Таким образом, в одних и тех же предложениях одни и те

же формы слов, занимающие одни и те же позиции, в одних случаях могут быть опущены без ущерба для информативной достаточности предложения, в других случаях — не могут быть опущены. Чтобы разрешить это противоречие, можно ввести следующее правило: если дальнейшее сокращение конструкции приводит к образованию хотя бы одного неполного предложения данной структуры, дальнейшее опущение компонентов конструкции должно быть прекращено, потому что расширенная структурная схема уже имеется. Отсюда следует вывод, что лексемы, занимающие позиции прямого субъекта и притяжательного атрибута, — необходимые компоненты предложения: *Мен устазма* «Я учитель»; *Ол эсенчиди* «Он учетчик»; *Мени китабым сендеди* «Моя книга у тебя»; *Аны китабы мендеди* «Его книга у меня».

Признание слова со значением 1-го или 2-го лица, являющегося выразителем субъекта, обязательным компонентом предложения, может привести исследователя к отрицанию наличия личных односоставных предложений. Однако в языке такие предложения в действительности существуют (см. об этом ниже), и включение указанных словоформ в число необходимых компонентов предложения должно пониматься не как отказ от признания данных конструкций, а как условный прием, облегчающий анализ моделей предложения.

Включение в состав модели предложения того или иного слова в отдельных случаях предопределяется не валентными свойствами предикатной лексики, а другими факторами, а именно характером структуры предложения, типа связей и отношений между ее компонентами и т. д. Например, предложения, в которых согласование сказуемого с подлежащим во мн. числе обусловлено наличием количественного определения, при опущении последнего становятся аграмматичными, поэтому в таких случаях определение должно рассматриваться как необходимый элемент модели предложения, например: *Бригадада он адам ишлейдиле* «В бригаде работают десять человек».

Опущение определений может привести к изменению смысла предложения, а иногда даже к образованию ложных суждений. Ср.: примеры: 1) *Бизге беш сом жетмейди* «Нам не хватает пяти рублей». → *Бизге сом жетмейди* «Нам не хватает рубля». 2) *Окзумагзан адамны билими болмайды* «У человека, который не учился, знаний не бывает» → *Адамны билими болмайды* «У человека знаний не бывает» и т. д. На наш взгляд, в этих случаях нецелесообразно выводить определение за границы расширенной структурной схемы предложения. Ср.: еще предложения: *Туугач журтун суймеген адам туююлду* «Не

«Объясняя свою родину человек не является человеком». → *Адам одам туююлду* «Человек не является человеком».

Определение может быть составной частью сказуемого. Опущение определения в данном случае также приводит к искажению смысла предложения, например: *Петро ары да, бери да дууша айланган адам туююл эди* «Петро не был колеблющимся человеком» → *Петро адам туююл эди* «Петро не был человеком».

Не учитывая подобных фактов, многие лингвисты утверждают, что опущение определений не приводит к изменению смысла предложения. Исследователь узбекского языка А. С. Сафаев совершенно справедливо возражает: «определение в структуре предложения занимает особое место... Но нельзя определение исключать из рядов других членов предложения, делая его придатком. Предложение типа *Одам одам эмас* с точки зрения семантики представляет собой полнейшую бессмыслицу» (Сафаев, 1968:29).

В рассмотренных случаях в результате опущения определений мы получаем не только неоднозначные, но и некорректные с точки зрения норм современного языка предложения.

Причиной информативной недостаточности может служить отсутствие компонентов, только в соединении с которыми главный член односоставного предложения получает однозначность. Например, сочетание *тютюн ичмейдиле* «не курят» только в сочетании с обстоятельством места образует неопределенно-личное предложение. А словоформа *сууукъду* «холодно» в сочетании с таким обстоятельством образует безличное предложение: *Минда сууукъду* «Здесь холодно».

Иногда временная форма глагола употребляется не в своем значении. В данном случае она без обстоятельства времени не может обозначать соответствующей временной отнесенности действия, поэтому такое обстоятельство также нужно рассматривать как необходимый компонент предложения (Почепцов, 1971:68—69). *Мен ол китابны былтыр окъуйма* «Я эту книгу прочитал в прошлом году» (досл. «Я эту книгу читаю в прошлом году»).

Таким образом, информативная недостаточность предложения бывает обусловлена не только необходимостью введения в синтаксическую конструкцию распространителей, связанных с компонентами схемы, вернее, с предикатной лексемой, являющейся ядром схемы (например: *Поезд шахаргъа барады* «Поезд идет в город». Алим шахарда жашайды. «Алим живет в городе» и т. п. (Холодович, 1960; Адмони, 1976), но и другими причинами. Учитывая эти причины, можно утверждать, что РСС

(или модель) предложения может включать в себя МСС и следующие конструктивные компоненты предложения: 1) предметные компоненты, необходимые для обеспечения информативной достаточности предложения, а именно: а) дополнения с различными субъектными значениями; б) падежные формы с различными объектными значениями; 2) компоненты с обстоятельственными значениями, необходимые для выполнения предложениями номинативной функции, а именно: а) компоненты, восполняющие информативную недостаточность односоставной и двусоставной модели; б) компоненты, в сочетании с которыми главный член односоставной модели предложения получает однозначность; в) компоненты, в сочетании с которыми временная форма глагола может обозначать соответствующую временную отнесенность действия; 3) определительные компоненты а) притяжательное определение, необходимое для информативной достаточности предложения; б) определения, отсутствие которых ведет к образованию информативно недостаточных, некорректных предложений, ложных суждений и др.

Иными словами, компоненты предложения в построении РСС играют неординарную роль. Для установления этого важного фактора большое значение имеет рассмотрение компонентов предложения не только в их отношении друг другу, как это принято в тюркологии, но и в их отношении к самому предложению. Такой подход к их изучению показывает, что элементы предложения могут быть разделены на две группы: 1) компоненты, участвующие в создании РСС предложения и 2) компоненты, не участвующие в создании РСС предложения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аблаков А. Словосочетания с управляющими именами в современном казахском языке. АКД. Алма-Ата, 1968.
- Адамец П. Очерк функционально-трансформационного синтаксиса современного русского языка. Прага, 1973.
- Адомони В. Г. Завершенность конструкции как явление синтаксической формы. — ВЯ, 1958, № 1.
- Адомони В. Г. Синтаксическая семантика — это семантика синтаксических структур. — «Проблемы синтаксической семантики. Материалы научной конференции. М., 1976.
- Алиев У. Б. Главные члены предложения карачаево-балкарского языка и средства их выражения. — В помощь учителю балкарской школы. Нальчик, 1962.
- Апресян Ю. Д. О сильном и слабом управлении. — ВЯ, 1964, № 1.
- Апресян Ю. Д. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967.
- Арват Н. Н. Семантическая структура безличных предложений в современном русском литературном языке. АДД. М., 1976.

- Арутюнова Н. Д. Синтаксис. — «Общее языкознание. Внутренняя структура языка». М., 1972.
- Бабайцева В. В. Односоставные предложения в современном русском языке. М., 1968.
- Байрамкулов А. М. Кърачай-малкъар тилини синтаксиси. Черкесск, 1962.
- Белашапкова В. А. Современный русский язык. М., 1977.
- Будагов Р. А. К теории синтаксических отношений. — ВЯ, 1973.
- Гак В. Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения. АДД. М., 1968.
- Грамматика современного русского языка, т. II, ч. 2, М., 1960.
- Грепль М. К сущности типов предложений в славянских языках. — ВЯ, 1967, № 5.
- Донидзе Г. И. Безличные предложения в хакасском языке. Абакан, 1957.
- Золотова Г. А. О структуре простого предложения в русском языке. — ВЯ, 1967, № 6.
- Золотова Г. А. О синтаксической форме слова. — Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Золотова Г. А. О регулярных реализациях модели предложения. — ВЯ, 1969, № 1.
- Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.
- Иванчикова Е. Л. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе. — ВЯ, 1965, № 5.
- Кодухов В. И., Бондарко О. В. О новой модели описания грамматического строя русского языка. — ВЯ, 1971, № 6.
- Кокорина С. И. О необходимых компонентах реализации структурной схемы предложения. АКД. М., 1974.
- Кубик М. К вопросу классификации простого предложения в Новой Академической грамматике русского языка. СР, 1972, т. XVII, № 2.
- Ломтев Т. П. Принципы построения формулы предложения. — ФН. 1969, № 5.
- Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1974.
- Ломтев Т. П. Структура предложения в современном русском языке. М., 1979.
- Москальская О. И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1974.
- Муждабаев М. М. Безлично-страдательные конструкции в современном узбекском языке. АКД. Ташкент, 1963.
- Низяева Г. Ф. Неопределенные личные предложения в современном русском языке (семантико-грамматическая организация). АКД. М., 1972.
- Почепцов Г. Г. Об обязательном и факультативном окружении. — ВЯ, 1969, № 1.
- Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, 1971.
- Сагитов М. М. Структурно-семантические типы безличных предложений в современном татарском литературном языке. АКД. Казань, 1964.
- Сафаев А. С. Исследования по синтаксису узбекского языка. Ташкент, 1968.
- Светлик Я. Синтаксис русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1970.
- Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М., 1978.

Супрун А. В. Грамматика и семантика простого предложения. М., 1977.

Тулапина Э. М. Грамматическая и смысловая структура русских финитивных предложений. АКД. М., 1973.

Ульянова Т. Б. К проблеме семантико-синтаксической организации предложения в современном французском языке. АКД. М., 1974.

Холодович А. А. Опыт теории подклассов слов.—ВЯ, 1960, № 1.

Шведова Н. Ю. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. — 1964, № 6.

Шведова Н. Ю. Построение раздела «Синтаксис простого предложения». — Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., Наука, 1966.

Шведова Н. Ю. Существуют ли все-таки детерминанты как самостоятельные распространители предложения? — ВЯ, 1968, № 2.

Шведова Н. Ю. О понятии «регулярная реализация структурной схемы предложения». — Мысли о современном русском языке. М., 1969.

Шведова Н. Ю. Структурные схемы предложения и их регулярная реализация. — Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

Шведова Н. Ю. Место семантики в описательной грамматике (синтаксис). — Грамматическое описание славянских языков. М., 1974.

О СИНТАКТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ СТАТИВА В СОВРЕМЕННОМ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Как известно, одной из универсальных особенностей языковых изменений и развития в области грамматики является переход синтаксических категорий в морфологические, который сопровождается структурно-формальными и функционально-семантическими сдвигами и грамматической абстракцией данной единицы (Степанов, 1975:136).

Один из живых случаев проявления этой закономерности представляет собой современный карачаево-балкарский статив, в основе которого лежит деинричастие на аффикс *-n*, характеризующееся в абсолютном большинстве тюркских языков широким и разнообразным семантико-функциональным диапазоном (ИСГТЯ II, 1956:277—288, 309—313; ГХЯ, 1975:218; Балакаев, 1959:134; Малов, 1956:26; Баскаков, 1958:96; Юлдашев, 1958:76—80; Дмитриев, 1962:299; ГҚЯ, 1964:251; СТЛЯ, 1965:249; Исхаков, Пальмбах, 1961:318—373; СУЯ, 1966:245—246; Джанмавов, 1967:45—75; Покровская, 1963:69): *кѣууаныпма-я рад, кѣууанып эдим* — я был рад, *кѣууанып бол!* — будь рад! *кѣууанып болса* — если будет рад...

С теоретической точки зрения карачаево-балкарский статив обращает на себя внимание прежде всего дискуссионностью вопроса о его морфологическом статусе как лично-грамматической временной формы глагола.

Наличие статива (в презентной форме) в карачаево-балкарском языке отмечал еще В. Прёле. Однако в силу обзорно-фактологического характера своей работы он ничего не говорит относительно морфологической или синтаксической принадлежности данной формы и соответственно ее терминологической де-

финиции. Но тем не менее удачный подбор примеров на статив и удачный перевод их на немецкий язык свидетельствуют о том, что В. Прёле правильно понимал семантико-функциональную сущность статива: *zazılıftı—es ist (steht) geschrieben; tüyme salınıftı es sind Knöpfe daran genäht.*

В практических и теоретических работах по карачаево-балкарскому языку содержатся два момента, которые при кажущейся их парадоксальности, объективно отражают специфическую особенность статива как живого примера наметившегося перехода синтаксического явления в морфологическое. Первый момент заключается в эволюции взглядов отдельных исследователей на место статива в грамматической системе языка. Вторым моментом, непосредственно связанным с первым, касается противоречивости категориального определения статива и использования соответствующего терминологического инвентаря для его характеристики. В связи с первым интересно отметить, что у одних и тех же исследователей в более ранних работах статив или вообще не упоминается, или же отнесен к синтаксической категории «сказуемости», а в последующих работах он в той или другой временной форме причисляется к разряду лично-временных грамматических форм глагола. Так, например, в «Грамматике карачаевского языка» (ч. I, Фонетика и морфология) А. М. Байрамкулова статив вообще не упоминается (Байрамкьулланы А., 1958). А в «Грамматике», изданной в 1970 году статив, фиксируемый в презентной форме (*ачылыпды*), определяется как форма грамматического настоящего времени (Байрамкьулланы А., Орусбийланы И., 1970:139). Примечательно изменение точки зрения проф. У. Б. Алиева на статив. В статье, посвященной главным членам предложения карачаево-балкарского языка и средствам их выражения, статив, отмечаемый в презентной и очевидной претеритальной формах (*жазылды* — он написал, *жазыл эди* — он написал тогда), рассматривается как синтаксическая категория сказуемости «выражение сказуемого неспециализированными средствами» (Алиев, 1962:431). Аналогичная трактовка дана стативу и в «Синтаксисе карачаево-балкарского языка» (Алиев, 1973:135). Но далее в статье «Категория наклонения и времени в глаголе карачаево-балкарского языка», являющейся одним из его последних исследований, статив определяется как морфологическая лично-временная форма глагола и отмечается в изъявительном (подтвердительном) и условном наклонениях настоящего и очевидного прошедшего времени: *келинди* — он прибыл, *келип эди* — он прибыл тогда, *келип эсе* — если он прибыл, *ке-*

диш эди эсе — если он прибыл тогда. Таким образом, доминирует представление о морфологическом статусе статива и, значит, принадлежности его к лично-временным грамматическим формам глагола. Но это обстоятельство не только не ведет к единству семантико-функциональных и терминологических дефиниций статива, а наоборот, оказывается взаимосвязанным с их противоречивостью. Так, например, проф. В. И. Филоненко отмечает статив только в форме очевидного прошедшего времени (*алын эдим* — я взял тогда) и называет ее «прошедшее неоконченное» (Филоненко, 1940:68). Однако трактовка аспектуального характера карачаево-балкарского статива основывается не столько на фактах самого карачаево-балкарского языка, где статив синтезирует в своей семантике предшествующую завершенность и последующее состояние действия, сколько исходит из фактологических и терминологических данных другого тюркского языка, где соответствующая форма статива семантически смещена от результативности полностью к выражению последующего состояния, переосмысленного в континуитивность. В частности, в бухарских говорах узбекского языка данная форма в презенсе выражает настоящее конкретное время (прогрессив): *йозопман* — пишу (Мирзаев, 1965:67). А в узбекском литературном языке она расщеплена по двум временным планам: при участии вспомогательных глаголов выражает действие в настоящем: *ёзиб утирибман* — я пишу в данный момент, без участия вспомогательных глаголов она представляет собой прошедшее повествовательное (Решетов, 1966:350), *шилланман* — я работал.

А. Ю. Бозиев отмечает карачаево-балкарский статив также только в форме очевидного прошедшего времени (*жукълан дидик* — мы спали тогда) и определяет ее как «прошедшее время состояния» (Къ-МТГ, 1966:206). Здесь обращает на себя внимание не столько терминологическое расхождение, сколько тот факт, что именно претеритальный статив признается грамматическим временем, а презентный статив (*алынды* — он взял, *жукъланды* — он спит) вообще не упоминается, хотя факты карачаево-балкарского языка в семантико-функциональном, формально-структурном и количественном отношениях свидетельствуют о параллелизме претеритального и презентного статива, более того, о некотором количественном приоритете последнего. С другой стороны, такая избирательность при одинаковых условиях представляется не случайной, а объясняется в определенной мере интуитивно-психологическим фактором. В частности, претеритальный статив воспринимается как более грамматикализованный в силу того, что при нем имеется специальный формант

прошедшего времени — *эди*, достигший высокой грамматической абстракции и дистанцирующий глагольное действие в прошлое не только рационально, но и эмоционально-стилистически. Например: *Къарт тюнене ауруп эди, бюгюн маджал болгъанды* — Старик вчера был болен, сегодня ему стало лучше. Эмоционально-стилистически — *Къарт бюгюн ауруп эди да* (вм. *аурупду да*), *врач келип дарманла жаза турады* — Старик сегодня болен, и врач выписывает ему лекарства. Эта активная эмоционально-стилистическая способность претеритальных глагольных форм с формантом *эди* представлять логически настоящие и нередко будущие действия явилась, наряду с отношениями одновременности действий в прошлом, одной из мотивировок для причисления проф. У. Б. Алиевым как презентного, так и претеритального статива к настоящему времени. При этом оговаривается, что *келипди, кетипди* показывают настоящее время в настоящем времени. Время действия или состояния совпадает с временем сообщения о нем, а время глагола *жазып эди* (т. е. претеритального статива — Д. Х.) было настоящим временем по отношению к другому действию в прошлом.

Если презентный и претеритальный статив II У. Б. Алиевым отнесены к разряду настоящего времени, то И. Х. Урусбиев наоборот, причисляет обе формы к разряду прошедшего времени и дает им одну общую категориальную дефиницию как «прошедшее результативное время» (Урусбиев, 1963:142—143, 160—162; ГКБЯ, 1976:242—246; Хабичев, 1966:223). Однако обстоятельное объяснение им же семантико-функциональных особенностей этих глагольных образований убеждает в неправомерности такого номенклатурного объединения формы настоящего времени (*кетипме* — я ушедши есмь, пребываю ушедшим) формы прошедшего времени (*кетип эдим* — я ушедши был, пребывал ушедшим). Тем не менее отнесение презентного образования (*кетипме*) к разряду форм прошедшего времени, где наличествует собственный претеритальный коррелят (*кетип эдим*), едва ли носит просто механический характер. В этой связи необходимо указать на два объективных фактора, которые скорее всего могли сыграть роль аксиоматического аргумента.

Во-первых, сематическая двухкомпонентность статива, в котором содержится указание на завершенность предшествовавшего действия и его непосредственный последующий результат как длительное состояние, сама допускает возможность определить презентный статив как прошедшее, если взять за исходную точку первый момент этой двухкомпонентности, т. е. указание

на предшествовавшее действие, которое логически относится к прошлому.

Во-вторых, данное деепричастное глагольное образование, возникшее еще в древности (Абдурахманов, 1967:91—94), в большинстве современных тюркских языков подверглось процессу грамматикализации, сместив при этом свою семантику в сторону выражения прошедшего действия (Кононов, 1960:220; Баскаков, 1956:288; Малов, 1956:26; Баскаков, 1958:96; ГКЯ, 1964:251; СУЯ, II, 1966:245—246; ГАЯ, I, 1960:187; Баскаков, II, 1952:139). Иными словами, наряду с центробежной тенденцией, по которой эта форма в отдельных тюркских языках обнаруживала свои дифференциальные признаки, она в то же время по центростремительной тенденции сохраняла и развивала общетипологические черты в направлении формирования как перфекта с различными модально-стилистическими оттенками (Гаджиева, 1973:180—184; Серебренников, Гаджиева, 1979:186—188). По аналогии с этим обстоятельством несомненно возникает повод признавать и за карачаево-балкарским стативом статус грамматического времени и причислять его презентную форму к категории общетюркского перфекта.

В работе И. Х. Ахматова, посвященной исследованию главных членов предложения и средств их выражения в современном карачаево-балкарском языке, как презентный, так и очевидный претеритальный статив рассматриваются как лично-временные грамматические формы глагола и тем самым причисляются к «специализированным средствам выражения сказуемого» (Ахматов, 1968:91, 101—102, 104—105). При этом определение презентного статива как «прошедше-настоящего результативного времени» носит компромиссный характер, что вызвано стремлением автора примирить существующие точки зрения.

Замечания, приведенные выше, имеют здесь своей целью обосновать при рассмотрении природы карачаево-балкарского статива необходимость учета его соотношения и взаимодействия с факторами, непосредственно взаимосвязанными с глагольными временами: 1) наклонение, 2) лицо, число и время, 3) положительный и отрицательный аспекты, 4) достоверность и гипотетичность, 5) очевидность и неочевидность, 6) частное (конкретное) и общее (абстрактное), 7) залого, 8) видовые и невидовые глаголы, 9) лексико-синтаксическая сочетаемость статива, 10) эмоционально-стилистические особенности стативной фразы.

1. Статив — наклонения глагола. Из 44 примеров сплошной выборки на статив из различных произведений художественной и публицистической литературы только в двух случаях статив

встречается в условном наклонении (презент и футурум). Презент: *Сени эркишиден эсе кэатын кэорлугунг жэнгип эсе, ... фронтда сени кибик керек тюлдю* (МЖ, 93) — Но если у тебя берет перевес женская жилка над мужской, тогда такие, как ты не нужны фронту. Футурум: *Туман кэтюрюлюп болса, чатны картасын алыгъыз* (МЖ, 27) — Если туман поднялся, нанесите лощину на карту. В остальных 42 примерах статив употребляется в изъявительном (утвердительном) наклонении. Например: *Столну аякэлары жерге бегитилипдиле* (МЖ, 75) — Ножки стола прикреплены к полу. *Бойнун артха бурунду* (МЖ, 73) — Он повернул голову назад. Отдельные случаи употребления императивного статива, образуемого при помощи вспомогательного глагола «бол» — «стать, быть», встречаются в общедоступно-разговорной речи. Например: *Сиз айтханны унутмазбыз, анга ийнанып болуғуз!* — Мы не забудем, что вы сказали, будьте в этом уверены. *Биз былайгэа келирге, хазырланып бол!* — Чтобы ты был готов к нашему приезду! *Кэонакэла келирге, юй дэжыйлып болсун!* — Надо, чтобы к приезду гостей в доме было убрано. Не встречается статив в желательном наклонении. Из дифференцированного отношения статива как синтаксической категории сказуемости к наклонениям вытекает следующий предварительный вывод: распределяясь по наклонениям чрезвычайно неравномерно и при этом тяготея к изъявительному наклонению, представляющему высказывание как действительность, статив практически связан с утвердительной модальностью и в определенной мере поляризуется с наклонениями не-реальности (условным, повелительным, желательным).

2. Статив — лицо, число и время глагольного действия. Из 44 случаев употребления статив встречается в 1 л. — 1 раз: *Анга толу ийнанылма* (МЖ, 174) — В том я убежден полностью. Во 2 л. — также 1 раз: (см. вышеприведенный пример в условном наклонении). В остальных 42 примерах он представлен в третьем лице. При этом форма ед. ч. встречается в 30 случаях, а форма мн. ч. — в остальных 12. Относительная редкость статива для 1 и 2 лица и его частота в 3 лице в рассмотренных примерах не является случайной; соотношение это наблюдается и в устной обиходной речи. Примечательность этого явления состоит в данном случае не столько в том, что 1-е и 2-е лица, соотносясь лишь с понятием одушевленного (лица), по своему семантико-функциональному диапазону и сочетаемости значительно уже, чем 3-е лицо, имеющее глобальный характер. По-видимому, определенную роль здесь играет также различие в субъективной эмоциональной окрашенности личных форм, которая для 1-го и 2-го лиц

значительно выше, чем для 3-го лица. И частота статива выше там, где ниже эта субъективно-эмоциональная окраска, т. е. в 3-м лице.

Из 42 случаев употребления индикативного статива 38 — презентный статив. Например: *Халкъ клубну аллына жылынды* (МЖ, 151) — Народ собрался у клуба. В остальных 4 случаях представлен только очевидный претеритальный статив. Напр.: *Аш столга салынып эди* (МЖ, 177) — Обед был подан на стол. Этот перевес презентного статива над очевидным претеритальным объясняется главным образом тем, что в литературе повествование ведется преимущественно на презентном фоне. Если же фон повествования претеритальный, перевес соответственно оказывается на стороне очевидного претеритального статива. В коммуникативном аспекте обе формы встречаются примерно одинаково, что свидетельствует о параллелизме их развития.

Не зафиксированные в литературе, но встречающиеся в устной речи отдельные случаи категорического футурального статива носят индивидуальный оттенок. Например, из детской речи: *Биз дерслени бошарга, кёлню суу жылынып боллукъду* — Пока кончатся наши уроки, вода в озере будет теплой. Единичны также случаи употребления неочевидного претеритального статива: *Ол заманда ол Тау артына кетип болганды дейдиле* — Говорят, что в то время он уехал в Закавказье. Не встречается статив в форме неопределенного футурума типа *ийнанып болур*, представляющего действие как субъективное допущение говорящего, и в форме многократного обычного настоящего типа *ийнанып болуучуду*, связанного с обобщенно-абстрактным понятием глагольного действия.

3. Статив-положительный и отрицательный аспекты глагольного действия. Практически все рассматриваемые здесь случаи употребления статива встречаются в положительном аспекте. Например: *Иш алайга жетмезлигине ийнанынды* (МЖ, 100) — Он уверен, что дело не дойдет до этого. *Кзызылы бла агы тегюлюндю* (БХ, 263) — Ее лицо налито белизной и румянцем. В этой связи обращает на себя внимание замечание И. Х. Урусбиева о том, что данная форма (т. е. карачаево-балкарский статив — Д. Х.) почти не сочетается с формами возможности, отрицания, как, например, в казахском языке — *барман эдим* «я не ходил» (Урусбиев, 1963). Замечание справедливо в отношении фактологической стороны рассматриваемого явления, но требует дополнительного разъяснения непосредственной причины невстречаемости карачаево-балкарского стати-

ва в аспекте возможности и отрицания. Рассуждение может иметь обратный порядок: коль скоро стив не распространяется на те или иные лексико-грамматические группы глаголов, правомерно ли аксиоматическое признание стива в качестве грамматической временной формы глагола?

Несвойственность стива для форм возможности связана с тем, что последние представляют собой разряд видовых (аналитических) глаголов: *кёре алама* — могу видеть, *жаза аласа* — можешь писать и т. д. А одна из основных структурно-формальных и семантико-функциональных особенностей карачаево-балкарского стива заключается в том, что он является только принадлежностью невидового глагола, одним из его специфических признаков. И тот очевидный факт, что стив не распространен на весь глагольный класс, а привязан только к определенной его части, — бесспорное свидетельство того, что он не грамматическое глагольное время, а категория, в которой преобладают черты лексико-синтаксического порядка, т. е. категория сказуемости.

Далее, отсутствие отрицательных форм стива типа казахского *кёрменти* — он не видел, *барманты* — он не ходил и т. д. объясняется тем, что в карачаево-балкарском языке нет синтетического отрицательного деепричастия типа *кёрмен*, *барман* и т. д. Тем не менее, стив отрицательного аспекта наличествует в карачаево-балкарском языке, образуемый аналитическим путем — сочетанием деепричастия положительного аспекта со словом-отрицанием *тюйюл*, которое функционирует как формант отрицательного аспекта синтаксической категории сказуемости. Например, сказуемость: *Хамит къарт тюйюлдю* — Хамит не стар. Соответственно стив: *Хамит жукълап тюйюлдю* — Хамит не спит. Однако отрицательный стив в языке, так же, как и императивный, футуральный, неочевидный претеритальный, образуемые аналитически, крайне, редко встречается. Двойственный характер формообразования стива (синтетический и аналитический) представляет в этой связи интерес в двух отношениях. Во-первых, он свидетельствует с формальной стороны о принадлежности стива к синтаксической категории сказуемости. Сравним, например, полную идентичность формообразования именной сказуемости и стива: *алчы + ды* — он передовик, *алчы боллукъду* — он будет передовиком, *алчы бол* — будь передовиком, *алчы болса* — если он будет передовиком, *алчы тюйюлдю* — он не передовик, *къууанып + ды* — он рад, *къууанып боллукъду* — он будет рад, *къууанып бол* — будь рад, *къууанып болса* — если будет рад, *къууанып тюйюлдю* — он не рад и т. д.

Во-вторых, резкая количественная диспропорция между синтетическими и аналитическими формами статива (абсолютное преобладание первых) не только отражает их внутреннюю коррелятивную асимметрию, но и свидетельствует также в пользу того, что формы презентного и очевидного претеритального статива, являющиеся синтетическими, обнаруживают активную тенденцию к грамматикализации своих значений и тем самым к обособлению как лично-временные формы глагола.

Одним из факторов, противодействующих этой тенденции, и является отсутствие синтетической формы отрицательного аспекта статива и необходимость ее образования аналитическим способом, который противоречит общей синтетической природе формообразования системы лично-временных грамматических форм глагола современного карачаево-балкарского языка и создает своего рода «воронку» на пути грамматикализации статива.

4. Статив — достоверность и гипотетичность глагольного действия. Резкую дифференциацию обнаруживает статив в отношении достоверности и гипотетичности глагольного действия. Из 44 примеров только в двух случаях (в вышеприведенных формах условного наклонения — *кётюрюлюп болса* — если подъялся, *женгип эсе* — если берет перевес) статив связан с гипотетичностью действия. В остальных 42 случаях он выражен изъявительным наклонением и представляет действие как достоверное. В разговорной речи он иногда употребляется в предположительном значении, образуемый также аналитически при помощи глагола *болур* — может быть. Напр.: *Жолну къар басып болур эди* — Вероятно, дорогу занесло снегом. *Ат тагъылып болур дейме* — Кажется, копь сейчас на привязи.

5. Статив — очевидность и неочевидность глагольного действия. Отношение статива к очевидности—неочевидности, являющейся сквозным модально-грамматическим признаком прошедших времен карачаево-балкарского глагола, тесно взаимосвязано с его отношением к достоверности и гипотетичности действия. Как отмечалось выше, из 42 случаев индикативного употребления статива 38 представлены презентным стативом, остальные 4 — очевидным претеритальным; это соотношение может меняться в пользу последнего, если фон повествования претеритальный. В коммуникативном аспекте частотность обеих форм одинаковая. В противоположность этому употребление статива в форме неочевидного прошедшего встречается крайне редко. Например: *Эшикге кирит салынып болгъанды* — Дверь была на замке.

Из анализа перечисленных пяти случаев, когда статив проявляет особенности своей дифференциации, следует вывод, что статив в абсолютном большинстве характеризуют изъяснительное наклонение, настоящее и очевидное прошедшее время, положительный аспект, достоверность действия; и наоборот, стативу не свойственны или менее свойственны неизъяснительное наклонение, футуральное и неочевидное прошедшее время, отрицательный аспект, гипотетичность действия.

Характер противочленов этой оппозиции указывает на то, что статив на современной стадии его развития связан с достоверностью, очевидностью, фактической данностью действия (состояния) и отмежеван от гипотетичности, неочевидности, нереальности.

6. Косвенным подтверждением предшествующего вывода является отношение статива к таким лексико-семантическим факторам, как выражение частного (конкретного) — общего (абстрактного). Собственно грамматические временные формы глагола совмещаются как с идеей частного (конкретного), так и с идеей общего (абстрактного) понятий действия, субъекта, объекта, обстоятельства и т. д. Например: в настоящем: конкретно — *Жашчыкъ арбазда къоллары жууады* — Мальчик моет во дворе руки; абстрактно — *Къол къолму жууады* — Рука руку моет; в прошедшем: конкретно — *Анасы къызчыгыбыны къолундан тутду* — Мать взяла дочь за руку; абстрактно — *Кёз кёрдю, къол тутду* — Что увидел глаз, то взяла рука; в будущем: конкретно — *Акъыртын айтсанг, сёзюню ангыларыкъма* — Если скажешь медленно, я пойму твоё слово; абстрактно — *Акъыртын айтылган сёзю ким да ангыларыкъ ды* — Если говорить слово медленно, всякий поймет.

Специфическая особенность современного карачаево-балкарского статива — его соотнесенность только с понятием частного (конкретного) действия. Например: *Мени атым да жазылыпды* (МЖ, 11) — И мое имя записано. *Вера, алыкъа ауруп тураса. Этинг къызынды* (МЖ, 26) — Вера, ты еще больна, все тело горит.

Этим конкретизирующим семантическим своеобразием статива объясняется его неупотребительность в пословицах, поговорках, сентенциях, обобщениях, действие которых связано с отвлеченно-абстрактными понятиями.

Примечание. В этой связи следует заметить, что свойство выражать только понятие частного (конкретного) действия, притом обычно в прямом значении, является одним из дифференциальных семантико-функциональных признаков статива по сравнению с синтезированным сказуемым.

совпадающим формально со стативом, но семантически содержащим идею общего (условного) действия. Например: *Гурджю таудан ары аууду* — Грузия находится по ту сторону гор. Букв. — Грузия, если перевалить за горы, есть. *Бизни эл ёзенц ёрге барынды* — Наш аул расположен в верховьях ущелья. Букв. — Наш аул, если вверх по ущелью идти, есть. Предложения с такими «квазистативными» сказуемыми имплицитно, как правило, гипотаксисы с условным придаточным компонентом. Их синтактико-структурная экспликация имеет следующую примерную модель: *Таудан аусанг, Гурджю андады* — Если перевалишь горы — Грузия там. Или: *Гурджю таудан аусангды* — Грузия, если перевалишь горы, есть. Модель такого синтезированного сказуемого распространена не только на деепричастие -н, но также и на деепричастия типа *келгинчи* «пока придет», причастия *келгенден сора* «после того, как придет» и т. д. Например, *Бизни юй кёпюрге жетгинчиди* — Наш дом находится, не доходя до моста. *Сизни юй кёпюргенден сорады* — Ваш дом находится, когда перейдешь мост.

7. Статив — залог глагола. Довольно четкое разграничение прослеживается в отношении статива к залогам глагола. Как показывают факты языка, статив активно образуется от глаголов страдательного, возвратного и действительного (прямого) залогов. Например: страдательный залог — *Кёксюлдюм топуракъ къотарылынды* (БХ, 271) — Вырыт зеленоватый грунт; *Кёзлери жарты ачылынды* (МШ, 116) — Глаза полуоткрыты; *Байралны аты бла чыкъгъан къабыргъа газет да тагъылынды* (МЖ, 74) — Вывешена стенгазета в честь праздника; возвратный залог — *Халкъ клубну аллына жыйылынды* (МЖ, 151) — Народ собрался у клуба; *Тубан ёрге кёпюрюлюндю* (МЖ, 25) — Туман поднялся; действительный (прямой) залог — *Бирер жанлары къобундула* (МЖ, 103) — Одна сторона их снята; *Анабыз да, келинибиз да келиндиле* (МЖ, 169) — И мать, и сноха наша пришли; *Онг жаны мийик тауну этегин чымлакъ акъ къар басынды* (БХ, 249) — Подножье высокой горы справа покрыто ослепительно белым снегом.

От глаголов взаимного и понудительного залогов статив не образуется. В то же время он не обнаруживает заметной дифференциации по транзитивности и интранзитивности глагольного действия и одинаково употребляется как от переходных, так и непереходных глаголов. Например: переходный глагол — *Анам да онгсунунду жангы кюёуюн* (БХ, 264) — И матери правится новый зять; *Бойнун артха бурунду* (МЖ, 73) — Голову повернул назад. Непереходный глагол — *Туман жерге чёлюндю* (МЖ, 39) — Туман опустился на землю; *Володя жатынды* (МЖ, 38) — Володя лежит.

8. Статив — видовые и невидовые глаголы. Наиболее ярко

лексико-семантическая сущность статива проявляется в его отношении к видовой дифференциации глагола. Будучи структурно-семантическим образованием только от невидовых глаголов и составляя тем самым оппозицию к видовым глаголам, статив выступает специфическим аспектуальным конкретизатором первых на уровне лексико-грамматической абстракции и не достигает «ранга» морфолого-грамматической абстракции глагольных временных форм.

Невидовые глаголы карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков, выражают общую идею действия (Баскаков, II, 1952 : 352) и не имеют в своей семантике таких дифференциальных признаков, как предельность-непредельность, завершенность-незавершенность и т. д., которые выражены в видовых вариантах (Юлдашев, 1958 : 70—86) и в лично-временных грамматических формах глагола. Так, например, глагол *жукъла* может означать «засыпать» и «спать»: *Сабий бусагъатдан жукълайды* — Ребенок скоро заснет; *Сабий кенден бери жукълайды* — Ребенок спит давно.

Эта семантическая двойственность особенно отчетливо обнаруживается у невидовых глаголов, совмещающих значение движения и его результата, поскольку при них синтагматическим дифференциальным критерием служат разные падежные формы имени. В частности, выступая со значением предельного действия, глагол сочетается с исходным или направительным падежами: *Тынгылагъанла жерлеринден турадыла* — Слушающие встают со своих мест. Выступая со значением состояния или длительного непредельного действия, глагол сочетается с местным падежом: *Тынгылагъанла жерлеринде турадыла* — Слушающие находятся на своих местах.

Статив, «расщепляя» семантику невидового глагола, обособляет и актуализирует в личной форме сказуемости значение предельного действия: *жукъланды* — уснув есть, *турунду* — встав есть и т. д. Это подтверждается тем, что статив, как правило, выступает в сочетании не с местным падежом, а с направительным или исходным. Например: *Аны кьоллары артха байланынды* (ШХ, 13) — Его руки связаны назад. *Чачыны абадан кесеге онз жанына таралынды* (ТА, 11) — Большая половина его волос расчесана направо. *Жан жаулукъ чюйге тагъылынды* (БИ, 18) — Полотенце висит на гвозде. *Эшиклени кьагъылгъанына Хажомар бла къатыны да тешекден кьобун эдиле* (ТЖ, 31) — Стук в двери поднял на ноги Хажомара и его жену.

О «привязанности» статива к предельному действию свидетельствует также тот факт, что группа невидовых глаголов, значение которых само предполагает логический предел действия, активно образует статив: *бузла* — замерзнуть, *орнал* — укорениться, *тут* — схватить, *сын* — сломаться, *бёлюн* — раздвоняться, *жабыш* — прилипнуть и т. д. Например: *Кёлню сууу бузланды* — Вода в озере замерзла. *Бояу кэангагэ жабышынды* — Краска прилипла к доске. *Чоюнну бир кэулагэ сынынды* — Одно ушко котла сломано. *Аланы экисини да акэыллары башха жерлеге бёлюнүндю* (УА, 136) — Их мысли направлены в разные стороны. *Кэар болмагэанлыкэге, кэара сууукчукэ туунду* (ББ, 82) — Хотя снега нет, но уже стало холодно. *Бизни либиз сууну эки жаны бла орналынды* (ХС, 60) — Наш аул расположен по обонм берегам реки. И наоборот, те видовые глаголы, семантика которых не предполагает такого предела действия, практически не образуют статива: *кюл* — смеяться, *шиакэ эт* — беседовать, *сёлеш* — говорить, *ойна* — играть, *кэзу* — учиться, *кэмылда* — двигаться и т. д. Отсюда следует, что внутри самого ряда невидовых глаголов статив ограничен идеей предельного действия и поляризован с понятием непредельности.

Примечание. В тех тюркских языках, где соответствующая форма стала грамматическим временем, ограничений в отношении вида, залога, аспекта утверждения-отрицания и т. д. для нее нет. Так, например, в казахском языке: а) положительный, отрицательный аспекты: *Баягэы ёткен заманбы байлыгы журттан аскэан бир хан болыпты*. *Бул ханныз улы болмапты* (КЕ) — В минувшие времена жил-был один хан. У этого хана были несметные богатства, но не было сына; б) залогов — основной, взаимный, возвратный, страдательный, повелительный: *Юшеую юш жерге патша болып, бирша мургына жегипти* (КЕ) — И все трое стали ханами трех земель, и сбывась их мечта. *Ёзеннинг бойнына келген сонг, ит пен мысыкэ дауласыпты* (КЕ) — Подойдя к реке, собака и кошка поспорили. *Он эки кэыз сюретине тюсипти бе сугэ шомыла бастапты* (КЕ) — Двенадцать девушек снова приняли свой прежний облик и начали купаться в воде. *Сэйтип, бул эл Керкэула атты Кендебай батырдынг ели деп атаныпты* (КЕ) — Вот так был назван этот аул именем батыра Кендебая с конем Керкулой. *Бир кюни Кэаракэул хан кёрюп, амыкэ пен итке тамакэ бергизипти* (КЕ) — Однажды увидя это, Каракул-хан велел накормить кошку и собаку; в) невидовые и видовые глаголы: *Агеси биласын тагэы да базаргэ жиберипти* (КЕ) — Отец опять послал своего сына на базар. *Бюркит эли сёзин кэайта айтып, жалына жиберипти* (КЕ) — Беркут все продолжал повторять свою просьбу.

9. Статив — лексико-синтаксическая сочетаемость. Одним из критериев идентификации значения статива и его синтаксической категориальной сущности являются особенности его лексической и синтаксической сочетаемости, посящей, в противополо-

ложность универсальной сочетаемости грамматических временных форм глагола (Кодухов, 1974: 158), ограниченный характер. 1) Представляя результат динамического предельного действия как ситуативно-статический признак субъекта, статив обнаруживает выборочную совместимость с лексемами динамизма и статикки. Если с лексемами динамизма (*терк* — быстро, *ашыгышы* — поспешно, *актыртын* — медленно, *ашыкмай* — не спеша и т. д.) он не совмещается, то с лексемами статикки (*бек* — крепко, *каты* — туго, *кенг* — широко, *толу* — полностью, *кымылдамай* — неподвижно и т. д.) он сочетается активно. Например: *Мен толу ийнанып эдим* (ГЭ, 5) — Я был полностью уверен. *Талгыр кёзлери кенг ачылыпдыла* (ЭС, 171) — Его пятнистые глаза широко раскрыты. *Борис алимли ийнандырлыгына бек базынды* (МЖ, 95) — Борис очень уверен, что убедит ученых. *Къатангы ариу санлары чырт кымылдамай сын къатындыла* (БХ, 260) — Ее сухошавая стройная фигура вытянута неподвижно. 2) Выражая результативное состояние как неразрывную монолитную целостность, статив поляризован с понятиями прерываемости, повторяемости, изменчивости действия и не сочетается с соответствующими лексемами (*бир бирде* — иногда, *анда-санда* — временами, *кезичу-кезичу* — поочередно, *санлап бирде* — изредка и т. д.). В противоположность этому он активно совмещается с лексемами, выражающими непрерывность и постоянство (*хаман* — постоянно, *таймаздан* — непрерывно, *эртдеден бери* — издавна и т. д.). Например: *Терезеле хаман ачылыпдыла* — Окна открыты постоянно. *Бу жазыу былайга эртдеден бери жазылыпды* — Эта надпись сделана здесь давно. 3) Дифференциация статива по стабильности — лабильности находит четкое отражение и на уровне фразы. Как показывают факты языка, стативные фразы в подавляющем большинстве представляют собой простые предложения. Например: *Аны сакталын тюк басип эди*. *Аякларында чабырлары ёрге ктайкзы болундула*. *Башинд къара кбалпагыны кыйырлары да бюгюлюдюле* (ТД, 29) — Лицо его обросло. Носки его чабуров торчат вверх. Полы его черной шляпы согнуты. В гипотаксис (или паратаксис) статив входит редко. Его ограничения в этом отношении обусловлены в основном характером пространственно-временной связи между действием придаточного предложения или оборота и действием статива главного предложения; а) Статив не входит в гипотаксис, в котором придаточное предложение или оборот выражает повторяющееся, многократное, нарастающее, перемен-

тивное действие; б) Статив входит в гипотаксис, в котором действие придаточного предложения или оборота однократно или непрерывно длительно. Например: *Мен келгенimde, эшик тилиб эди* — Когда я пришел, дверь была закрыта. *Сиз ишини ташаргъа, ала жыйылып боллукъдула* — Пока вы закончите работу, они уже будут в сборе. *Аны жолу кыйын эсе да, насыпдан толунду* (ГМ, 91) — Хотя его путь труден, но полон счастья; в) Статив не входит в гипотаксис, в котором действия придаточного и главного предложений находятся в сопряженной последовательности. Пример на грамматическое время: *Къобан андан жыйырылып, гюрюлдегенин шош этгенлей, къачосю бла этюп, элде биченликле бла гардош бачхалагъа тюшеди* (БХ, 256) — Как только Кубань, съжившись от нее усмиряет свой рев, осень переправляется через реку и обживает луга и партофельные поля аула.

В этой связи одним из примечательных структурно-синтаксических своеобразий статива является его несочетаемость с придаточными предложениями и оборотами, оформленными идентичным со стативом деепричастием на *-п* и имеющими широкий и разнообразный диапазон сочетания со всеми грамматическими временными формами глагола. Пример на грамматическое время: *Хажомар, къаядан юзюлюрге хазыр болуп тургъан ташты, къашилары да туюп, алгъа къынгыр ийилип, олтура эди* (ГД, 145) — Как камень, готовый сорваться со скалы, Хажомар видел, нагнувшись вперед и нахмурив брови.

Примечание. В тех тюркских языках, где данная форма грамматизирована, она свободно совмещается с соответствующими деепричастными конструкциями. Например, в узбекском:

У бизларни кайгу гамга дуч этиб
Хуройим Октошга эга булибди,
Жафо куриб икки ойим келибди,
Умид тортиб, арзин килиб юрибди.

В горе, в печаль она повергла нас,
Стала властительницей Акташа Хураим.
Измученные две госпожи (к тебе) пришли,
В надежде на тебя с просьбой пришли.

(«Рустамхан», М., 1972, с. 94).

г) Статив входит в гипотаксис, если действия главного и придаточного предложений одновременны или параллельно смежны. При этом подлежащие главного и придаточного предложений представлены, как правило, не одним и тем же лицом (предметом), а разными. Например: *Тышындан жарыгъан кичик этсе да, къарангы кечеча, ичин мудахлыкъ басып эди аны* (ГЖ, 30) — Хотя внешне он казался веселым, сердце его было

подавлено мрачной грустью. *Сен мени аманатымы атмазса деп, жүрегим ийнаныпды* (ХС, 28) — Верит мое сердце, что ты не отвергнешь мой наказ.

Отмежеванность от общей цепи динамизма и лабильности придает стативным фразам в контексте оттенков обособленности и изолированности. А несовместимость статива с многократными, повторяющимися, прерывающимися, переменчивыми действиями придаточных предложений и оборотов свидетельствует о том, что эти аспектуально-качественные характеристики глагольного действия больше взаимосвязаны с идеей динамизма и общего понятия, чем с идеей статива и конкретного понятия, и что, с другой стороны, статив не сочетается с ними, поскольку он связан с идеей статива и с понятием конкретного действия.

Таким образом, ограничения статива в формообразовании в семантике изоморфно повторяются в ограничениях лексического и синтаксического порядков. Аналогичное наблюдается в сфере взаимосвязи статива с эмоционально-стилистическим аспектом фразы.

10. Статив — эмоционально-стилистический аспект фразы. В этом плане статив характеризуется нейтрально-положительной окраской и не связан с выражением эмоций аффекта, которые, наряду с первой, свойственны семантико-функциональным сферам грамматических временных форм глагола. Это подтверждается рядом языковых фактов.

а) В противоположность грамматическим временам статив не сочетается с аффективной лексикой и конструктами (*кэладар бек* — как сильно, *не кэадар* — как много, *бир кеп* — так много, *алай алапат* — так великолепно и т. д.). Как и грамматические времена, статив сочетается с лексемами и конструктами интеллектуальной оценки действия (*тынч* — спокойно, *тап* — удобно, *ариу* — красиво, *тюз* — правильно, *узунуна* — вдоволь и т. д.). Например: *Сабий тынч жүкэладды* — Ребенок спокоен. *Эшик тап салыныпды* — Дверь приделана удобно. *Артист ариу кийинипди* — Артист одет красиво. *Былайда тюз жазылыпды* — Здесь написано правильно;

б) В противоположность грамматическим временам статив не встречается в восклицательных предложениях, а связан в большинстве случаев с повествовательными и реже вопросительными предложениями. Например: *Юйню ичи ящикледен, машоладан толупду* (БХ, 90) — Дом забит ящиками и мешками. *Отчетда жазылыпды* (ГМ, 90) — В отчете записано. *Аягы-көзү байланыпды* (ШХ, 12) — Он связан по рукам и ногам. *Сен анга ийнаныпмыса?* — Ты веришь в это?

в) В противоположность грамматическим временам при стативе не происходит аффективный эллипс или нарушение рамочной конструкции фразы. Примеры на грамматические времена: *Кюлмей а?.. Къалай кюлмезсе!* (БИ, 76) — Как же не смеяться? *Эшитгенмисе?.. Аягъын кесгендиле... харипни!* (ТЖ, 274) — Слышал?.. Бедняге отрезали ногу! В то же время в обиходно-разговорной речи стативные фразы нередко подвергаются ситуативному эллипсу. Например: *Китап тюкен ачылыпмыды? — Ачылыпды.* — Открыт ли книжный магазин? — Открыт;

г) В абсолютном большинстве случаев статив встречается в прямом употреблении и не имеет той разнообразной сферы перепосного (аффективного) употребления, которая присуща грамматическим временным формам глагола;

д) Статив, в противоположность грамматическим временам, не встречается в поэзии и в возвышенном стиле, а ограничивается сферой прозы, публицистики и нейтрально-обиходного стиля. Это своеобразие статива не только подтверждает положение о том, что «стили отличаются друг от друга и наборами активно функционирующих элементов языка, и соотношениями активностей элементов языка» (Березин, Головин, 1979 : 232; Адмони, 1964 : 67), но свидетельствует также о том, что степень стилистической универсальности языковой единицы взаимосвязана с уровнем ее лексико-грамматической абстрагированности.

Из сказанного выше о стативе, проявляющем сквозное формально-структурное и семантико-функциональное отличие от грамматических времен глагола, вытекает следующий вывод.

По своим формально-структурным и семантико-функциональным признакам статив является синтаксическим образованием и относится к категории сказуемости.

Изначальной исходной базой развития статива является семантическая двойственность (недифференцированность) невидового глагола, вследствие чего он в личной форме сказуемости конкретизирует глагольную семантику.

Связанный в структурном и семантическом отношении с невидовым глаголом и ограничиваясь в своем употреблении им, статив отличается конкретностью значения, узостью и ограниченностью функциональной сферы и не имеет того универсального употребления в рациональном и эмоциональном плане, которое присуще «свободному» грамматическому времени. Поэтому не отсутствие многих формообразующих моделей (Урусбиев, 1963 : 143) обуславливает относительно ограниченное употребление статива в современном языке, а, наоборот, живая лексико-семантическая связь его с невидовым глаголом не дает ему

возможности распространиться на все формообразующие модели и глагольные формы.

Вместе с тем, некоторые инновации, прослеживаемые в употреблении статива, указывают на расширение и активизацию его функциональной сферы и, следовательно, на намечающуюся тенденцию его перехода в разряд грамматических глагольных времен. В пользу такого прогноза говорят два следующих фактора:

1) Статив отсутствует в стилях и жанрах архаичной сферы, в частности, он не встречается в пословицах, поговорках, легендах, сказаниях, сказках, тогда как в живом разговорном языке, периодической печати, публицистике и современной прозе он уже встречается регулярно.

2) Наряду с традиционным употреблением статива в прямом значении прослеживаются также случаи его метафорического использования, особенно в газетных статьях, очерках. Например: *Къадарны ахшылыгъындан, билимни эшиги кенг ачылылды* (КЖ, 25 дек. 1980) — Благодаря счастливой судьбе, двери к знаниям широко открыты. *Ол 16-жыллыкъ къызчыкъъ назмулада айтхан сагъышла, оюмла дунияны башын алып тургъан жел толкъунладан толгундула* (КЖ, 25 дек. 1980) — Раздумья и размышления, которые высказала в своих стихах 16-летняя девочка, наполнены порывами ветра, охватившими весь земной шар.

Современный карачаево-балкарский статив как переходное явление из синтаксической категории в морфологическую представляет теоретический и познавательный интерес прежде всего именно потому, что он дает живой эмпирический материал о начальной стадии формирования грамматического времени.

Характер языкового материала по стативу, количественная и качественная неравномерность его распределения по рациональной и эмоциональной сферам, наклонениям, временам, залогам, аспектам и т. д. в определенной мере проливают свет на вопрос о первичности и вторичности: рационального и эмоционального, изъявительного и неизъявительных наклонений, презентного и непрезентных времен, положительного и отрицательного аспектов, действительного (основного) и недействительных залогов в языке.

Тенденцию к грамматикализации и к формированию в морфологическую категориальную единицу статив обнаруживает в презенсе и очевидном прошедшем изъявительного наклонения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абдурахманов Г. А. Исследование по старо тюркскому синтаксису (XI в.). М., 1967.
- Адмони В. Г. Основы теории грамматики. М.—Л., 1964.
- Алиев У. Б. Главные члены предложения в карачаево-балкарском языке. — В помощь учителю балкарской школы. Нальчик, 1962.
- Алиев У. Б. Синтаксис карачаево-балкарского языка. М., 1973.
- Ахматов И. К. Главные члены предложения и средства их выражения в современном карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1968.
- Байрамкъулланы А. М. Къарачай тилни грамматикасы, I кесеги. Фонетика бла морфология. Черкесск, 1958.
- Байрамкъулланы А. М., Орусбийланы И. Х.-М. Къарачай-балкар тилни грамматикасы. Фонетика. Морфология. Черкесск, 1970.
- Балакаев М. Б. Современный казахский язык. Синтаксис. Алма-Ата, 1959.
- Баскаков Н. А. Алтайский язык. М., 1958.
- Баскаков Н. А. Система спряжения или изменения слов по лицам в языках тюркской группы. — Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956.
- Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II. М., 1952.
- Березин Ф. Н., Головин В. Н. Общее языкознание. М., 1979.
- Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.
- Грамматика азербайджанского языка. Ч. I. Баку, 1960. (ГАЯ. I, 1960).
- Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976. (ГКБЯ, 1976).
- Грамматика киргизского языка. Морфология. Фрунзе, 1964. (ГКЯ, 1964).
- Грамматика хакасского языка. М., 1975. (ГХЯ, 1975).
- Джанмавов. Деелричастия в кумыкском литературном языке. М., 1967.
- Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. Грамматика тувинского языка. Фонетика и морфология. М., 1961.
- Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. II. Морфология. М., 1956. (ИСГТЯ. II. 1956).
- Кодухов В. И. Общее языкознание. М., 1974.
- Кононов А. Н. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960.
- Къарачай-балкар тилни грамматикасы. Нальчик, 1966. (КЪМТГ, 1966).
- Малов С. Е. Лобнорский язык. Фрунзе. 1956.
- Мирзаев М. Формы глагола настоящего времени в бухарских говорах кыпчакского языка. — Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.
- Покровская Л. А. О некоторых деелричастных формах в гагаузском языке. — Тюркологические исследования. М.—Л., 1963.
- Решетов В. В. Узбекский язык. — Тюркские языки. М., 1966.
- Серебрянников Б. А., Гаджиева Н. З. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Баку, 1979.
- Современный татарский литературный язык. Казань. 1965. (СТЛЯ. 1965).
- Современный уйгурский язык. Ч. II. Морфология и синтаксис. Алма-Ата, (СУЯ, 1966).
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975.
- Урусбиев И. Х.-М. Спряжение глагола в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 1963.
- Филоненко В. И. Грамматика балкарского языка. Нальчик, 1940.

Хаби́чев М. А. Карачаево-балкарский язык. — Тюркские языки М., 1966.

Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.

Gröhle W. Balkarische Studien. Keleti Szemle.

Revue Orientale. Tome XV, Budapest, 1914.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БА — Биринчи атламла, Черкесск, 1958.

ББ — Биджиланы Борис, Джюрекни ауазы. Повесть, Черкесск, 1964.

БИ — Исса Боташев, Пьесала, Нальчик, 1972.

БХ — Байрамукъланы Халимат, Джылла бла таула. Роман, Ставрополь, 1964.

ГИ — Ибрагим Гадиев, Санга айтама. Повесть, Нальчик, 1973.

ГМ — Максим Геттуев, Жюрекле бла алтын кьолла. Повестле, Нальчик, 1972.

ГЭ — Эльдар Гуртуев, Жанбермез, Асланбий. Повесть, Нальчик, 1972.

ЖМ — Магомет Жантудуев, Насыпны жулдузу, Нальчик, 1978.

КЕ — Къзакаъ Ертегилери, Алматы.

ТА — Алим Тёппеев, Отлукъ ташла. Роман, Нальчик, 1968.

ТЖ — Жагъафар Токумаев, Къурч бюгюлмейди. Роман, Нальчик, 1979.

УА — Абдуллах Узденов, Насыпны сатып алмайдыла. Повесть, Нальчик, 1974.

ХС — Салих Хочуев, Хапарла, Нальчик, 1957.

ШХ — Хасан Шаваев, Ач эшикни, менме. Повестле, Нальчик, 1972.

ЭО — Омар Этезов, Аслан. Роман, Нальчик, 1978.

КЖ — газета «Коммунизмге жол».

ЗАЛОГОВАЯ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ АФФИКСА *-ш* В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Анализ целого ряда исследований по категории залога в тюркских языках свидетельствует о том, что расхождения языковедов в трактовке взаимного залога обусловлены не отрицанием самого существования этого залога в языке, а трудностями разграничения грамматических и лексических значений, выражаемых его формой. В тюркологической литературе неоднократно указывалось, что зарождение и развитие категории залога произошло на основе словообразовательных форм (см. например, Юлдашев, 1979 : 25; Фазылов, 1965 : 77—78), что и оставило различные наслоения в значении современных залогов. Видимо, поэтому существующие критерии определения слова и формы слова не всегда разграничивают собственно залоговые формы от омонимичных лексических единиц, поскольку в многочисленных примерах в пределах одной и той же формы наблюдается сосуществование грамматического (залогового) и лексического (словообразовательного) значений, находящихся в тесном взаимодействии и взаимопроникновении. Одна из отличительных особенностей взаимного залога состоит в том, что эта категория, более чем какая-либо залоговая форма, сохраняет яркие признаки своей связи со словообразованием, что представляет большой интерес с точки зрения развития залоговых значений и становления категории залога.

В настоящей статье на материале карачаево-балкарского языка делается предварительная попытка освещения особенностей значения, функционирования формы на *-ш* и словообразовательной функции этого аффикса в карачаево-балкарском языке.

Формальным показателем взаимно-совместного залога в карачаево-балкарском языке является общетюркский аффикс *-иш* алломорфами которого после основ на согласный и односложных основ на *-й* выступают *-ыш|| -иш, -уш|| -юш*.

Общепризнано, что форма на *-иш* в тюркских языках выражает действие, реализуемое посредством взаимодействия двух или более лиц. Общеизвестны и два центральных значения взаимно-совместного¹ залога: взаимный и совместный. В карачаево-балкарском собственно залоговыми также признаются взаимный и совместный значения этой формы.

Образование взаимно-совместного залога находится в прямой зависимости от особенностей лексического значения глагольной основы, ее принадлежности к тому или иному семантическому разряду. Тип лексического значения создает определенные возможности или ограничения не только для собственно залогообразования, но и для образования незалоговых значений этой формы. Во всех случаях, когда существует определенная семантическая общность значений разных глаголов, в возможности образования взаимно-совместного залога также обнаруживаются общие закономерности. Так, например, глаголы действия *ал*-«брать», *тут*-«держать», *тарт*-«тянуть», характеризуются одними и теми же свойствами в отношении залогообразования, а именно, присоединение аффикса *-иш* приводит к изменению значения их исходной основы. Ряд семантически групп, обозначающих не активные действия, а состояния, вообще не принимает аффикса *-иш*. Образование взаимно-совместного залога в карачаево-балкарском языке обусловливается и другими, более частными свойствами лексического значения глагола. Многозначная глагольная лексема (например, *ат*-«бросать», «кидать», «стрелять», «оставить», «бросаться», «кидаться» и др.) в одном из своих значений, принимая аффикс *-иш* может выражать соответствующее залоговое значение (*ат*-значении «стрелять», принимая аффикс *-иш*, выражает взаимно-совместное значение, от значения «бросать, кидать» этого же глагола посредством аффикса *-иш* образуется совместное значение), тогда как другое значение этого же глагола вообще не допускает формы взаимно-совместного залога (значения: «бросаться», «кидаться», «оставить»).

Таким образом, образование взаимно-совместного залога в карачаево-балкарском языке возможно от глаголов, выражающих

¹ Выбор термина взаимно-совместный для обозначения формы на *-иш* определяется тем, что в качестве равноправных залоговых значений рассматриваются нами как взаимный, так и совместный значения.

щих действия, которые могут быть совершены совместными усилиями двух или более лиц. При этом взаимное значение взаимно-совместного залога может выражаться формой на *-ш*, образованной от строго ограниченного круга переходных и некоторых непереходных глаголов активного действия, зрительного восприятия и речи: *къараш*-«смотреть (друг на друга)» от *къара*-«смотреть»; *жыгъыш*-«схватиться, бороться», от *жыкъ*-«свалить»; *тубеш*-«встретиться»; от *тубе*-«встретить»; *илиниш*-«привестись (друг к другу)» от *илин*-«цепляться»; Жашла юнню гътары жанында къол таш *атышып*, *жыгъышып* ойнай эдиле («Шуёхлукъ», № 61, 67) «За домом ребята кидали камни, боролись»; Батыр бла мен бир бирге *илинишдик* (Х. Кациев) «Батыр и я вцепились друг в друга».

Эта взаимонаправленность может быть дополнена взаимным переходом действия нескольких равноправных субъектов, объектами которых по отношению друг к другу выступают сами же субъекты. Естественно, в этом случае форма на *-ш* должна быть образована только от переходного глагола. Переходный глагол, присоединяя аффикс *-ш*, лишается способности иметь при себе отдельно выраженное прямое дополнение, поскольку действие одного субъекта переходит к другому, как к объекту, и участники активного действия (субъекты) одновременно оказываются объектами производимого ими действия, вместо прямого объекта, требуемого переходным глаголом: Кёллери тола, къарт бла жашы *къучакълашдыла* («Шуёхлукъ», № 37, 83) «Еле сдерживая слёзы, старик-отец и сын обнялись».

Специфика формы на *-ш* состоит в том, что форма эта выражает одноименные взаимонаправленные действия двух и более субъектов при их равной активности. Этим значением определяется структура взаимной конструкции, которая в карачаево-балкарском языке может быть представлена следующими моделями:

1. Подлежащее передано двумя лексическими единицами, соединенными союзом *бла*, реже — *эм, да*: Осман бла Фазилятчыкъ босагъадан тышына *къарашдыла* (Б. Гуртуев) «Осман и маленькая Фазилят выглянули с порога».

2. Подлежащее представлено одной словоформой либо со значением множественности (а), либо с грамматическим показателем множественного числа (б): а) Биз Къызыл Аскерде *тубешгенбиз* (Д. Кубанов) «Мы встретились в Красной Армии»; б) Жашла бир бирлерине *къарашдыла* (Ж. Залиханов) «Ребята посмотрели друг на друга».

3. Подлежащее не находит своего лексического выражения

при глаголе-сказуемом на *-ш*, но легко восстанавливается по контексту: Бир бирден, кёлюбиз тола, айырылышдыкъ («Шуёх лукъ», № 37, 83) «Расстались, еле сдерживая слезы».

Только в конструкциях, построенных по вышеохарактеризованным моделям, форма на *-ш* со значением взаимного действия имеет и синтаксические признаки этого значения: глагол во взаимной форме предполагает постановку названий действующих лиц, объединенных посредством сочинительной связи или переданных одной словоформой с грамматическим показателем множественности, в форме основного падежа. Условием отнесения вышеприведенных конструкций к взаимным является и то, что они легко присоединяют к себе сочетания *бир бири бла* «друг с другом», *бир бирине* «друг на друга, друг другу», которые подчеркивают взаимное значение, присущее глаголам на *-ш* и без употребления названного сочетания. В предложениях с этими сочетаниями множественное число подлежащего и другие средства выражения множественности субъектов синтаксически обусловлены, глагол-сказуемое одинаково относится ко всем участникам действия. В силу этого, в предложениях с указанными сочетаниями глагол-сказуемое во взаимной форме в карачаево-балкарском языке, в отличие от других тюркских языков, всегда употребляется с грамматическим показателем множественного числа. В конструкциях с глаголом-сказуемым на *-ш*, не допускающих таких сочетаний, действие относится к одному из производителей, которому отводится большая активность. Ср.: Бюгюн а мен сени бла даулашмайма (О. Этезов) «А сегодня я с тобой не спорю»; Ала сени бла даулашмайдыр «Они с тобой не спорят». Взаимная форма глагола в этом случае употребляется как в единственном, так и во множественном числе, оформленность или неформленность ее грамматическим показателем множественности зависит от числа подлежащего.

Вторым основным значением формы на *-ш*, обычно рассматриваемым в кругу залоговых, является значение совместности. Образования с указанным значением в карачаево-балкарском языке характеризуются широкой употребительностью. Подавляющее большинство глаголов на *-ш* со значением совместности образовано от непереходных глаголов, выражающих различные активные целенаправленные действия. При совместном значении формы на *-ш* деятельность каждого участка имеет одно общее направление, исходя из чего совместное действие может быть охарактеризовано как одноименное (однородное), одновременно направленное, одновременное раздельное действие двух или нескольких субъектов. Примеры: Адамла, жюклерин сермеп, ва-

гонла таба *чабышдыла* (С. Шахмурзасв) «Люди, хватая свои вещи, побежали к вагонам»; *Тийре, кьоншу жыйылышдыла*, диляу этдиле («Шуёхлукъ», № 17, 23) «Собрались соседи, заплакали (погоревали)». Форма на *-ш* со значением совместности. Примеры: Бирер шинтик алып, *олтурушдула* (М. Шаваева) и форма со взаимным значением, однако при образованиях с совместным значением субъекты чаще выражаются одной лексической единицей с грамматическим показателем множественности. Примеры: Бирер шинтик алып, *олтурушдула* (М. Шаваева) «Взяв по табуретке, расселись»; *Жашла тутушадыла, чабышадыла, секиришедиле, ауур ташланы кётюрюшедиле* (Б. Гуртуев) «Ребята борются, соревнуются в прыжках, беге, поднимают тяжелые камни».

Только в глаголах со значением взаимности и совместности, лексическое содержание которых допускает свойственное данному залогу отношение между действующими лицами и действием и при наличии определенного синтаксического оформления, форма на *-ш* в карачаево-балкарском языке предназначена для выражения залогового значения. Все другие семантические разновидности этой формы, выделяемые авторами в качестве основных и неосновных залоговых значений, рассматриваются нами в сфере основного залога.

Среди незалоговых значений формы на *-ш* в карачаево-балкарском языке ведущее место занимает значение соотнесенности действия с неопределенным множеством производителей, названное в некоторых работах значением «совокупной совместности» (Харитонов, 1963 : 26). В отличие от взаимных и совместных форм, выражающих действия, субъекты которых могут мыслиться раздельно как взаимодействующие (коллективные или индивидуальные), при исследуемых формах действие соотносится с производителем, как с неким неопределенным конкретным множеством. В принципе, при этом незалоговом значении, как и при значении совместности, мы имеем дело со «множественным» субъектом. Однако при совместном значении эта множественность выражается крайне ограниченным количеством раздельных однородных действий, совершаемых двумя и более субъектами, тогда как при «совокупной совместности» производителем действия выступает неопределенное множество субъектов. Ограниченность числа субъектов при совместном значении, отличие этого значения от предыдущего особенно ярко проявляются в синтаксисе. Если при совместном значении возможно двоякое оформление подлежащего при глаголе на *-ш*:

- 1) подлежащее выражено одной словоформой с грамматическим

показателем множественности (*сабийле чабышдыла* «дети побежали наперегонки»); 2) функции подлежащего выполняют две разные лексемы, соединенные сочинительной связью (*къызыкъ-ла бла жашчыкъла чабышдыла* «девочки и мальчики побежали наперегонки»), и значение совместности плеонастически подкрепляется употреблением сочетаний *бир бири бла, бир бирине*, то при рассматриваемом значении формы на *-ш* подлежащее обычно выражается одним словом или в форме множественного числа (*тауукъла къанкъылдашдыла* «куры раскудахтались») или со значением собирательности и множественности (*халкъ къычырышды* «народ раскричался, расшумелся»), с которым взаимная форма глагола согласуется в числе.

Значение соотнесенности действия с неопределенным множеством его производителей в карачаево-балкарском языке преимущественно возникает в звукоподражательных глаголах: *зынгырдаш*-«звенеть» (о многих), *зуулдаш*-«жужжать» (о многих), *дынгырдаш*-«греметь» (о многих), *къурулдаш*-«квакать» (о многих). Это же незалоговое значение образуется: 1) от некоторых переходных и непереходных глаголов на *-ла*: *ёрлеш*-«взбираться» (о многих), *тигелеш*-«спускаться» (о многих); *къаугъалаш*-«беспокоиться» (о многих); 2) от глаголов среднего залога: *къуруш*-«неметь», *жараш*-«подходить, пригодиться»; *агъыш*-«растекаться, рассыпаться» (о многих), *чагъыш*-«распускаться» (о многих), *кёгерий*-«зазеленеть» (о многих).

Глаголы движения (а), общего состояния (б), глаголы с семантикой звучания (в) во взаимной форме обнаруживают двойкую природу с точки зрения отношения действия к производителю этого действия (как к неопределенному множеству или как к деятелю, обозначающему ограниченное число субъектов): а) *келиш*-«приходить» (о многих), *жюзюш*-«плавать», соревнуясь (о многих), *къуууш*-«гоняться» (о многих), *тигелеш*-«спускаться» (о многих), *эниш*-«спускаться» (о многих); б) *къууаныш*-«радоваться» (о многих), *ёпкелеш*-«обижаться» (о многих), *мудахланыш*-«печалиться» (о многих), *кёллениш*-«вдохновляться» (о многих); в) *жырлаш*-«петь» (о многих), *макъырыш*-«блеять» (о многих), *къычырыш*-«раскричаться» (о многих), *ёкюрюш*-«мычать» (о многих).

Глаголы указанных семантических разрядов, исключая звукоподражательные, могут быть использованы как для обозначения действий ограниченного числа субъектов (совместное значение), так и действий неопределенного множества (значение со-

отнесенности действия с неопределенным множеством субъектов).

Другой семантической разновидностью формы на *-ш*, широко бытующей во многих тюркских языках, но не характерной для карачаево-балкарского, является значение оказания помощи одного субъекта другому в осуществлении определенного действия. В тех тюркских языках, где обнаруживается данное значение, оно передается в грамматически организованном порядке аффиксом *-ш*, который во всех образованиях с указанным значением выражает оказание помощи одним субъектом другому, основному производителю в осуществлении действия. Глагол во взаимной форме в данном значении сохраняет переходность.

Без угъа уй калаштыкъ² «Мы помогли ему построить дом». Особенностью карачаево-балкарского языка является то, что это значение выражается сочетанием неопределенной формы глагола, которой передается действие, в осуществлении которого «участник оказывает помощь основному исполнителю, и слова *болуш*-«помогать», лексическое значение которого совпадает со значением аффикса *-ш* в рассматриваемых образованиях в других тюркских языках. ...*Хамит* элде Эккяйны (анасыны) юй кумушларына *болушады* (З. Толгуров) «Хамит дома помогает матери по хозяйству». Однако в этом единственном глаголе залоговый формант меняет исконное значение основы глагола (*бол*-«быть, становиться» — *болуш*-«помогать»), исходя из чего указанную форму мы рассматриваем как лексикализованное образование.

Выделение третьего значения, множественности, в числе основных значений формы на *-ш* нельзя считать бесспорным, поскольку множественность присуща всем значениям рассматриваемой формы и объединяет их как общее типовое значение.

Исключительно словообразующее назначение показателя взаимно-совместного залога обнаруживается в производных формах, образованных непосредственно от имен; таких примеров в карачаево-балкарском языке единицы: *ёчеш*-«спорить» от *ёч* «спор», *орнаш*-«основаться, образоваться» от *орун* «место»; *Орнашды* хар жик жигине, битеу ферманы иши («Шуёх-лукъ», № 20; 33) «Вся работа фермы пошла своим чередом». Как словообразующее средство этот залоговый формант выступает в составе неразложимого аффикса *-лаш*: *тиллеш*-«сговориться», *саламлаш*-«здороваться», *къазанлаш*-«сойтись, жить в

² Пример заимствован у А. А. Юлдашева.

мире»; Умар кибikle бла къазанлаша келгенбиз (О. Хубиев) «Мы привыкли жить в мире с такими, как Умар».

При оценке образований на *-лаш* ряд тюркологов подчеркивает медиальное значение данного аффикса (Севортян, 1962: 135), другие выделяют его в качестве взаимной формы от *-ла* (Кононов, 1956: 257). В карачаево-балкарском языке формы с неразложимым аффиксом *-лаш* имеют либо медиальное значение (1), которое отмечается в образованиях от именных основ со значением признака, места, пространства, количества, либо взаимное (2), образующееся от основ, выраженных именами существительными: 1) *бирлеши* «объединяться», *жууукълаш* «приближаться», *орунлаш* «основаться»; *Бирлешейик*, бир бирибизни жокълайыкъ (Х. Аппаев) «Давайте, объединимся, позаботимся друг о друге»; 2) *оноулаш* «советоваться», *жагъалаш* «драться», *акъыллаш* «обсуждать», *аркъалаш* «жить в мире». Хар жангы затны юсюнден инженерле аны бла *акъыллашадыла* («Ленинни байрагы») «Все новое инженеры обсуждают с ним». Последние не относятся нами ко взаимно-совместному залогу, поскольку здесь имеем дело с отыменным словообразованием, в корне отличающимся от внутриглагольного.

Среди множества незалоговых образований бесспорный интерес представляют собой соотносительные формы от одного корня: *уруш* «ругать, бороться» от *ур* «ударить», *тутуш* «бороться, сражаться» от *тут* «хватать, держать». При сопоставлении таких суффиксальных образований с производящей основой обнаруживается общность корней. Присоединение аффикса *-ш* приводит к известным различиям содержания самой лексемы. Эти формы примечательны тем, что в них наблюдается сосуществование форм словообразовательного и словоизменительного характера. Не случайно подобные формы трактуются либо как залоговые, либо как словообразовательные. Трудность трактовки этих форм объясняется тем, что они находятся на грани словообразования и словоизменения и представляют собой не вполне развитые словообразовательные и словоизменительные категории. Многие производные лексикализованные формы, несмотря на возможность формального выделения аффикса *-ш*, характеризуются немотивированностью своего значения: *къабыш* «мерзнуть, замерзать» — *къап* «брать в рот, откусить»; *соруш* «успокоиться» — *сор* «спрашивать»; *къармаш* «стараться» — *къарма* «обшаривать»; *жалгъаш* «связываться, сближаться» — *жалгъа* — «скрещивать, соединять».

В ряде форм на *-ш* абсолютно невозможно устранение этого

аффикса, они целиком перешли к основному залогу. Примеры: *ажаш*-«заблудиться», *кюреш*-«стараться», *юлеш*-«раздавать», *эриш*-«соревноваться».

В целом, характеризуя категорию взаимно-совместного залога, следует подчеркнуть, что формы словообразовательного и словоизменительного характера тесно переплетаются и, по словам В. В. Виноградова, внутри этой категории происходит борьба и взаимодействие грамматических и лексических форм, «с частым несовпадением семантических границ грамматического и лексического слова» (Виноградов, 1936 : 396).

Двоякую природу в отношении залогообразования обнаруживают и два центральных залоговых значения этой формы: взаимный и совместный: 1) формы со значением совместности не отличаются особым, отличным от исходного глагола управлением, во взаимных формах — управление вариативно; 2) в целом ряде форм со взаимным значением присоединение аффикса *-иш* сопровождается изменением семантики основы глагола или ее модификацией. Все это придает категории взаимно-совместного залога в карачаево-балкарском языке особый характер и дает возможность квалифицировать ее как лексико-грамматическую категорию.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алиев У. Б. Залоги глагола русского и балкарского языков. Ученые записки Кабардино-Балкарского госуниверситета, вып. 9. Нальчик, 1960.
- Виноградов В. В. Современный русский язык. Грамматическое учение о слове. Учпедгиз. М., 1938.
- Вопросы составления описательных грамматик языков народов СССР. Стенограмма координационного совещания по проблемам простого предложения и категории залога. Уфа, 1958.
- Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956.
- Севортян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.
- Фазылов Э. И. Категория залога в узбекском языке в сравнительном освещении. Автореф. дис. канд. филол. наук. Ташкент, 1961.
- Харитонов Л. Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963.
- Юлдашев А. А. Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке. М., 1958.
- Юлдашев А. А. Словообразование и модификация глагола с помощью форм залога. — В кн.: Исследования по грамматике современного башкирского языка. Уфа, 1979.

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ОБРАЗОВАННЫЕ ПАРАТАКТИЧЕСКИМ СОЧЕТАНИЕМ КОМПОНЕНТОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В карачаево-балкарском языке, в отличие от других тюркских языков, высокопродуктивна словосложительная модель, сформировавшаяся на базе отдельных общетюркских сложных существительных типа *бел бау* (ср.: узб. *белбоғ*, кирг. *бел боо*, кум. *белбав*, башк. *билбау*, тат. *билбау*, каз. *белбеу*, карaim. *белибав*, ккалп. *белбеу*, ног. *белбав*, уйг. *бэлбиг* и т. д.), *кӧл кӧп* (ср. узб. *кулкоп*, кирг. *колкап*, кум. *кӧлкӧп*, ног. *колган*), восходящая к структурной схеме I изафета.

Между тем, этот тип сложных существительных в рассматриваемом языке до сих пор не исследован.

В школьных учебниках по балкарскому языку (Алиев, 1939 : 35; 1948 : 39) сложные существительные, образованные по структурной схеме I изафета, вообще не упомянуты.

Что же касается двух научных грамматик карачаево-балкарского языка: «Къарачай-малкъар тилни грамматикасы» (1966) и «Грамматика карачаево-балкарского языка» (1976), то сложные существительные в них представлены в небольшом числе, а сведения, которые о них приведены, далеко не полные. Наряду со сложными существительными упоминаются в этих трудах и бесспорные словосочетания типа *нарат терек* «сосновое дерево», «сосна», *эркек кишитик* «кот» (1966 : 79); *таш жол* «шоссе», *сары жау* «сливочное масло» (1976 : 125), являющиеся неразложимыми, устойчивыми «превратившиеся в единое наименование предмета или явления, т. е. в термин» (Валгина и др., 1964:41).

Есть еще две работы, которые в той или иной степени затрагивают сложные слова карачаево-балкарского языка.

А. Ю. Бозиев в своей монографии «Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке» (1965) более подробно анализирует аффиксальное словообразование, а сложные существительные рассматривает крайне фрагментарно. А. Ю. Бозиев останавливается на лексико-грамматической характеристике компонентов сложных существительных, а также синтаксической связи между ними. К сложным существительным, образованным по структурной схеме I изафета, А. Ю. Бозиев относит как семантически немотивированные сложные слова типа *итбурун* «шиповник» и *кьозукьулакь* «щавель», так и устойчивые словосочетания типа *кертме герек* «грушевое дерево», *кьоз терек* «ореховое дерево» и др. (Бозиев, 1965 : 60).

В работе М. А. Хабичева «Карачаево-балкарское именное словообразование» (1971) сложные существительные трактуются в традиционном синтаксическом плане, как лексикализация отдельных словосочетаний. М. А. Хабичев, как и А. Ю. Бозиев, в основном обращает внимание на аффиксальное словообразование, а сложные существительные рассматривает только с точки зрения структуры и лексико-семантической принадлежности компонентов к различным частям речи (Хабичев, 1971 : 268).

Сложные существительные, образованные по структурной схеме I изафета, представляют собой паратактическое сочетание определяемого и определяющего компонентов без специального морфологического их оформления, им присуще простое соположение основ, обусловленное порядком следования определения и определяемого в синтагме, а смысловое соотношение основ базируется на отношениях принадлежности: определением является имя обладателя, а определяемым — объект обладания.

Таких существительных в карачаево-балкарском языке насчитывается более 80 единиц. Преобладающее большинство из них прочно утвердилось в общенародной и общеупотребительной лексике, часть же представляет собой терминологическую лексику самого различного профиля: конкретные наименования предметов или явлений, названия птиц и растений, названия орудий труда и их деталей, а также различных понятий, связанных с этнографией и историей народа, например: *бел бау* «пояс, кушак», *чач бау* «лента», *аш юй* «кухня», *ёнке от* «гвоздика дикорастущая», *бюрче от* «ромашка полевая», *сабан агъач* «плуг» и т. п.

Словосложительная модель, восходящая к структурной схеме I изафета, пользуется определенным разрядом производящих основ, т. е. здесь действует избирательный принцип подбора

компонентов, который является очень важным свойством всякого производного слова. Так, например, данная словосложительная модель вовлекает в словообразование только существительные с предметным значением.

От названной словосложительной модели, как и вообще от конструкции I изафета, следует отличать некоторые метафорические, а также атрибутивные словосочетания, в которых определение, выраженное существительным, выступает в роли относительного прилагательного.

Отдельные тюркологи при характеристике и определении сущности сложных слов, образованных по структурной схеме I изафета, нередко приравнивают к ним и композиты типа азерб. *гайышбалдыр* «худой, но выносливый человек» (← *гайыш* «ремень» + *балдыр* «голень, икра ноги») (Адилев, 1958 : 16), башк. *ташбаш* «пескарь» (← *таш* «камень» + *баш* «голова») (Муратов, 1961 : 27), тур. *елмабаш* разновидность круглоголовой утки (← *елма* «яблоко» + *баш* «голова») (Майзель, 1957 : 120) и т. п.

По нашему мнению, подобные сложные слова образованы по принципиально иной модели: здесь первый компонент — имя существительное — выступает в роли относительного прилагательного, то есть эти композиты с адъективированным первым компонентом, образованные в результате метонимического переноса значения с части на целое, употребляются в качестве наименования самого носителя данного признака и поэтому их нельзя приравнивать к сложным словам, образованным по модели морфологически неоформленного изафета, предполагающей, как известно, отношения принадлежности.

В тюркологической литературе существует целый ряд определений изафета и соответственно нет единого понимания его границ (см.: В. А. Гордлевский, 1961 : 64—66; Н. К. Дмитриев, 1948 : 223—228; Е. И. Убрятова, 1950 : 37—42; С. С. Майзель, 1957 : 13; А. П. Поцелуевский, 1943 : 16—32; А. К. Боровков, 1935 : 169—170; А. Н. Кононов, 1956 : 408; А. Н. Баскаков, 1974 : 32; В. Д. Аракин, 1976 : 12—23 и др.). Трудно согласиться с утверждениями, в соответствии с которыми под изафет подводят самые различные атрибутивные словосочетания с адъективированным первым компонентом типа башк. *тимер юл* «железная дорога», узб. *тош девор* «каменная стена» и др. Здесь первые компоненты в своем исходном лексическом значении действительно являются существительными, но в позиции определения они выступают в роли относительных прилагательных, каждое из которых никак не может стать «обладателем» того, что

выражено последующим именем—предметом «обладания». Таким образом, с точки зрения семантической, приведенные примеры состоят из компонентов, связанных между собой адъективным отношением предмета и его качества, а между компонентами изафетных сочетаний, как известно, имеет место отношение предмета и его обладателя.

Очевидно, сторонники этой точки зрения не признают перехода одной части речи в другую в позиции определения и по традиции считают, что в таких сочетаниях определения, хотя и переводятся на русский язык относительными прилагательными, для тюркских языков «эти определения морфологически остаются существительными» (Дмитриев, 1948 : 225).

Более четкой и мотивированной точки зрения на природу полисемантических слов в тюркских языках придерживается А. А. Юлдашев, который, устанавливая основные признаки полисемантических слов, отмечает, что «существительные, регулярно выступающие в названной синтаксической позиции в роли прилагательных, никак не могут демонстрироваться в словарях на правах действительно монофункциональных слов. Можно спорить лишь об их категориальных свойствах и об их семантическом тождестве, но не об их способности устойчиво функционировать в данной синтаксической позиции, выполняя роль прилагательного» (Юлдашев, 1972 : 267). «Бесспорно,—пишет далее А. А. Юлдашев, — это не основная, а лишь частная их функция, проявляемая только в одной синтаксической позиции. Но она устойчива» (1972 : 267).

Подобное использование существительных в значении прилагательных широко известно не только в тюркских, но и других языках. «Путь от существительного к прилагательному, — писал А. А. Потебня, — есть атрибутивное употребление существительного» (Потебня, 1968, III : 62).

Однако было бы неверным считать, что любое существительное в позиции определения выполняет роль прилагательного. *Вопреки распространенному мнению,—подчеркивает А. А. Юлдашев, — в позиции определения в роли прилагательного может выступать далеко не всякое существительное, а лишь те из них, которые могут быть осмыслены как прилагательные, в частности имена, обозначающие материал (типа *алтын* «золото», *балауыз* «воск», *кёмёш* «серебро», *кзургъаш* «свинец», *сюп* «сор», *дарыу* «лекарство»), названия свойства (типа *башк. гишек* «дыра», *сит* «край»), названия живых существ по свойству (типа *ата* «самец», *бала* «детеныш», *инэ* «самка», *укъыучу* «ученик, учащийся», *юргъа* «иноходец»), названия времен года

(типа башк. *йэй* «лето», *кёз* «осень», *кзыш* «зима», *яз* «весна»), некоторые названия частей тела (типа башк. *аякъ* «нога», *баш* «голова», *яндикъ* «щека»), отдельные названия действия (вроде башк. *эш* «работа») и т. п.» (Юлдашев, 1972 : 250).

• Неправомерно объединять одним термином два различных типа синтаксических конструкций, образованных посредством различных способов синтаксической связи. В словосочетаниях типа *алтын сагъат* «золотые часы», *агъач юй* «деревянный дом» и т. п. первые компоненты-определения выражены относительными прилагательными и синтаксические отношения между компонентами строятся по способу примыкания: имена существительные, «выступая в функции определения, приобретают значение признака» (аттрибутивируются, по выражению Н. А. Баскакова, см. 1952 : 188). Еще раньше об этом же на материале карачаево-балкарского языка А. К. Боровков писал: «Имена существительные в положении перед другими именами существительными, синтаксически и по существу попадая тем самым в разряд определений, превращаются по своей функции в категорию прилагательных относительных» (Боровков, 1935 : 34). (Об отграничений изафетных словосочетаний от атрибутивных словосочетаний см. работы: Гарипов, 1959 : 185; Убрятова, 1962 : 171; А. Баскаков, 1974 : 14 и др.).

В сочетаниях же типа *бычакъ сап* «рукоятка ножа», *бурун тешик* «ноздря» и т. п. первые компоненты выражены именами существительными, имеющими предметное значение, оба компонента связаны между собой отношением принадлежности, следовательно, они построены на управительной связи. Отсутствие аффикса принадлежности объясняется тем, что в качестве первого компонента выступает имя существительное в форме основного падежа в значении родительного падежа (известно, что замена родительного падежа в определительной функции основным падежом возможна: «когда родительный падеж входит в состав терминов, названий» (Севортян, 1956 : 57—58; см.: Исхаков, 1956 : 119). Здесь основной падеж противопоставлен родительному падежу по своей грамматической семантике «как форма отвлеченно-предметного определения форме конкретно-предметного определения» (Иванов, 1978:137). Мы присоединяемся к точке зрения А. А. Юлдашева, который пишет, что, «во-первых, гипотезу о возводимости всякой морфологически оформленной атрибутивной конструкции к изафету нужно еще доказать, и, во-вторых, даже если эта атрибутивная конструкция и восходит только к изафету, то и тогда строгое размежевание изафета и неизафетного типа атрибутивной конструкции

в современных языках все равно неоспоримо» (Юлдашев, 1972 : 268).

Исходя из этой точки зрения на природу тюркского изафета, мы считаем, что к неоформленному типу изафета относится такое сочетание двух имен существительных, оба компонента которых выражают предметное значение и связаны между собой отношением принадлежности.

Отсутствие аффиксов принадлежности при обоих компонентах объясняется тем, что неоформленный изафет в карачаево-балкарском языке употребляется только в терминологическом значении, поэтому он, по-видимому, «технически был наиболее удобным средством выражать отношения между словами синтаксическими средствами, когда морфологические показатели еще недостаточно утвердились» (Гаджиева, 1973 : 110).

В сложном слове, образованном по структурной схеме I изафета, оба компонента в совокупности обозначают единое нерасчленимое понятие, и первый компонент настолько абстрагирован, что достаточно определяемому принять аффикс принадлежности 3-го л. ед. числа, как появляется значение конкретной принадлежности. Ср.: например, *бел бау* «пояс», «кушак», но *бел бауу* «его пояс», *кьол кьап* «рукавица», но *кьол кьабы* «его рукавица» и т. д. С. С. Майзель также отмечает, что сохранение в сложных словах изафетной формы создает то неудобство, что это очень часто ведет к возможности двоякого понимания: *бегымевини гездим* «я осмотрел типографию» и «я осмотрел его типографию» (Майзель, 1957 : 116). Естественно, поэтому структурная схема второго изафета не могла быть использована здесь и в сходных случаях в качестве модели образования сложных слов. Именно I тип изафета, сформировавшийся уже в эпоху общетюркской языковой общности (Дмитриев, 1940 : 180; Гаджиева, 1973 : 110 и др.) (о чем свидетельствуют образования как: *бег ер* «князь» (ДТС, 91), *белбагь* «пояс, кушак» (ДТС, 93) и др., зарегистрированные в памятниках древнетюркской письменности), прочно утвердился в отдельных тюркских языках, в частности в карачаево-балкарском языке, в качестве структурного образца для образования сложных слов.

Наиболее широко используется структурная схема I изафета для образования сложных слов в карачаево-балкарском и отчасти в кумыкском, киргизском, казахском и некоторых других языках.

В карачаево-балкарском языке образование новых сложных слов происходит на уровне словообразовательной морфологии, т. е. в серийном порядке, по сложившимся стереотипным моде-

лям уже существующих в языке сложных слов. Например, сложное слово *от арба* уст. «паровоз» (← *от* «огонь» + *арба* «телега») было образовано по структурным образцам ранее созданных сложных слов *ат арба* «повозка, телега, запряженная лошастью» и *ёгюз арба* «повозка, телега, запряженная волом», имеющих единое словообразовательное строение и типовое значение: «средство передвижения», где первый компонент обозначает то, посредством чего осуществляется передвижение.

В других тюркских языках при образовании сложных слов наиболее типичной признается структурная схема II изафета. Правда, как отмечают некоторые исследователи, при этом в процессе исторического развития в сложных словах, образованных по структурной схеме II изафета, происходит выпадение аффикса принадлежности, и они превращаются в сложные слова, практически формируемые по структурной схеме I изафета. Например, азерб. *дэрэбэйи* → *дэрэбэй* «феодал», *гузугулагъы* → *гузугулагъ* «щавель» (Адилев, 1958 : 17); тур. *айаккалар* «обувь» вместо *айаккабылар* (Майзель, 1957:119).

А. Н. Кононов отмечает, что в турецком языке эллипсис аффикса принадлежности в сложных именах существительных нарицательных в старых образованиях наблюдается весьма редко: *бойун-багъы* → *бойунбагъ* «галстук»; в настоящее время обе формы этого слова употребительны. Однако А. Н. Кононов обращает внимание и на то, что эллипсис аффикса принадлежности — явление довольно частое в неологизмах и в топонимике: *дилбилим* «языкознание»; *Дерекёй* «речка+деревня», *Курткала* «волк+крепость» и др. (Кононов, 1956 : 125).

В тюркских языках не все типы изафета одинаково участвуют в процессе словообразования. Н. К. Дмитриев писал по этому поводу, что «словообразовательное значение изафет может приобретать только в отдельных конкретных случаях, причем это бывает обычно в I типе и проявляется в разных тюркских языках по разному» (Дмитриев, 1940 : 181). С. С. Майзель также отмечает, что «не все типы изафета участвуют на равных правах в процессе образования сложных слов» (Майзель, 1957 : 113). В турецком языке, по мнению С. С. Майзеля, наиболее многочисленны сложные существительные, образованные по модели II изафета (Майзель, 1957 : 115). Эти различия в использовании тюркского изафета, наблюдающиеся в различных языках, можно объяснить историческими условиями развития каждого отдельного тюркского языка.

В частности, своеобразие в развитии словообразовательных средств карачаево-балкарского языка, а именно наибольшее

распространение и продуктивность сложных слов по структурной схеме I изафета, также можно объяснить историческими условиями развития данного языка.

Словосложительная модель, генетически восходящая по своему строению к I типу изафета, ныне не соотносится непосредственно со структурой словосочетаний, а используется в языке только как модель, как образец для образования новых слов.

Сложные существительные, образованные по структурной схеме I изафета, в основе которых лежат отношения принадлежности, не имеют аналогов в живом синтаксисе современного карачаево-балкарского языка и представляют собой сложившуюся продуктивную форму образования новых лексических единиц. Их структурная схема осознана именно как самостоятельная форма, в корне отличающаяся от семантически сходной конструкции второго изафета.

Одной из наиболее распространенных общих моделей для этого типа сложных слов является «основа существительного + основа другого существительного», связанные отношениями принадлежности. Эта общая модель подразделяется на ряд частных моделей, каждая из которых имеет повторяющийся второй или первый компонент, объединяемые общим типовым значением, характерным для всех сложных слов, созданных по этой (частной) модели.

Словообразовательные модели с повторяющимся первым или вторым компонентом представляют собой сложившиеся схемы для дальнейшего словообразования. «Все сложившиеся модели сложных слов, — отмечает А. А. Юлдашев, — обладают характером устойчивой конструктивной грамматической формулы. Носители языка осознают их как некий стереотип, по аналогии с которым они воспринимают и воспроизводят данную группу производных слов, отличающихся друг от друга лишь по составу производящей основы и по индивидуальному лексическому значению» (Юлдашев, 1972 : 191).

Сложные существительные со вторым повторяющимся компонентом *бау* (ср. в других тюркских языках) в карачаево-балкарском языке образует сложные слова с общим типовым значением: «приспособление для завязывания того, что обозначено первой производящей основой»: *бел бау* «пояс, кушак» (← *бел* «стация, поясница» + *бау* «повязка, шнур»), *аууз бау* «завязка у ушечного меха» (← *аууз* «отверстие» + *бау*), *кѳанчыкѳ бау* «шнур для завязывания мешка». Модель высокопродуктивная. Текстовые примеры: Къасбот, кѳк чепкенин кийип, белин кюмюш *бел бау* бла тартдырды (З. Толгуров, Къызгъыл кырдыкла, 22)

«Касбот надел на себя серую черкеску и затянул талню серебряным поясом».

2. Сложные слова со вторым повторяющимся компонентом *юй* «дом, помещение» имеют общее типовое значение «помещение, предназначенное для того, что названо первой производящей основой: *аш юй* «кухня» (← *аш* «еда» + *юй* «дом, помещение»), *хант юй* карач. «кухня» (← *хант* «еда, пища» + *юй*), *тутмакъ юй* «тюрьма» (← *тутмакъ* «арест, арестант» + *юй*), *басма юй* неолог. «издательство» (← *басма* «печать» + *юй*), *окъуу юй* неолог. «учебное заведение» (← *окъуу* «учеба» + *юй*). Модель продуктивная. Текстовые примеры: Эшекни тюшюрюп. Азамат гыбытланы, этни да *аш юйге* кийирип, гаш тырхык тизди (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 146) «Азамат разгрузил осла, занес бурдюки и мясо на кухню и разложил их на каменном выступе». Къызыл партизанланы къошшу *тутмакъ юйню* эшиги ичине ачылгъан эшик эди (С. Хочуев, Хапарла, 25) «Двери соседней тюрьмы, где находились красные партизаны, открылись во внутрь».

3. Сложные слова с повторяющимся вторым компонентом *от* «трава» имеют общее типовое значение «средство от того, или против того, что обозначено первой производящей основой: *епке от* «гвоздика дикорастущая» в народной медицине применяется при заболевании легких (← *епке* «легкое» + *от* «трава»), *тиш от* «дурман обыкновенный» применяется от зубной боли (← *тиш* «зуб» + *от*), *кюе от* — название растения, применяемого от моли (← *кюе* «моль» + *от*), *бюрче от* «ромашка полевая» (← *бюрче* «блоха» + *от*), *бёрю от* — название ядовитого растения, «яд» (← *бёрю* «волк» + *от*), *жылан от* «очиток кавказский» применяется как хорошее ранозаживляющее средство (← *жылан* «змея» + *от*), *безгек от* «валериана лекарственная» (← *безгек* «лихорадка» + *от*). Модель продуктивная. Текстовые примеры: (Хамзат:) Ала (бийле) бозагъа *бёрю от* къошарла, Дерт къайтаргъынчы ажымлы жоярла (О. Этезов, Нарт къаланы хапарлары) «(Хамзат:) Они (князья) могут добавить в бузу (национальный напиток) отраву, Пока еще не отомстили, могут трагически прикончить». Сагъыт, *жел отдан* жыйып, дарман этнучюдк «Сагит, собрав аконит, готовит из него лекарство». *Жылан от* къаялада эм тау жайлыкълада къаяла ичинде ёседи («Коммунизмге жол») «Очиток кавказский растет на скалах и на луту среди скал». Жайда кюйюзлени эм башха жюнден этилген зат ланы кюннге чыгъарып, алагъа *кюе от* салыргъа керекди («Коммунизмге жол») «Летом ковры и другие шерстяные вещи нужно обрабатывать средством от моли». *Тиш отну* урлугъун сууд-

кбайпатып, тишлени чайкъаса, тиш ауруудан жарайды. «Коммунизмге жол») «Отвар семян дурмана обыкновенного в виде полосканий употребляют при зубной боли».

4. Сложные слова, имеющие общий второй компонент *агъач* «дерево», объединяются типовым значением «орудие труда» или «детали к орудиям труда»: *сабан агъач* «плуг, соха» (← *сабан* «пашня, поле» + *агъач* «дерево»), *чепкен агъач* «ткацкий станок» (← *чепкен* «самодельное сукно» + *агъач*), *кѳююн агъач* «деталь ткацкого станка» (← *кѳююн* «пазуха» + *агъач*), *суу агъач* «коромысло» (← *суу* «вода» + *агъач*). Модель продуктивная. Текстовые примеры: Ёгюзге жетген кыйынлыкъны *сабан агъач* да биледи («Малкъар нарт сѳзле», 123) «Та тяжесть, которая выпадает на долю вола, известна и сохе». Эртде заманлада таулу тиширыула *чепкен агъач*да чепкен, башлыкъ да сокъгъандыла («Коммунизмге жол») «В старину горянки ткали на ткацких станках самодельное сукно для черкески и башлыка». Кечге къалгъан бир къатын, *суу агъачы* челеклерине тийип дынгырдата, ашыгъып, суу алыргъа чабып кетди (Аппаланы Х., Къара къюбюр, 117) «Одна из женщин, которая запоздала принести воду, торопливо побежала за водой, ведра ее стучали о коромысло и тарактели».

5. Сложные слова с общим типовым значением «приспособление для расчесывания того, что обозначено первой производящей основой: *чач таракъ* «гребень, расческа» (← *чач* «волосы» + *таракъ* «гребень»), *жюн таракъ* «чесалка» (← *жюн* «шерсть» + *таракъ*). Модель малопродуктивная. Текстовые примеры: Таужан ...эшниклерин къаты этип, ...*жюн тарагъын алып*, от жагъагъа жарашды «Таужан ...накрепко закрыла свои двери, шяла чесалку и примостилась у очага».

6. Сложные существительные с повторяющимся вторым компонентом *къап*, объединяемые общим типовым значением «вместилище для того, что названо первой производящей основой»: *кѳз къап* «веко» (← *кѳз* «глаз» + *къап* «мешочек, футляр»), *къол къап* «рукавица» (← *къол* «рука» + *къап*), *герох къап* «кобура» (← *герох* «пистолет» + *къап*) и т. д. Модель малопродуктивная.

В других тюркских языках также встречаются сложные существительные с самыми различными повторяющимися компонентами, например, *къап*: кирг. *айак кап* «круглый короб, сдвинутый из драничек, сверху и снизу, укрепленных обручами» (← *айак* «посуда» + *кап* «футляр») (Ильминский, 1867: 8); *казан каб* «мешок для котла» (← *казан* «котел» + *кап* «мешок») (Теренгев, 1875: 157); башк. *сѳскап* «украшение на голове у

женщин» (← *сэс* «волосы» + *кап* «мешок, кулёк») (Муратов, 1961 : 48); азерб. *аяггабы* «обувь» (← *аяг* «нога» + *габ* «посуда, футляр») (Адилев, 1958 : 18); тур. *айаккабы* «обувь» (← *айак* «нога» + *кап* «посуда») (Майзель, 1957 : 118).

Текстовые примеры: Ахман тирменде, суукьду, бузду демей, кийик тонун кийгенлей, эки тери *кьол кьабы* бла тирменни таркъ-туркъ этдирип, тишей эди (С. Шахмурзаев, Танг аласында, 37) «Несмотря на то, что на мельнице было очень холодно, Ахман в своем тулупе из турьего меха и в меховых рукавицах с шумом отбивал жернова». Ючюнчю мотоциклини иеси, герохун *герох кьабындан* чыгъарып атхыпчы, жол юсюне ауду (М. Гелтуев, Ачыкъ журекле, 62). «Третий мотоциклист не успел вытащить свой пистолет из кобуры и выстрелить, как он свалился на дорогу».

По структуре производящих основ сложные существительные, образованные сочетанием двух существительных, имеют следующие две разновидности: 1) оба компонента являются корневыми (они составляют большинство): *бел бау* «пояс, кушак», *чач бау* «косоплетка», *кьол кьап* «рукавица», *аш юй* «кухня», *тиш* от «дурман обыкновенный» и т. д.; 2) один из компонентов является производным: а) на *-ма*: *басма юй* «издательство» (← *басма* «печать» от *бас* «давить» + *юй* «дом, помещение, заведение»); б) на *-акъ*: *кьонакъ юй* «гостиная, гостиница» (← *кьонакъ* «гость» от гл. *кьон* - в его устаревшем значении «останавливаться на ночлег» + *юй* «дом, помещение»); в) на *-макъ*: *тутмакъ юй* «тюрьма».

Наиболее важные внешние признаки сложных существительных, образованных по структурной схеме I изафета, следующие: а) восходящая интонация первого и нисходящая — второго компонента; б) наличие единого объединяющего ударения на ударном слоге первого компонента и более слабого на втором компоненте, например: *кьол кьап* «рукавица», *сабан чыпчыкъ* «трясогузка», *чепкён таракъ* «ткацкий гребень»; в) наличие в составе сложного слова не менее двух производящих основ, относящихся к знаменательным частям речи, в частности к именам существительным с предметным значением: *тиш* от «дурман обыкновенный», *чабыр бау* эти. «шнурки для чабуров» и т. п.; г) наличие в составе сложного слова не менее двух односложных слов, например: *аш юй* «кухня», *бел бау* «пояс»; д) закрепленный порядок компонентов: определение + определяемое.

С семантической точки зрения сложные существительные, образованные по структурной схеме I изафета, характеризуются ясной мотивированностью своего лексического значения. Слож-

ными словами с ясно мотивированной семантикой принято считать такие композиты, лексическое значение которых представляет собой как бы сводное содержание объединяемых слов, например, *кӟол кӟап* «рукавица» (← *кӟол* «рука» + *кӟап* «футляр, чехол»), *сабан агӟач* «плуг», «соха» (← *сабан* «поле» + *агӟач* «дерево») и т. п.

А. А. Юлдашев отмечает, что, «хотя вновь образуемое лексическое значение и мотивируется прежними лексическими значениями объединяемых компонентов, сложное слово в состоянии стать его носителем постольку, поскольку это новое значение необратимо, возникая только в пределах данного сочетания компонентов» (Юлдашев, 1972 : 194).

С точки зрения экспрессивно-стилистической сложные существительные, созданные по структурной схеме I изафета, относятся к общеупотребительной, стилистически нейтральной лексике.

В современном карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, рассматриваемая модель широко используется для образования сложных существительных в основном за счет общетюркской лексики и очень редко за счет заимствований: *тутмакӟ юй* «тюрьма» (*тутмакӟ* «арест, арестант» от гл. *тут* «хватать, задерживать» + *юй* «дом, помещение») и т. п.

Таким образом, анализ сложных существительных, образованных паратактическим сочетанием компонентов, восходящих к структурной схеме I изафета, показывает, что а) они составляют многочисленную группу сложных слов, прочно утвердившихся в общенародной и общеупотребительной лексике современно-го карачаево-балкарского языка, часть которой представляет собой терминологическую лексику самого различного профиля; б) характеризуются ясной семантической мотивированностью своего лексического значения; в) обладают наличием единого объединяющего ударения на ударном слоге первого компонента, и более слабого на втором компоненте.

Сложные существительные, образованные паратактическим сочетанием компонентов, следует отличать как от некоторых метафорических словосочетаний, так и от атрибутивных словосочетаний, в которых определение, выраженное существительным, выступает как аналог относительного прилагательного.

Словосложительная модель, восходящая по своему строению к I типу изафета, не имеет аналогов в живом синтаксисе современного карачаево-балкарского языка и представляет собой

сложившуюся продуктивную форму образования новых лексических единиц.

БИБЛИОГРАФИЯ

Адилов М. И. Сложные слова в современном азербайджанском языке: Автореф. дис. канд. филол. наук. Баку, 1958, 21 с.

Алиев У. Б. Грамматика балкарского языка. Учеб. для неполной сред. и сред. школы. Ч. I. Фонетика и морфология. Нальчик, Каб.-балк. госиздат, 1939, 152 с. — На балк. яз.

Алиев У. Б. Грамматика балкарского языка. Учеб. для сред. школы. Ч. I. Фонетика и морфология. Нальчик, Каб.-балк. кн. изд-во, 1958, 184 с. — На балк. яз.

Аракин В. Д. Сложные существительные с первым компонентом — прилагательным цвета в турецком языке. — В кн.: *Türcologica* (к 70-летию академика А. Н. Копонова). Л., 1976, с. 20—26.

Баскаков Н. А. Каракалпакский язык. II, ч. I. М.: Изд-во АН СССР, 1952, 543 с.

Баскаков А. Н. Словосочетания в современном турецком языке. М.: «Наука», 1974, 185 с.

Бозиев А. Ю. Словообразование имен существительных, прилагательных и наречий в карачаево-балкарском языке. Нальчик, 1965, 88 с.

Боровков А. К. Природа «турецкого изафета». — В кн.: Академику Н. Я. Марру. М.—Л., 1935, с. 165—177.

Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. Изд. 2. М.: Изд-во «Высшая школа», 1964, 456 с.

Гаджиева Н. З. Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М.: «Наука», 1973, 406 с.

Гарипов Т. М. Башкирское именное словообразование. Уфа, 1959, 224 с.

Гордлевский В. А. Избранные сочинения. В 4-х т. М.: «Наука», 1961, т. 2, 458 с.

Грамматика карачаево-балкарского языка. / Под ред. Н. А. Баскакова, Нальчик; «Эльбрус», 1976, 571 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика кумыкского языка. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1940, 205 с.

Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1948, 276 с.

Иванов С. Н. Об историзме в содержании грамматического понятия. — В кн.: Тюркологический сборник 1975. М., 1978, с. 130—150.

Исхаков Ф. Г. Имя существительное. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. II. Морфология. М., 1956, с. 78—142.

Кононов А. Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1956, 569 с.

Майзель С. С. Изафет в турецком языке. / Редакция, предисловие и примечания А. Н. Кононова. М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1957, 186 с.

Муратов С. Н. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1961, 130 с.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. В 4-х т. М.: «Просвещение», 1968, т. 3, 551 с.

Поцелуевский А. П. Основы синтаксиса туркменского литературного языка. Ашхабад, 1943, 100 с.

Севортян Э. В. Категория падежа. — В кн.: Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. М., 1956, с. 45—64.

Соттаев А. Х. Имя существительное в карачаево-балкарском языке. Нальчик: «Эльбрус», 1965, 84 с.

Убрятова Е. И. Исследования по синтаксису якутского языка. М.—Л.: «Наука», 1950, 304 с.

Убрятова Е. И. Согласование в якутском языке. — В кн.: Исследования по синтаксису тюркских языков. М., 1962, с. 101—188.

Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1971, 302 с.

Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М.: «Наука», 1972, 416 с.

Юлдашев А. А. Проспект «Грамматики современного башкирского литературного языка». Уфа, 1974, 85 с.

ЛЕКСИКА, ЛЕКСИКОГРАФИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В 1959 году на Всесоюзном совещании по терминологии отмечалось, что для таких младописьменных языков, как карачаево-балкарский, особой детальной разработки требует общественно-политическая терминология (Баскаков, 1961: 57). Данное сообщение посвящено вопросам формирования и развития именно этой части карачаево-балкарской лексики.

Общественно-политическая терминология карачаево-балкарского языка до сих пор специально не исследована, не разграничены этапы ее развития. Анализ текстов газет, издающихся на карачаево-балкарском языке, позволяет выделить три периода: первый — с 1924 по 1930 год, второй — с 1931 по 1944 и третий период — с 1957 года по настоящее время.

В изданиях первого периода наблюдается пуристическое стремление переводить все интернациональные и русские слова, заменяя их арабо-персидскими и карачаево-балкарскими: *хурриет* вместо *революция*, *саясат* вместо *политика*, *бай* вместо *капиталист*, *эл кенгеш* вместо *эл совет* и т. д.

Во втором периоде (1931—1944) происходит массовый приток в карачаево-балкарский язык русских и интернациональных слов. Это обуславливалось, во-первых, необходимостью запечатлеть новые явления действительности, связанные с первыми пятилетками и Великой Отечественной войной и, во-вторых, стремлением передовых представителей печати изъять из письменного языка чуждые ему арабизмы и иранизмы. В те годы переводчики впали в другую крайность, оставляя в тексте многие слова вообще без перевода. Например, в балкарской газете «Социа-

лист Къабарты-Малкъар» за 1938 год (№ 42) немало подобных строк: *Отважный полярный исследователь лени тертюсю священ- ный, родной советский жерге къайтхандыла* «Четверо отважных полярных исследователей вернулись на священную, родную советскую землю». Вместе с тем в эти годы твердо вошли в обиход термины *колхоз, ударник, артель, звено, фронт, Уллу Ата журт уруш* «Великая Отечественная война» и др.

Третий период развития терминологии начинается с восста- новлением автономии карачаевцев и балкарцев и возобновлением издания газет (май 1957 года). Учитывая недостатки прошлых лет и знакомясь с практикой возникновения терминов в тюрко- язычных республиках, имеющих терминологические комиссии, карачаево-балкарские языковеды и журналисты ищут в эти го- ды новые пути улучшения языка газет и других изданий, радио- и телепередач, в результате чего создается более или менее ус- тойчивая общественно-политическая, сельскохозяйственная и другая терминология.

Упорядочению терминологии карачаево-балкарского языка во многом способствовал изданный в 1961 году «Русско-балкар- ский политико-терминологический словарь», содержащий более 3000 терминов. Основным недостатком словаря является то, что в нем одним и тем же термином обозначается несколько разных понятий, требующих дифференцированного подхода. Так, термином *болум* в словаре обозначены понятия: «условие, положе- ние, обстановка, обстоятельство, ситуация»; термином *буйрукъ* передаются понятия: «директива, приказ, повеление, распоря- жение». Понятия «государство, страна и держава» словарь определяет одним термином *къырал*, тогда как в других родст- венных языках они передаются более дифференцированно: в киргизском соответственно *мамлекет, ёлкё, держава*; в татар- ском — *деулет, эл, держава*; в уйгурском — *дёлет, эл, дёлет* и т. д. В то же время для передачи одного понятия словарь использует часто несколько терминов: «сделка» — *келишим, сёз тауусуу, тауусум*; «правящий» — *башчылыкъ этген, къыралны къолда тутхан*; «сверхплановый» — *пландан тышында, пландан артыкъ* и т. д., что также мешает упорядочению терминологии.

Положительную роль в упорядочении терминологической и всей переводческой работы сыграл выход в свет «Русско-карачаево-балкарского словаря» (1965), содержащего около 35 тысяч слов. Однако переводы многих слов в нем даны без учета бал- карских вариантов.

В связи с этим следует отметить, что ввиду территориальной и административной разобщенности карачаевцев и балкарцев

карачаево-балкарский литературный язык в настоящее время развивается в двух вариантах. Это обусловило появление лексических различий в языке карачаевцев и балкарцев (Хаджилаев, 1979 : 72), что особенно заметно в таком быстро развивающемся разделе лексики, как общественно-политическая терминология. В каждом номере газет можно найти десятки таких вариантов, как карач. *Саутлу кючле* || балк. *Саутлинган кючле* «Вооруженные силы», карач. *коммунизмни материал-техника базысы* || балк. *коммунизмни ырысхы-техника мурдору* «материально-техническая база коммунизма», карач. *баш секретарь* || балк. *генеральный секретарь*, карач. *ал башланган парторганизация* || балк. *биринчи парторганизация* «первичная парторганизация», карач. *лагъымчы* || балк. *рационализатор* «рационализатор», карач. *хурмет къанга* || балк. *сыйлы къанга* «доска почета», карач. *рахатлыкъ* || балк. *мамырлыкъ* «мир», карач. *дуния коммунист къозгъалыу* || балк. *битеудуния коммунист къымылдау* «мировое коммунистическое движение», карач. *чеп атыу* || балк. *къол кётюрюу* «голосование», карач. *баш окъуу* || балк. *бийик билим* «высшее образование» и др.

Образование общественно-политических терминов происходит разными путями. Продуктивным способом обогащения терминологии является семантическое переосмысление старых слов, в результате чего многие карачаево-балкарские слова, наряду с прежними, приобретают новое, дополнительное значение. Например, слово *шаудан*, наряду с основным значением «родник», приобрело новое: «то, что дает начало чему-нибудь». Такими терминами являются также: *дерс* «учебный час», «задание ученику» и «нечто поучительное, из чего можно сделать вывод для будущего»; *мурдор* «основание сооружения» и «совокупность условий, на основе которых что-либо создается (об экономике, условиях производства)» и др.

За счет внутренних ресурсов карачаево-балкарского языка по моделям русских слов и словосочетаний создаются кальки. Таких терминов очень много: *бешжыллыкъ* «пятилетка», *айырыучу* «избиратель», *ишсизлик* «безработица», *кёчюучю къызыл байракъ* «переходящее красное знамя» и т. д.

Важным способом пополнения общественно-политической терминологии является заимствование. Такие термины, как *революция*, *капитализм*, *социализм*, *коммунизм*, *политика* и многие другие, вошли в активный лексический фонд и уже не воспринимаются как неологизмы.

Используются также давно усвоенные карачаево-балкарским языком арабо-персидские слова: *дуния* «мир», *жамауат* «обще-

ство», *китап* «книга», *ёмюр* «век», *патчах* «царь», *шахар* «город» и др.

В необходимых случаях (если нет соответствующих эквивалентов в карачаево-балкарском языке) без изменений используются русские слова *совет*, *колхоз*, *счетовод*, *летчик*, *больница*, *пулемет*, *письмо* и др. Термины *совет* и *спутник* сначала употреблялись параллельно с балкарскими эквивалентами *кенгеш* и *жолуочу нёгер*, однако впоследствии твердо вошли в обиход только русские варианты.

Современная орфография карачаево-балкарского языка не допускает разнобоя в написании слов, общих для русского и карачаево-балкарского языков. Это помогает быстрому фонетическому освоению заимствованных терминов. Под влиянием орфографии в последнее время стали употребляться в русской форме и такие слова, как *фабрика*, *контора*, *бригада*, *ракета*, *планета*, *анкета*, которые в свое время были заимствованы с утерей своего безударного окончания -а (*фабрик*, *контор*, *бригад*, *ракет*; *планет*, *анкет*). Исключением являются более ранние заимствования: *школ* «школа», *минут* «минута», *секунд* «секунда», *газет* «газета».

При морфологическом освоении заимствованных терминов наибольшую трудность представляют термины, состоящие из неперебиваемого относительного прилагательного и определяемого им существительного. Специфика русских относительных прилагательных такова, что не сразу можно найти соответствующие эквивалентные формы в тюркских языках. Поэтому в первое время в карачаево-балкарском языке продолжала сохраняться русская форма на -*ный*, -*ский*, а в некоторых тюркских языках она сохраняется и сейчас, например, в алтайском *коммунистический воспитание* «коммунистическое воспитание», в ногайском *экономический забастовка* «экономическая забастовка», *партийный йыдын* «партийное собрание».

Особое затруднение в освоении русских словосочетаний с относительными прилагательными для карачаевцев и балкарцев вызывает то, что, в отличие от других тюркских языков, в карачаево-балкарском атрибутивность выражается без присоединения к определяемому имени существительному аффикса принадлежности -*ы*, -*сы*. Например, термин «партийная этика» в татарском языке передается *партия этикасы*, а в карачаево-балкарском переводится *партия этика*. Особенно большие неудобства возникают при передаче без аффиксов принадлежности русских терминов с относительными прилагательными, состоящих из трех и более компонентов, например, *социалист экономика инте-*

рация «социалистическая экономическая интеграция», совет партия-правительство делегация «советская партийно-правительственная делегация», социалист битеухалкъ къырал «социалистическое всенародное государство». Легко заметить, что из-за отсутствия в таких конструкциях внешних признаков атрибутивности страдает стиль.

Некоторые относительные прилагательные в карачаевской газете «Леннини байрагъы» заимствуются в форме основы, состоящей из корня и непосредственно следующего за ним аффикса, с опущением последующих русских аффиксов и окончаний: *революцион* «революционный», *оккупацион* «оккупационный». Следует отметить, что при таком оформлении эти слова в карачаево-балкарском языке больше осознаются как имена прилагательные.

Многие прилагательные морфологически оформляются с помощью аффикса *-лы*: *республикалы кенгеш* «республиканское совещание», *документли фильм* «документальный фильм» и др.

Таким образом, в морфологическом освоении заимствованных прилагательных еще нет твердо установленных правил.

При отсутствии точного однословного эквивалента используются громоздкие описательные термины — это один из недостатков общественно-политической терминологии карачаево-балкарского языка, который тормозит развитие терминологии вообще, лишает некоторые термины устойчивой воспроизводимости. Например, в «Русско-балкарском политико-терминологическом словаре» термины *вотум*, *карьерист*, *плеяда* переводятся соответственно *къол кётюрюню болушу*; *ыразы болмагъанын билдириу*; *къуллукъгъа алланган*. Правильнее было бы принять заимствованные формы этих терминов, а описательные переводы давать в скобках как краткое толкование: *вотум* — *вотум* (къол кётюрюню болушу) и т. д.

Термин *национализация* в карачаево-балкарской печати также переводится описательно: *къыралны оноууна алыу*, тогда как можно принять *национализациялау* или же переводить *миллетлешидириу* (ср. туркм. *миллетлешидирме* «национализация»). Громоздко передается на карачаево-балкарский язык и термин *неприсоединение* — *бир жанына да къатышмау*, который можно было бы ограничить одним словом *къошулмау*, ср. казах. *косылмау* «неприсоединение» (Насырова, 1979 : 172).

Нежелательным следует считать использование слова *буржуй* в значениях «буржуазный» и «буржуа». Экспрессивность русского слова *буржуй* (Рейсер, 1974 : 363) в условиях двуязычия усугубляется и носителями карачаево-балкарского языка. Поэто-

му предпочтительнее пользоваться формами *буржуазия* и *буржуа*: *буржуазия пропаганда* (вместо *буржуй пропаганда*), *буржуала* (вместо *буржуйла*) и т. д.

Недостатком является и то, что в последнее время в изданиях на карачаево-балкарском языке, особенно на страницах альманаха «Шуёхлукъ», наблюдается замена некоторых глубоко укоренившихся терминов *литература, культура, исторця* арабизмами *адабият, маданият, тарых*, а также топонима *Север Кавказ* устаревшим *Шимал Кавказ*.

Таким образом, для развития и упорядочения общественно-политической терминологии карачаево-балкарского языка сделано немало. Вместе с тем термины требуют дальнейшего совершенствования, для чего необходимо издать более полный русско-балкарский словарь общественно-политических терминов¹. Языковеды должны больше внимания уделять исследованию вопросов, связанных с терминологией.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баскаков Н. А. Современное состояние терминологии в языках народов СССР. — В кн.: Вопросы терминологии. М., 1961.

Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979.

Кусикьян И. К. Изменения в словарном составе литературного армянского языка советского периода. М., 1964.

Насырова М. Русско-казахский краткий словарь социально-экономических терминов. Алма-Ата, 1979.

Рейсер С. А. Из истории русской политической лексики. «Буржуй». — Изв. Академии наук СССР. Серия лит. и яз., 1974.

«Русско-балкарский политико-терминологический словарь». Составители: Х. Х. Качиев и Х. С. Малкондуев. Нальчик, 1961.

«Русско-карачаево-балкарский словарь». Под редакцией Х. И. Суюнчева и И. Х. Урусбиева. М., «Советская энциклопедия», 1965.

Хаджилаев Х.-М. И. О различиях в лексике карачаевского и балкарского вариантов современного литературного карачаево-балкарского языка. — Сов. тюркология, 1979, № 2.

¹ Для карачаевцев уже издан «Русско-карачаевский словарь общественно-политической терминологии». Черкесск, 1980.

ТЕРМИНЫ КОНЕВОДСТВА В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Термины коневодства в тюркских языках довольно многочисленны и разнообразны. Названия лошади по возрасту и полу встречаются уже в древних тюркских памятниках (Мусаев, 1975 : 52), так как тюркские народы еще в древности разводили лошадей и широко использовали их, — лошадь была подвижным выносливым животным, что вполне соответствовало кочевому образу жизни тюрков.

Популярность лошади у тюркских народов подтверждается и тем, что о ней сложено немало легенд, сказок, воспевается она в героических песнях.

В индийской, римской, германской мифологиях лошадь стоит ближе к божеству, чем другие животные (Трубачев, 1960 : 13).

Историки отмечают, что «приручение коня вызывало первые крупные передвижения народов, когда, получив в свои руки удесяттеренную скорость, человеческая воля могла подчинить себе новые огромные пространства (Ковалевская, 1977 : 3).

Особенно велика была роль лошади в военном деле. Всадник мог скакать где угодно, вести бой на пересеченной местности, постоянно менять тактику — быть значительно более мобильным и маневренным (Ковалевская, 1977 : 3).

Любой пастух предпочитал коня в качестве транспорта. Дело в том, что раньше лошадь служила исключительно средством передвижения и не была вьючным животным.

Содержание лошади не требует заготовок сена на зиму. Лошади способны добывать корм даже из-под глубокого снега, разгребая его копытами, поэтому их держат зимой на участках некошеной засохшей травой — *кьаудан* (Карачаевцы, 1978 :

66). Табуны нередко используют для очистки пастбищных участков от снега, и когда лошади обнажат траву, пасут на этом месте скот (Мусаев, 1975 : 59).

Как отрасль хозяйства, коневодство у карачаевцев и балкарцев возникло сравнительно поздно. Изначалу каждый мужчина имел одного коня, который, как уже говорилось выше, использовался только как средство передвижения. Видимо, поэтому карачаевцы и балкарцы, в отличие от других тюрков, не доят кобыл (Карачаевцы, 1978 : 68) и не употребляют конину в пищу, — разве что в лечебных целях.

Только к концу XIX века в Карачае и Балкарии мериннов начали использовать как рабочих лошадей, а также продавать их казакам (Карачаевцы, 1978 : 68). Вскоре коневодство стало выгодной отраслью хозяйства и опытным горским коневодам стало давать солидный заработок (Бесланеев, Шаманов, 1972 : 9).

О том, что эти народы издревле занимаются разведением лошадей, свидетельствуют фольклорные материалы, в которых довольно часто главным героем является табунщик; смелый и ловкий парень угоняет табуны златогривых лошадей у злых эмегенов-великанов; нартскому богатырю в награду за доблесть достается множество табунов и т. д. Видимо, отгесненные к горам тюрки временно отказались от лошадей из-за суровых горных условий и перешли к разведению в основном мелкого рогатого скота.

В сказках также действуют нартские герои, которые едят конину (на спор — целого жеребенка), доят кобыл. Все это говорит о том, что кавказские тюрки в древности разводили лошадей, доили кобыл и ели конину.

Таким образом, исторически у карачаевцев и балкарцев, как и у других тюрков, лошадь занимала одно из центральных мест в хозяйстве и играла важную роль в их жизнедеятельности.

Этим и объясняется многочисленность и разнообразие терминов коневодства в исследуемом языке¹.

1. Жылкы «табуи (лошадей)», «лошади».

В современных тюркских языках *жылкы* || *йылкы* употребляется в значении «табун», «табуинная лошадь», просто «лошадь», или «кобылица» (Щербак, 1961:84).

Как отмечает К. М. Мусаев, в некоторых языках, носители

¹ Для удобства термины рассматриваются в следующей последовательности: I. Термины с собирательным значением. II. Видовые наименования. III. Наименования самцов-производителей. IV. Наименования холостых самцов. V. Наименования самок. VI. Наименования молодняка и возрастных групп.

которых в последнее время не занимаются или мало занимаются разведением лошадей — *жылкты* обозначает необъезженную лошадь (Мусаев, 1975 : 109).

Слово *жылкты* — одно из широко употребляемых наименований животных в древнетюркских памятниках с собирательным значением «лошадь» как вид скота (Мусаев, 1975 : 110).

Исходя из того, что *жылкты* обозначало первоначально «табун» и поэтому ассоциировалось с табунными животными, А. М. Щербак дает следующее семантическое развитие этого слова: «табун» (лошадей по преимуществу) — «табунная» (лошадь), → «лошадь» (по исключению) (Щербак, 1961:84). Учитывая это, он подтверждает предложенную Г. Вамбери этимологию *жылкты* (Щербак, 1961 : 84), «как производного от глагола *йыл* — «собрать»; «объединить» (Вамбери, 1979 : 190).

В поговорке, которая гласит: *жылктымы куйругундан кбыл юз* «если не доволен моим поступком, иди жалуйся, накажешь, если сможешь» (досл. вырви волос из хвоста моего коня, находящегося в табуне), слово *жылкты* выступает в значении «табунная лошадь».

На основе слова *жылкты* образуются термины, относящиеся к коневодческому: *жылктычы* «табунщик», *жылктычылык* «коневодство». Оно вступает и в различные словосочетания: *жылкты жылы* «год лошади», *жылктычы кбуш* «стервятник».

II. **Ат** «лошадь, конь». Во всех тюркских языках употребляется в значении «лошадь», «конь», в ряде языков обозначает «мерина», холощенного коня, холощенного самца вообще, а в якутском языке и осла (Щербак, 1961 : 83).

Ат в значении «лошадь», «конь» и некоторые производные от него основы встречаются, начиная с наиболее древних тюркских памятников (Мусаев, 1975 : 108).

Значение «мерин» слова *ат*, отмечает А. М. Щербак, предшествует видовому значению (Щербак, 1961 : 83).

В существующей литературе нет единого твердого мнения по поводу происхождения и реконструкции слова *ат*. *Ат* в сопоставлении с *ай* (в *айгыр*) и с *ат*, *ёт* «бык» выводили на основании монгольского *агэта* «мерин» (*ат* ← *агэт* «лошадь», тув. *ат*) считали заимствованием из персидского, сравнивая с монг. *ата*, *атан* «мерин», возводили к *ата* (Севортян, 1974 : 197—198). Современный немецкий лингвист Г. Дёрфер возводит *ат* к *хат* ← *пат(а)* (Дёрфер, 1972 : 57).

На основе *ат* образуются новые слова: *атчы* «конюх», *атлан* «собираться».

Слово *ат* вступает в словосочетания *ат арба* «подвода»,

«телега», *ат орун* «конюшня», *ат чана* «розвальни», *ат жер* «сбруя». Слово *ат* употребляется в пословицах, поговорках. Например, *аты* тюбюнде кьалсын «пусть умрет, упав с лошади»; бир *атны* кючюнден минг ат суу ичер «полезность хорошего человека» (букв. при помощи одной лошади напьются тысяча лошадей); эркек *аты* тай тапхан «везучий, счастливый человек» (букв. тот, у которого мерин ожеребился); эшек *атха* миндириу перен. «позорить при всех, опорочить» (букв. «сажать на коня, подобного ослу»).

Существует большое количество терминов, дифференцирующих лошадей по аллюру и грациозности: *жоргъа* «иноходец», *жюйрюк* «сороход», *жюрюшлю* «грациозная», *чариш ат* «скаковая лошадь».

Лошади подразделяются и по своему хозяйственному предназначению: *минген ат* «верховая лошадь», *жегилген ат* «рабочая лошадь».

Также можно выделить термины, определяющие породы лошадей: *тажал ат* «выносливый конь», *шаулух ат* «шаулухская порода» или «благородная порода», *тулнар* «богатырская лошадь» и «тяжеловоз», *малгар ат* «менгрельская порода», *чагъыдей ат* «чагдейская порода», «тонконогая, беговая лошадь».

Лошади могут иметь и другие признаки, например: *эмилик* «необученная лошадь», *жайракъ ат* «неоседланная лошадь».

В исследуемом языке имеются термины, обозначающие внешние признаки лошади: *акътуякъ* «в белых чулках (о лошади)», *жулдуз къаишалы* «со звездой на лбу (о лошади)», *къуртакъулакъ ат* «лошадь с маленькими ушами», *къатыаууз ат* «лошадь, которая не поддается, не повинуется узде» (досл. «крепкоротая лошадь»).

Есть термины, обозначающие масть, в основном это прилагательные со значением цвета.

Как исключение выступает слово *къызыл* «красный», которое не употребляется для обозначения масти. Видимо, это связано с отсутствием чисто красной масти скота, а темно-красные цвета передаются иными словами, обозначающими близкие к красному цвета или оттенки.

Термины, обозначающие масти лошадей, широко распространены во всех тюркских языках. В одном татарском языке по данным Р. Г. Ахметьянова, насчитывается более сорока названий мастей лошади (1975 : 70). Довольно большое количество этих терминов заимствовано русским языком из тюркских языков (Сетаров, 1977 : 235). Имеются они и в других, например, в кавказских языках (Кумахова, 1975 : 72).

Тор (у) «гнедая». Один из распространенных терминов в тюркских языках. В словаре Махмуда Кашгарского встречается в формах *торигъ* || *торугъ* «гнедой» (ДТС, 1969 : 578). В некоторых современных тюркских языках произошло выпадение конечного согласного *гъ* и изменение корневого закрытого гласного *о* (ср. тат. *торы*, башк. *туры* «гнедая», в карачаево-балкарском языке: (балкарском *тор*) — выпадение последнего слога, в карачаевском — конечного *гъ* (*тору*).

Слово *тор(у)*, сочетаясь с прилагательными, обозначающими цвета, образует названия мастей лошади. Например: *къари-тор* «черно-гнедая», или «темно-гнедая», *жарыкъ тор(у)* «саврасая».

Бууурул «чалая». В современных тюркских языках это слово употребляется в значениях, близких основному, «чалый», «рыжий», «серый», «седой», «белый с коричневыми пятнами» (Севортян, 1978 : 228).

Наиболее древней формой считается *бугъурул*, которая сближается с монг. формами *бугъулал* || *буурал* || *бугъурул* «серый», «сивый», «с проседью» (о волах) (Севортян, 1978 : 228).

Термины *тор(у)* и *бууурул* употребляются самостоятельно, так как они применяются только по отношению к лошадям. Остальные термины, определяющие также масти лошади, употребляются в сочетании с *ат*, либо может подразумеваться любой вид животного, так как для обозначения масти и других животных используются те же слова: *акъ ат* «белая лошадь», *къара ат* «черная лошадь», *сары ат* «соловая, желтоватая лошадь», *кёк ат* «сивая лошадь», *къолан ат* «пестрая лошадь»¹, *боз ат* «пепельно-белая лошадь».

Со словом *ат* немало фразеологизмов: Бир *атха* эки хамут салыу «требовать, заставлять делать больше возможного» (досл. на одну лошадь надеть два хомута); Агъач *атха* миндирну «опозорить, унижить» (досл. сажать на деревянного коня).

III. **Ажир** «жеребец». Это слово сопоставляется с монг. *азрагъа*, монг. письм. *ажиргъа* (Хаджилаев, 1970:96), а также *азрака(н)* и *азаргъа* и др. (Суюнчев, 1970:96). Близость карачаево-балкарского слова *ажир* с основой письм. монг. *ажиркъа* подчеркивает и Э. В. Севортян (1974:108).

О происхождении слова *айгъыр* нет твердо устоявшегося мнения среди языковедов (Севортян, 1974 : 107—108). Любопытно сближение *айгъыр* и *ажир*, где выводят оба термина от глагольной основы, близкой по назначению с глаголом *ай* «тво-

¹ Къулан — «дикая лошадь» (арх.), который образован на основе *була* «желто-серый», «буланный», «гнедой» (см. М. А. Хабичев, 1971: 204).

рить» (в якутском) (Убрятова, 1965 : 11). Сравним корень *ай* в слове *айландыр* «покрывать» (о жеребце, быке) в карачаево-балкарском языке.

Слово *ажир* встречается в составе устойчивых словосочетаний и сложных глаголов: *ажир юлюш* «косяк», *ажирлик эт* «покрывать (о жеребце)», перен. «командовать».

В большинстве тюркских языков понятие «жеребец» передается словом *айгзыр*. В исследуемом языке это слово встречается в астрономических названиях (*Сары айгзыр*, *Тору айгзыр* — крайние две звезды ковша Малой Медведицы), а также в топонимике Карачая и Балкарии (Хаджилаев, 1970:96).

В переносном значении, по отношению к женщине *айгзыр* обозначает распущенность, излишнюю развязность, безнравственность.

В фольклоре (сказках) встречается слово *айгзыр* в значении «морской жеребец», который выводил свой косяк из морского дна, а затем уводил обратно.

IV. *Алаша* «мерин, холощеный жеребец». В большинстве тюркских языков разные фонетические варианты этого слова передают понятие «мерин».

В ряде тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарском, *алаша* употребляется еще в значении «извозная лошадь» (Хаджилаев, 1970:94—95).

По поводу происхождения этого слова существует два близких друг другу мнения: *алаша* от *ал* — «быть, становиться слабым, бессильным, немощным» (Севортян, 1974 : 136) и *алаша* от *алаша* «низкий» (Севортян, 1974 : 136), которое тоже можно свести к *ал-аш-а*, где *ал* «брат, убавлять, убавленный, отнятый от роста».

V. *Байтал* «кобыла». Происхождение этого слова до конца до сих пор остается неясным. Некоторые исследователи сопоставляют тюркское *байтал* и монгольское *байтасун* «не жеребившаяся трехгодовалая упитанная кобыла», связывают *байтал* и монгольское *байдас* «молодая кобылица», как фонетические варианты одного слова, относя их к общетюркско-монгольскому пласту лексики (Севортян, 1978 : 37).

Байтал в сочетании с *туу* (ср. хак. *тул* «яловый»), обозначает «бесплодную кобылу». Переход древнего *-гъ* в карачаево-балкарский *-у* закономерен. Ср. древнетюркские *сугъ* — кбл. *суу* «вода», *тугъ* — *туу* «родиться» и т. п.

Термин *туу байтал* встречается в фольклорных произведениях.

VI. Тай «жеребенок». Во всех древних и современных тюркских языках слово *тай* употребляется в значении «жеребенок» (Хаджилаев, 1970:96—97). В основном, значение определяемого словом *тай* возраста, колеблется от рождения до двух лет. А. М. Щербак отмечает, что *тай* древними тюрками употреблялся для названия верховой лошади (Щербак, 1961 : 91). В карачаево-балкарских сказках встречается термин *жабаггы тай* в значении «скакуна» сказочной быстроты. Слово *жабаггы* || *йабаггы* в значении «жеребенок» в исследуемом языке не встречается (ср.: алт. *йабагга*, банк. *ййабаггы*, казах. *йабаггы*, кирг. *йабаггы* «жеребенок с колебаниями в возрасте». Возможно, слово *жабаггы* обозначает двухгодовалого коня, а слово *тай* — верхового коня, ср.: банк. *йабаггы тай* «жеребёнок, родившийся осенью, с весны следующего года до двухлетнего возраста» (Щербак, 1961 : 92).

В итоге все формы *йабаггы* А. М. Щербак возводит к общетюркскому *дабагга*, с которым связаны и соответствующие монгольские слова *даган* «двухлетний жеребенок», *дахи* «шерсть, вылезаящая весной» (Щербак, 1961 : 92).

Х. И. Суюнчев, намекая на близость слова *тай* и *жабаггы*, сопоставляет *тай* и п.-монг. *даггагга*, б.-монг., о.-монг. *даага(м)*, х.-монг. *дага* «жеребенок по второму году» (Суюнчев, 1977 : 31).

В пользу предположения об употреблении слова *тай* для названия верхового коня выступает также термин *тай хора* «породистая лошадь», «скакун». Ср.: *хора* «скакун, породистая лошадь» (Хаджилаев, 1970:96), кабардин. *хоара* «чистокровная порода лошади» (Кумахова, 1975 : 70).

В термине *генже тай* второй компонент опять выступает в значении «верховой конь». *Генже тай* «кобыла», которая ожеребилась на третьем году. Первый компонент термина М. А. Хабичев возводит к венгерскому *капса* «кобыла, кобылица, самка животных», (ослица); «женщина, жена» (Хабичев, 1978:3). «Семантическая близость венгерского *капса* и карачаево-балкарского *гендже*, — пишет автор, — говорит о том, что эти два слова оформились в алаано-булгаро-мадьярской среде, и на их семантическое становление оказывали влияние древние индийский, монгольский, иранский языки» (Хабичев, 1978 : 3).

Последние три термина *жабаггы тай*, *тай хора*, *генже тай* встречаются в карачаевских и балкарских нартских песнях, сказаниях и сказках (Хабичев, 1978 : 3).

Из вышесказанного видно, что значение «верховая лошадь» слова *тай* предшествовало значению «жеребенок».

К р а т к и е в ы в о д ы :

При исследовании изменений значений терминов коневодства выявляется расширение значений почти всех поло-возрастных терминов. Процесс шел от обозначения более конкретного понятия к более общему.

В коневодческой терминологии имеется также большое количество слов, обозначающих почти все существенные признаки лошадей: породистость, темперамент, аллюр, грациозность, масть, выносливость, тонкость ног, все особые приметы на теле животного, хозяйственное его предназначение, а также отрицательные привычки, такие как пугливость, леность и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ахметьянов Р. Г. Некоторые названия лошадей в татарском языке. — Сов. тюркология, Баку, 1975, № 2.

Бесланев А. Д., Шаманов И. М. Очерки истории хозяйства и хозяйственного быта горцев Кубанской области. Черкесск, 1972.

Vambergy Н. Die primitive Culture des türko-tatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen. Leipzig, 1879.

Дёрфер Г. Можно ли проблему родства алтайских языков решить и позиции индоевропеистики? (Перевод Г. Ф. Благовой). — Вопр. языкознания. М., 1972, № 3.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Карачаевцы. Черкесск, 1978.

Ковалевская В. Б. Конь и всадник. М., 1977.

Кумахова З. Ю. Термины коневодства в адыгских языках. — Ежегодник пберийско-кавказского языкознания. Тбилиси, 1975, т. II.

Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (гласные). М., 1974.

Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. М., 1978.

Сстаров Л. С. Тюркизмы в русской коневодческой терминологии. — Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1975.

Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.

Темирова Р. Х. Об адыгских лексических заимствованиях в карачаево-балкарском языке. — Вопросы взаимовлияния и взаимообогащения языков. Черкесск, 1978.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних и диких животных в славянских языках. М., 1960.

Убрятова Е. И. К этимологии слова айгыр (жерсец). — Вопросы тюркологии. Ташкент, 1965.

Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1971.

Хабичев М. А. Венгеризмы в карачаево-балкарском языке. — Вопросы сопоставительного изучения языков народов Карачаево-Черкесии, 1978.

Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.

Щербак А. М. Название домашних и диких животных в тюркских языках. — В кн.: Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

НАЗВАНИЯ БОЛЕЗНЕЙ ЖИВОТНЫХ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Забота о здоровье скота всегда считалась одной из первых обязанностей животноводов. Среди них были лекари, опыт и знания которых высоко ценились в народе и передавались из поколения в поколение. Для того, чтобы осмотреть, обработать рану животного или влить ему в рот лекарство, требовалась физическая сила, поэтому большинство лекарей были мужчинами. Кроме того, в летнее время только мужчины находились на пастбище, где редко приходилось рассчитывать на чью-либо помощь. Каждый хороший скотовод должен был уметь вправлять вывихи, перевязывать переломы, определять исход заболевания, а некоторые болезни излечивать.

Древним скотоводам были известны причины многих заболеваний. Различая болезни, присущие определенному виду скота, и, зная, какими из них скот может заразиться в данное время года, животновод предпринимал самые необходимые санитарные меры, чтобы уменьшить опасность заражения всего стада. Тем не менее, болезни уносили большое количество скота. Особенно страшны были эпидемические заболевания, перед которыми лекарь-самоучка был бессильным. «Борьба с эпизоотиями началась лишь в конце XIX века, когда стали создаваться карантинные заставы и ветеринарные пункты» (Карачаевцы, 1978 : 68).

Для обозначения эпидемических заболеваний в карачаево-балкарском языке имеются специальные термины, отдельные же болезни передаются в основном описательно.

Некоторые недуги поражают только определенный вид скота

и в определенное время года. Подразделяются они также на внешние (открытые) и внутренние (закрытые). Термины, обозначающие эти болезни, можно классифицировать соответственно (Абаев, 1958 : 2)¹.

Понятия «лечение» и «уход» обозначаются словом *багъыу* — от древнетюркского *vag* «внимательно смотреть», «обозревать», «разгадывать» (ДТС, 91).

I. **Силегей** «ящур». Подобные названия эпидемических болезней отражают характер течения заболевания. Слово *силегей* первоначально имело значение «слюна». Обозначаемое им заболевание сопровождается сильным слюновыделением. У Х. И. Суюнчева приведен ряд примеров из нескольких тюркских и монгольских языков, в которых в значение слова *силегей* входит понятие «слюна» и «ящур» (Суюнчев, 1977 : 36). У М. А. Хабичева *силегей* от як. *сил* «слюна» (Хабичев, 1974 : 48).

Термин *силегей* имеет два синонима, которые описательно передают другие две разновидности ящура: *тил ауруу* и *аякъ ауруу*.

Аякъ ауруу «ящур» (досл. болезнь ног). Вид ящура, который в первую очередь поражает ноги скота.

Тил ауруу «ящур» (досл. болезнь языка). Вид ящура, начинающегося с поражения полости рта и опухания языка.

Несмотря на то, что доминирующим среди этих трех терминов является *силегей*, остальные два, также часто употребляются и отражают разные признаки заболевания.

Кичиу «чесотка». Термины, образованные от глагольных основ, довольно часто обретают форму имени действия. *Кичиу* им. действия от глагола *кичи* — «чесаться», образованный с помощью афф. *-у*.

Сирке «лишай». В исследуемом языке это же слово означает «гнида». Термин *сирке* «лишай» образован путем переосмысления: первоначальное значение — «гнида» восходит к *сир* «бледный», «белый» (Хабичев, 1974 : 57).

Ёлет «эпидемия», «повальная болезнь», «мор». Термин является отглагольным существительным, образовавшимся от глагола *ёл* — «умирать», где аффикс *-ет* придает значение собира-

¹ Для удобства термины рассматриваются в следующей последовательности: I. Названия эпидемических заболеваний. II. Названия болезней мелкого рогатого скота. III. Названия болезней крупного рогатого скота. IV. Названия болезней однокопытных животных. V. Названия болезней, характерных для весеннего и осеннего времени года. VI. Названия летних болезней. VII. Названия зимних болезней. VIII. Названия общих болезней. Термины классифицированы соответственно классификации болезней, принятой самими скотоводами.

гельности, совместности (Хабичев, 1974 : 139). Слово имеет также значение «смерть» ср.: *ёлет кирсин юйюнге* (досл. чтобы смерть вошла в твой дом). Последнее значение встречается в некоторых современных и древних тюркских языках (Хабичев, 1974 : 139).

II. **Гула** «энцефалит». Это слово употребляется еще в значении «глупый», «полоумный», «дуралей» (ср. осетинское *гæла* «глупый», «полоумный»). В. И. Абаев пишет, что на звуковой облик осетинского слова могла повлиять контаминация с тюрк. *ала* «глупый» (Абаев, 1958 : 534).

Сылхыр «вертячка», «ценнуроз». По отношению к людям употребляется во втором своем значении «глухой», «помешанный», «дурак», являясь синонимом слова *гула*.

III. **Аузутолгъан** «актиномикоз» (досл. *аууз* «рот» + причастие на *-гъан* от глагола *тол* — «наполняться»), термин обозначает пораженное место животного (*аууз*) и характер болезни, сопровождающейся опуханием языка, что и подразумевается в слове *толгъан* «наполняться»: имеется ввиду «наполнение» рта опухшим языком.

Ючжукка «атрофия одной молочной цистерны» (коровы). Термин состоит из двух корней *юч* «три» и *жукка* «сосок» (досл., три соска или трехсосковая (корова).

Ташжелин «мастит» (воспаление вымени). Термин образован путем сложения двух корней: *таш* «камень» + *желин* «вымя» (досл., твердая, как камень, вымя).

Къан ауруу «бруцеллёз». В том же значении употребляется термин *къаны бузулгъан*. Первый термин состоит из сочетания двух слов (*къан* «кровь» и *ауруу* «болезнь»). Второй термин тоже образован сочетанием слова *къан(ы)* и причастия на *-гъан* от глагола *бузул* — «портиться». В рассматриваемых двух терминах в качестве первого компонента выступает слово *къан* «кровь» — объект, а вторыми компонентами служат *ауруу* и *бузулгъан*. Первое словосочетание является более устойчивым, форма именительного падежа не допускает замены второго компонента *ауруу*, тогда как во втором случае форма родительного падежа допускает замену второго компонента *бузулгъан* другим причастием на *-гъан*, *-нген* от слова *тюрлен* «изменяться» (*къаны тюрленнген*).

Конечно, в таких случаях доминирующим в языке является более устойчивый и лаконичный вариант термина.

В последние годы, правда, активно соперничает с уже известными вошедший через русский язык термин *бруцеллёз*.

IV. **Сакъау** «цань». Слово имеется также в некоторых дру-

гих тюркских языках в значении «болезни лошадей» (ср. тат. *сакау* «мыт», кумык. *сакъав* «сап», казах. *сакау* «опухоль под горлом у жеребенка». Ср. также абаз. *сакъау* «сап»; «болезненный», кабард. *сакъау* || *сэкъау* «мыт» (Шаги́ров, 1975:59). А. К. Шаги́ров отмечает, что это слово тюркское (1975 : 59). Но сравните: араб. «дефектный», «негодный», «брак», который употребляется в значении «больной», «болезненный», «инвалид» в к.-балк., кабард., абх., абаз. языках.

Слово *сакъау* в названных языках употребляется в рамках значения «болезнь лошадей» («сап», «мыт», «цап»), что объясняется неточностью в установлении диагноза и определении однородных болезней.

По отношению к человеку *сакъау* обозначает «косноязычный», «заика».

Талау «сап». В некоторых тюркских языках употребляется в значении «чума рогатого скота», «злокачественная опухоль», а также род болезни (у лошадей) (Шаги́ров, 1977 : 68). А. К. Шаги́ров пишет, что кабард. *талоу* || *тэлау* «холера» заимствовано из тюркских языков (1977 : 68).

Слово *талау* в исследуемом языке часто употребляется в сочетании с *ат* (*ат талау*) в значении «болезнь лошадей» (ср.: абх., абаз. *а-талау* «холера», так что вполне допустимо заимствование абаз. *а-талау* «холера», непосредственно из карачаево-балкарского, в котором оно образовано от глагольной основы *тала* — «обдирать», «рвать», «сильно беспокоить», «болеть» с помощью аффикса *-у*.

В словаре Махмуда Кашгарского употребляется форма *талау* и в значении «резкие боли в животе» (ДТС, 528). Последнее значение сохранилось в проклятье: *талау къарнынга (быдырынга)* (досл. *талау* «колики», *къарын* «живот»), «чтобы ты сильно помучился».

Манкъа «мыт». В некоторых языках в значении «мыт» употребляется слово *сакъау* (ср.: тат. *сака*, *сакау* «мыт»; каб. *сэкъау* «мыт» (Шаги́ров, 1977 : 59). Как уже отмечалось, болезни лошадей, особенно сап, мыт, цап часто путали и вместо одной болезни называли другую, что отразилось в заимствованиях.

Исходя из характера болезни, которая сопровождается воспалением слизистой оболочки носа и глотки, кумык. *манкъа* «гносавый» сближается с другим значением этого слова «болезнь горла», что совмещает «мыт». Допустимо также, что слово *сакъау* обозначало вначале болезнь горла у человека, а изменение его значения можно отнести за счет того обстоятельства, что этими инфекционными заболеваниями страдают, кроме

лошадей, все однокопытные (ослы, мулы).

Бурун сюеги тургъан «энфизема легких» (при быстрых аллюрах). Термин состоит из устойчивого сочетания — *бурун сюек* «носовая кость (досл. *бурун* «нос», *сюек* «кость») и причастия на *-гъан* от тур-«вставать», «подниматься»; «расширяться» (досл. «расширение ноздрей»).

V. К осенним и весенним относятся в основном болезни, связанные с перегоном скота, с изменением погодных условий, с истощением в весеннее время.

Ёпке ауруу «бронхопневмония» (досл. «болезнь легких»). В подобных терминах первым компонентом выступает название пораженного органа, а вторым — слово *ауруу* «болезнь».

Поскольку потребность в новых наименованиях не удовлетворяется созданием новых слов-терминов, используются уже существующие в языке общепотребительные слова, ставшие терминами в результате семантического переосмысления или приспособления общелитературного слова «в качестве общей идеи» для слова-термина, который затем конкретизируется, уточняется в соответствии с содержанием нового понятия (Даниленко, 1977 : 24—25).

Талакъ ауруу «сибирская язва» (досл. «болезнь селезенки») (Хаджилаев, 1970 : 70—82).

Жюрек ауруу «сердечная недостаточность» (досл. «болезнь сердца»).

Туякъ ауруу «копытная гниль» (досл. «болезнь копыт»).

Ташсынган «воспаление копыт от ударов о камни» (во время длительных перегонов по каменистым дорогам). Термин образован сложением именной основы *таш* «камень» + причастия на *-гъан* от глагольной основы *сын*-«ломаться».

VI. **Къусхан ауруу «рвота»** — отравление ядовитыми травами. Термин образовался в результате сочетания причастия на *-гъан*||-хан от глагола *къус*-«рвать», «сжечь» + имя сущ. *ауруу* «болезнь».

Чынкъул || чынкъыл «понос (у животных)». Синонимом термина *чынкъул* выступает *инчке ауруу* (досл. *инчке* «тонкий», *ауруу* «болезнь»). *Чынкъыл* образован сложением двух корней *чын* (ср.: др. тюрк. *чинг* «влажный») и *къул*||*къыл* «волос» (*чын-къыл* досл. «влажный волос»). Из значений компонентов *чынкъыл* и *инчке ауруу* явствует, что оба термина характеризуют признаки заболевания.

VII. Зимой у животных, как известно, развиваются воспалительные процессы, объясняющиеся малой подвижностью, недостаточным питанием и уходом.

Жел ауруу «ревматизм» (досл. *жел* «ветер», «холод», *ауруу* «болезнь»). Если в рассмотренных выше подобных конструкциях первый компонент обозначал пораженный орган, то в этом случае *жел* указывает на причину заболевания.

Химилкёз «простуда век, глаз» (досл. *химил* «гниой», *кёз* «глаз»).

Тюйюнмек «заворот кишок». Термин образован от *тюйюн* «узел», с помощью афф. *-мек*. Х. И. Суюнчев сопоставляет его с монг. *тююцэе*, *неююнек* «вздутие живота» (животных) и отмечает сохранение *й* между двумя гласными *ю*, тогда как в монг. он выпал и образовался долгий гласный *юю* (Суюнчев, 1977 : 36).

Чанчхы «колики». Термин образован от глагола *чанч* «колоть», «втыкать» с помощью афф. *-хы*.

VIII. Телче «рана», «нагноение». В некоторых языках употребляется в значении «проказа», «рак» (Хабичев, 1974 : 62). М. А. Хабичев объясняет, что слово *телче* образовано от глагола *тил* «резать кожу на полосы» с помощью афф. *-че* (Хабичев, 1974 : 162).

Жауур «ссадина», «пролежни», «рана на спине лошади, осла и мула от седла». Х. И. Суюнчев, сопоставляя к.-балк. *жауур* с п.-монг. *дагъари*, х.-монг., б.-монг. *даари*, *дайр*, о.-монг. *дээр*, отмечает, что карачаево-балкарское *жауур* и монгольское *дагъари*, *даари*, *дайр* — одного происхождения (Суюнчев, 1977 : 36).

Кёпген «опухоль». Термин образовался субстантивацией причастия на *-гъан* от основы глагола *кёп* «надуваться».

Къутургъан ауруу «бешенство». От основы глагола *къутур* «беситься» с афф. *-гъан*.

Къурушхан «паралич». Образовано субстантивацией причастия на *-хан* от основы глагола *къуруш* «окоченеть».

Кюйген «ожог». Причастие на *-гъан||-ген* от глагола *кюй* «гореть».

Чыкъгъан «вывих». Причастие на *-гъан* от глагола *чыкъ* «выходить».

Как видно из приведенных примеров, причастия на *-гъан* могут самостоятельно выступать в роли терминов при обозначении травм, даже не имея скрытого компонента.

В случаях, когда причастие на *-гъан* употребляется в термине в качестве второго компонента, первым выступает название места поражения в форме родительного надежа, а причастие может иметь форму возвратного залога.

Туягъы ёсген «обрастание копыта» (досл. *туякъ* «копыто», *ёс* «расти»).

Сингири тартхан (*созулган*) «растяжение сухожилий» (досл. *сингир* «сухожилие», *тарт-(соз-)* «растягивать»).

Туягы жарылган «трещина копытного рога» (досл. *туяк* «копыто», *жарыл* «трескаться»).

Эмчеги ириленген «гнойно-катаральный мастит» (досл. *эмчек* «сосок», *ирин* «гной»).

Объект может выражаться сложным или составным термином.

Туяк ортасы ириленген «гнойное воспаление межкопытцовой железы» (у парнокопытных). Чем больше компонентов, тем точнее называется место поражения органа (досл. *туяк* «копыто», *орта* «середина», «между», *ирин* «гной»).

Второй компонент, возвратный залог причастия от имен на *-ган*, может заменяться составной формой (*ирин этген*, *кзурт этген*).

Жетел «кашель». Термин образован от др. тюрк. *ётя* «кашлять» с помощью афф. -л (Хабичев, 1974 : 177).

Бууала «удушьё», «асфиксия». Термин — сложный. Первый корень *буу* «душить»; вторая часть выражена деепричастием от ил-«брать».

Амангиш «дурной зуб» (досл. *аман* «плохой», *тиш* «зуб»).

Къансиер «уретранефроз» — воспаление почек. Термин образован сочетанием имени существительного *къан* «кровь» + прич. буд. вр. на *-ар* от глагола *сий* «мочиться».

Бутунсюек «кохексия» — сильное истощение. Термин образован сочетанием имени существительного *бутун*, представляющего собой форму 3-го л. ед. числа слова *бут* «нога» + имя сущ. *сюек* «кость».

Сагынчакъ «растяжение сухожилий лодыжки». Видимо слово потеряло основное значение «лодыжка» (ср. кар. *согъанчык* «лодыжка»).

Габох || гебох «эмкар» — эмзимотозный карбункул.

Догъура «опухоль», «новообразование». А. М. Хабичев пишет, что слово имеет огузское фонетическое оформление и образовано от *тукъ-кзур*, *дукъкзур* «большая шишка» (Хабичев, 1974 : 111), что восходит к *догъ* «рождаться», «появляться» др. тюрк. *тогъ* «родиться», «появляться» (Хабичев, 1974:185).

Гуммос || губуз «бородавка». Образование и этимология этого термина неясны.

Къотур «короста». Термин образован от *къот-* || *къоз-* «портиться», «рождаться» с помощью афф. *-ур*. (Хабичев, 1974 : 185).

Бокъур «зоб». Термин образовался от др. тюрк. *бокъ-* || *богъ-* «душить» с помощью афф. *-ур*. (Хабичев, 1974 : 185).

Сокъур «слепой». От глагольной основы «*сокъ-*«ударить», «бить» с помощью афф. *-ур* (Хабичев, 1974 : 185).

Чыгыр «парша», «плешь». От *чыг-* || *чыкъ-* «расти», «выходить» (Хабичев, 1974 : 185).

Бытуют еще два названия болезней: **кёз тийген** «сглаз» (досл. *кёз* «глаз», *тийген* причастие на *-ген* от глагола *тий-* «трогать», «коснуться») и **кюн ётген** «солнечный удар» (досл. *кюн* «солнце», *ётген* — причастие на *-ген* от *ёт-* «проникать»).

Названия болезней по своему составу делятся на:

1. Простые: *силегей* «ящур»; *телче* «рана», «нагноение»; *гебох* «эмкар»; *сылхыр* «вертячка»; *сакъау* «цапь»; *манкъа* «мыт»; *гула* «энцефалит»; *губуз* «бородавка». Правда, как уже говорилось, при рассматривании отдельных терминов, некоторые из перечисленных наименований исторически являются производными. К ним можно отнести термины, образованные с помощью афф. *-ур* || *-ыр*, восходящих к *-къар*, *-ар*, *-хар* (Хабичев, 1974 : 182); *къотур* «короста»; *бокъур* «зоб»; *сокъур* «слепой»; *чыгыр* «парша»; «плешь»; *сотур* «струп», «шелудн».

2. Выраженные формой имени действия: *талау* «сап», *кичуу* «чесотка».

3. Выраженные самостоятельно выступающими причастиями: *чыкъгъган* «вывих», *кёпген* «опухоль», *сынган* «перелом», *кзутургъган* «бешенство», *кзурушхан* «паралич».

4. Сложные *амантиш* «дурной зуб», *къансиер* «уротренифроз»; *химилкёз* «простуда век, глаз»; *ташсынган* «воспаление копыт».

5. Составные: *тамакъ ауруу* «сибирская язва», *ёпке ауруу* «бронхопневмония», *кёз тийген* «сглаз», *туякъ ауруу* «копытная гниль», *жел ауруу* «ревматизм», *туягъы ёсген* «обрастание копыта», *сингири тартхон* «растяжение сухожилий», *туякъ ортасы иринленген* гнойное воспаление межкопытцевой железы» и т. д.

Как видно, наиболее активными в образовании названий болезней являются формы глагольных основ: причастия, реже — деепричастия, имена действия, отыменные образования. В основном все термины образованы на основе тюркских корней. Некоторые образованы переосмыслением первичных значений, сохранившихся в фразеологизмах и устойчивых сочетаниях, связанных с данным термином.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, II, III т., М.—Л., 1958.
- Абасев В. И. Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев. — Язык и мышление, т. I, Л., 1933.
- Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976.
- Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
- Древнетюркский словарь. Л., 1969.
- Карачаевцы. Черкесск, 1978.
- Суюнчев Х. И. Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.
- Хабичев М. А. Карачаево-балкарское именное словообразование. Черкесск, 1974.
- Хаджилаев Х.-М. И. Очерки карачаево-балкарской лексикологии. Черкесск, 1970.
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков, I, II т., М., 1977.

О СПЕЦИФИКЕ ТОЛКОВОГО СЛОВАРЯ СОВРЕМЕННОГО КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Трехтомный «Толковый словарь современного карачаево-балкарского языка» (ТССКБЯ), составляемый сектором балкарского языка Кабардино-Балкарского Института истории, филологии и экономики, отличается от аналогичных словарей других тюркских языков некоторыми особенностями, которые касаются как отбора слов, так и подачи их в словарной статье.

1.

В словник толковых словарей некоторых тюркских языков включены как самостоятельные слова буквенные сокращения (типа узб. *СССР, КПСС, ЦК, ВЦСПС*; азерб. *ССРИ «СССР»*; тат. *БМО «ООН», УК «ЦК», КПСС, ТАССР, ВЛКСМ*; туркм. *МК «ЦК», МТС, ТАСС*), частицы, с помощью которых образуется превосходная степень прилагательных (типа тат. *ап-, кап-*; кирг. *жап-, мун-*; башк. *кып-, тап-*), составные части сложных слов, а также продуктивные приставки (типа тат. *авто-, био-, гео-, би-, гомум-, -бикэ, -намэ*; туркм. *би-, нэ-, анти-, радио-*; азерб. *агро-, электро-, -хана, -шунас, -охшар*; узб. *авиа-, авто-, но-, бе-, сер-*; кирг. *бей-, на-*). Включая эти лексические единицы в толковые словари, лексикографы-тюркологи ориентировались на тюркско-русские словари, а составители последних — на русские толковые словари, в которые внесены отдельными статьями приставки, заимствованные части слов и буквенные сокращения, имеющие «...важное общественно-политическое значение...» (Инструкция ССРЛЯ, 1958 : 15). Однако в Семнадцатитомном словаре современного русского литературного языка,

которым руководствовались и руководствуются составители последующих русских и тюркских толковых словарей при включении названных категорий слов в словник, наблюдается непоследовательность такого рода, как, например, включение аббревиатур *ЦК*, *КПСС* и невключение имеющих такое же общественно-политическое значение аббревиатур *ВЛКСМ*, *СССР*. В этот же словарь вошли и аббревиатуры, «широко употребительные в письменной и устной речи...» (ССРЛЯ, 1948 : 7). Но и здесь имеются просчеты в последовательности и систематичности отражения данной лексики. Например, в словаре есть *Гэс* и *Грэс*, но нет *Тэц*, есть *Ил*, нет *Миг*, есть *ВЧК*, но нет *РККА*, есть *ВЦИК*, но нет *ЦИК* и т. п. (Гяч, Павлов, 1975:150).

Аббревиатуры в тюркских языках — редкое явление. Инициальных аббревиатур, созданных по подобию русских сокращений, в тюркских языках единицы. К тому же они относятся к разряду собственных имен, которые не являются объектом лексикографирования в общих словарях. Исходя из этого, мы не включали эти лексические единицы в словник ТССКБЯ.

Поскольку частицы, составные части сложных слов и приставки, приведенные выше, не имеют самостоятельного употребления, они тоже оставлены за пределами словника данного словаря.

2.

Все словарные единицы и их значения переводятся на русский язык. Преимущество толкового словаря с элементами перевода над другими толковыми словарями заключается, во-первых, в том, что такой словарь совмещает два типа словаря: тюркско-русский и толковый. Во-вторых, перевод лексем и их значений позволяет пользоваться словарем не только карачаевцам и балкарцам, но и специалистам по другим языкам.

Обусловленные значения многозначных слов в толковых словарях тюркских языков даются как и ведущие их значения. В отличие от них, в ТССКБЯ слово, в сочетании с которым та или иная лексическая единица приобретает обусловленное значение, заключается в круглые скобки. Если таких слов несколько, они все заключаются в скобки, если же их очень много, то приводится только два-три из них для демонстрации типичного лексического окружения, от которого зависит обусловленное значение слова. Такой принцип подачи обусловленных значений слова рекомендуется А. А. Юлдашевым, который совершенно справедливо предлагает ставить еще и двоеточие после цифры, обо-

значающей порядковый номер значения слова для указания на его зависимость от контекста (1972 : 388—389).

Вот пример подачи обусловленных значений слова *чыкъ* «выходить, выйти» в ТССКБЯ. ЧЫКЪ 3. (*Нартюх, будай, ур-лукъ*) *чыкъды* «взойти, дать всходы (о семенах)». 4. (*Тиш*) *чыкъды* «прорезаться (о зубах)». 5. (*Бала*) *чыкъды* «вылупиться (о птенцах)». 6. (*Буту, кӱолу д.а.к.*) *чыкъды* «вывихнуться». 7. (*Таугъа, сыртха, тӕшге д.а.к.*) *чыкъ* «подняться (в гору, на возвышенность, бугор и т. п.)». 8. (*Таууш, дауур д.а.к.*) *чыкъды* «послышаться, раздаться (о звуке, шуме и т. д.)» и т. п.

Как и в других тюркских языках, в современном карачаево-балкарском языке имеются слова, которые могут быть отнесены одновременно к нескольким частям речи. Например, некоторые — к прилагательным и наречиям (*женгил* «легкий, быстро»), другие — к прилагательным и существительным (*кӱарт* «старый, старик») и т. д.

Вопрос о том, какой принцип целесообразен при лексикографической разработке таких слов, является спорным в общетеоретическом плане.

Карачаево-балкарские лексикографы исходят из того, что слова типа *кӱарт* «старый» и *кӱарт* «старик», *сууукъ* «холодный» и *сууукъ* «холод», *кӕк* «зеленый» и *кӕк* «зелень», *женгил* «легкий» и *женгил* «быстро», *иги* «хороший» и *иги* «хорошо» и т. п. являются омонимами, которые даются в Словаре отдельными словарными статьями и обозначаются римскими цифрами.

Большое количество существительных в позиции определения выполняют роль прилагательных, например: *кӱмӱш жюзюк* «серебряное кольцо», *темир кюрек* «железная лопата» и др. «Здесь трудно говорить о нарушении тождества слова, о его распаде на омонимы... Здесь слово выполняет роль другой части речи как бы по совместительству» (Юлдашев, 1972 : 284). Указанный признак настолько характерен и важен для тюркских языков, что некоторые лексикографы считают невозможным не учитывать этого при составлении словаря, однако придерживаются разных принципов подачи значений существительных рассматриваемого типа (Руководство, 1966 : § 46; СУЯ, 1970 : §§ 25, 26). Что же касается составителей ТССКБЯ, то словарные статьи лексических единиц рассматриваемого типа они строят по следующей модели:

КЪАГЪЫТ 1. Бумага. 2.: Бумажный...

ЖӱОН 1. Шерсть. 2.: Шерстяной...

Обычно считают, что в позиции определения в роли прилагательного может выступать любое существительное. Однако это

мнение ошибочно: как прилагательное в данной позиции осмысливаются лишь некоторые существительные.

Сравним примеры: 1) *жюн жаурукъ* «шерстяной платок», *агъач чюй* «деревянный гвоздь», *баш борч* «главная задача», *орус тил* «русский язык» и 2) *терек бутагъы* «ветка дерева», *иколну директору* «директор школы», *жумуртха къабукъ* «скорлупа яйца», *къой аякъ* «ножка овцы» и т. п.

Первые компоненты словосочетаний первого ряда осмысливаются как прилагательные, чего нельзя сказать о первых компонентах второго ряда словосочетаний.

В первом случае рассматриваемые существительные переводятся на русский язык как прилагательные, в составе предложения они вместе с определяемыми словами образуют конструкции, представляющие собою первый тип изафета. В этом заключается формальное отличие словосочетаний первого ряда от словосочетаний второго ряда.

Но главное не в формальном признаке, а в семаснологических отношениях слов. Например, сочетания слов *терек бутагъ* «ветка дерева», *стол аягъы* «ножка стола» с формальной точки зрения ничем не отличаются от *юй ал* «двор», *суу бойну* «берег», *юй тюп* «пол», *юй баш* «крыша», *суу жагъа* «берег», *жаз башы* «весна» и т. д. Несмотря на это, перечисленные сочетания слов (в отличие от *терек бутагъ* и *стол аягъы*) в современном языке приняли характер лексической устойчивости.

Как и конвертированное в прилагательное имя существительное с определяемым словом (*жюн халы* «шерстяные нитки»), двухкомпонентные сложные слова типа *таш макъа* «черепаха», *бал туз* «сахар» формально представляют собой первый тип изафета.

С этой точки зрения ничем не отличаются, например, и словосочетания типа *тау этек* «подножие горы» и *бал туз* «сахар». Но в первом случае слово *этек* благодаря сочетанию со словом *тау* приобретает, как отмечалось выше, обусловленное значение. Что же касается второго примера, то здесь налицо сложное слово.

Составители ТССКБЯ строят свою работу с учетом всех этих моментов и в каждом конкретном случае руководствуются разными техническими приемами лексикографирования.

В толковых словарях некоторых тюркских языков служебный глагол обычно не выделяется в самостоятельную словарную статью. Лексикографы рекомендуют расписывать служебное значение глагола за соответствующей цифрой как одно из значений полноценного глагола. Иначе говоря, лексические и

служебные значения слова ими описываются в одном ряду, что является серьезным недостатком, так как эти значения существенно отличаются друг от друга.

Учитывая это, карачаево-балкарские лексикографы используют имеющийся опыт дифференцированного лексикографирования служебного значения слова.

В тех случаях, когда глагол, употребляющийся в служебном значении, не имеет ничего общего с полноценным глаголом, от которого он образовался, служебный и самостоятельный глаголы рассматриваются как омонимы.

В тех же случаях, когда полноценный и образованный от него служебный глагол не могут быть рассмотрены как омонимические слова, они разрабатываются в одной словарной статье, причем лексические значения и служебные функции слова описываются раздельно. Сначала разрабатываются лексические, затем служебные значения слова, которые отделяются от первых одной вертикальной черточкой (|). Например:

КЕР I. Видеть, увидеть. | Сочетаясь с деепричастием на *-п*, выступает в роли вспомогательного глагола с семантикой пробы.

КЕР II. Оказывается. Модально-вспомогательный глагол, употребляемый лишь в форме 1-го л. ед. ч.

Вопрос о способах подачи в словарях так называемых служебных имен также является спорным. В карачаево-балкарском языке к таким именам относятся слова *ал* «перед, передняя часть чего-либо», *ара* «промежуток, середина», *жан(ы)* «бок, боковая сторона, место около чего-либо», *ич* «внутренняя часть чего-либо, нутро», *юс* «верх, верхняя часть чего-либо» и др.

Существует мнение, что такие имена, употребляемые в качестве второго компонента изафетной конструкции, теряют свое лексическое значение и, как и послелогои, выражают определенные пространственные отношения. Исходя из этого, лексикографы дают служебные имена в словарях самостоятельными статьями.

Любое служебное имя может выступать в послеложной функции в нескольких формах, например, слово *ич* употребляется в формах *ичине*, *ичинден*. Каждая из этих падежных форм обычно дается в самостоятельной статье.

Авторы ТССКБЯ считают, что слова данной категории нельзя отождествлять с послелогоми и другими собственно служебными словами, а стало быть, рассматривать их как омонимы к знаменательным словам.

Анализ фактов показывает, что такие слова в подавляющем

большинстве случаев в составе изафетного словосочетания сохраняют свое лексическое значение (1). Служебные имена лишь в исключительных случаях могут быть отнесены к послелогам (2). В карачаево-балкарском языке встречаются словосочетания (вторым, т. е. ведущим, компонентом их является служебное имя), выступающие в роли сложных слов, например: *юй аллы* «двор», *жаз баши* «весна», *жастыкъ тыш* «наволочка» (3).

При составлении толкового словаря мы учитываем эти три момента, рассматривая служебные слова в качестве отдельного разряда имен существительных. Одна из их особенностей заключается в том, что они почти всегда употребляются с притяжательными аффиксами, что также должно быть отражено в словаре.

Вот пример принятого нами приема лексикографической разработки служебных имен: ИЧ (-им, -инг, -и). 1. Нутро.

а) Без притяжательного аффикса обычно не употребляется.

б) В дательном, творительном и предложном падежах служит вторым компонентом словосочетания; соответствует русским предлогам «в», «из»: *дорбун ичине* «в пещеру», *дорбун ичинде* «в пещере», *дорбун ичинден* «из пещеры».

2. (*Къойну, эчкини д.а.к.*) *ичи* «внутренности (овцы, козы и т. п.)».

3. (*Юйню, дорбунну, сууну д.а.к.*) *ичи* «внутренняя часть (дома, пещеры, воды и т. п.)».

4. (*Хычынны, бёрекни д.а.к.*) *ичи* «начинка».

5. (*Пальтону, костюмну д.а.к.*) *ичи* «подкладка (пальто, костюма и т. п.)».

6.: «Внутренний».

◆ *Ичим (-инг, -и) кюеди* «сильно переживать».

◆ *Ич кёлек* «нательная рубашка».

◆ *Ич сёз* «секрет, тайна».

Формы косвенных падежей некоторых служебных имен лексикализуются и в современном языке употребляются в роли наречий, например: *артха* «назад», *артда* «потом», *алда* «вперед» и т. п.

В отличие от толковых словарей ряда тюркских языков, в ТССКБЯ такие наречия даются не в статье служебного имени, от которого они образовались, а располагаются по алфавиту, составляя самостоятельную словарную статью.

Сложные слова, составные термины и фразеологические единицы тюркские лексикографы обычно размещают внутри словарной статьи. Получается, что эти лексические единицы приводятся в словаре столько раз, сколько слов в их составе. Однако

дублирование сотен, а часто и тысяч словосочетаний, как совершенно правильно считает В. П. Берков, является «недопустимой роскошью» (1973:165).

Учитывая это, составители ТССКБЯ все составные единицы дают в конце словарной статьи первого их компонента в строго алфавитном порядке за знаком ромба с красной строки.

В том случае, когда в одной словарной статье приходится помещать несколько составных единиц, они располагаются в строго алфавитном порядке, независимо от того, к какому из значений вокабулы относятся. Алфавитный порядок расположения соблюдается и в том случае, когда такие единицы не относятся ни к одному из значений вокабулы.

Во многих языках, в том числе и тюркских, имеются слова, которые употребляются только в определенном выражении. Такие слова в толковых словарях русского и тюркских языков обычно даются как заглавные, после них ставится двоеточие, приводится выражение, в котором находится данное слово, и дается толкование этого выражения, ср.: рус. БАКЛУШИ: *бить баклуши*, узб. ЧУМАК: *чумак урди* «начинать краснеть», кирг. ААРЧЫ: *бет аарчы* «носовой платок», тат. АСРАУЧЫ-ЛЫК: *мал* (хайван) *асраучылык* «животноводство», башк. КЪАБУЛ: *къабул итеу* «принимать, одобрять», каз. БАДЫ-РАКЪ: *бадыракъ кёз* «пучеглазый, большеглазый». Слова *баклуши*, *чумак*, *аарчы*, *асраучылык*, *къабул*, *бадыракъ* не обладают самостоятельным лексическим значением, поэтому их нельзя помещать в словаре как самостоятельные лексические единицы. Они должны быть приведены в сочетании с теми словами, без которых не употребляются, и сочетания эти нужно оформить как устойчивые. Этому принципа придерживаются, например, составители ТССКБЯ. Ср.: ◆ *Къабыл эт* «принимать, одобрять», ◆ *Мени сартын* «по-моему, на мой взгляд», ◆ *Бир ауукъда* «в одно время (неопределенное)» и т. д.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Изд. ЛГУ, 1973.
- Гяч Н. В., Павлов В. М. Некоторые вопросы лексикографического отображения аббревиатур. — Современная русская лексикография. Л., 1975.
- Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15-ти томах). М.—Л., 1958.
- Руководство для составления «Толкового словаря современного башкирского языка» (на башкирском языке). Уфа, 1966.
- Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах). т. I, А—Б. М.—Л., 1948.
- Словарь узбекского языка. Макет. Ташкент, 1970.
- Толковый словарь современного карачаево-балкарского языка. Рукопись.
- Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

К ПРОБЛЕМЕ СЛОВНИКА ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

От того, насколько целесообразно составлен словник, в значительной степени зависит качество всего словаря. Поэтому составлению словника должно быть уделено самое серьезное внимание.

Многие вопросы словника толковых словарей современных тюркских языков были и по сей день продолжают оставаться спорными. В данной статье мы хотим высказать свои соображения о том, какие лексические единицы не следует включать в толковые словари тюркских языков в качестве самостоятельных вокабул.

В словник толковых словарей некоторых тюркских языков включены как самостоятельные слова буквенные сокращения (типа узб. *СССР, КПСС, ЦК, ВЦСПС*; азерб. *ССРИ «СССР»*; тат. *БМО «ООН», УК «ЦК», КПСС, ТАССР, ВЛКСМ*; туркм. *МК «ЦК», МТС, ТАСС*), частицы, с помощью которых образуются превосходная степень прилагательных (типа тат. *ап-, кап-*; кирг. *жал-, мун-*; башк. *кзып-, тап-*), составные части сложных слов, а также продуктивные приставки (типа тат. *авто-, био-, гео-, би-, гомум-, -бикэ, -намэ*; туркм. *би-, нэ-, анти-, радио-*; азерб. *агро-, электро-, хана, -шунас, -охшар*; узб. *авиа-, авто-, мо-, бе-, ба-, сер-*; кирг. *бей-, на-*). Включая эти лексические единицы в толковые словари, лексикографы-тюркологи ориентировались на тюркско-русские словари, а составители последних — на русские толковые словари, в которые внесены отдельными статьями приставки, заимствованные части слов и буквенные сокращения, имеющие «...важное общественно-политическое значение...» (Инструкция ССРЛЯ, 1958 : 15). Однако в

Семнадцатитомном словаре современного русского литературного языка, которым руководствовались и руководствуются составители последующих русских и тюркских толковых словарей при включении названных категорий слов в словник, наблюдается непоследовательность такого рода, как, например, включение аббревиатур *ЦК, КПСС* и исключение имеющих такое же общественно-политическое значение аббревиатур *ВЛКСМ, СССР*. В этот же словарь вошли и аббревиатуры, «широко употребительные в письменной и устной речи...» (ССРЛЯ, 1948:7). Но и здесь имеются просчеты в отношении последовательности и систематичности отражения данной лексики. Например, в словаре представлены *Гэс* и *Грэс*, но нет *Тэц*, есть *Ил*, но нет *Миг*, есть *ВЧК*, но нет *РККА*, есть *ВЦИК*, но нет *ЦИК* и т. п. (Гяч, Павлов, 1975 : 150).

Аббревиатуры в тюркских языках — редкое явление. Инициальных аббревиатур, созданных по подобию русских сокращений, в тюркских языках единицы. К тому же они относятся к разряду собственных имен, которые не являются объектом лексикографирования в общих словарях. Исходя из этого, думается, что нет никакой необходимости включения их в толковые словари тюркских языков.

Поскольку частицы, составные части сложных слов и приставки, приведенные выше, не имеют самостоятельного употребления, их тоже не следует давать в толковых словарях как заголовочные слова.

Почти во всех имеющихся тюркских толковых словарях широко отражены многие регулярные словообразовательные формы, а именно:

а) сравнительные формы типа каз. *арбадай* «как телега, наподобие телеги», *альпинистей* «как альпинист, наподобие альпиниста», *агъашиша* «как дерево, наподобие дерева», *айгъырсымакъ* «как жеребец, наподобие жеребца»; узб. *кизча* «как девушка, наподобие девушки», *йигитча* «как парень, наподобие парня»; кирг. *тоодой* «как гора, наподобие горы», *мышыкътай* «как кошка, наподобие кошки»; тат. *балаларча* «как дети, наподобие детей», *байларча* «как богачи, наподобие богачей»; башк. *хайуандарса* «по-скотски», *кешелэрсэ* «по-человечески», *кусэктэй* «как дубина, наподобие дубины»;

б) формы ласкательных, ласкательно-уменьшительных имен на *-чик||-чек||-шыкъ||-сыкъ*, *-ша||-ча||-са*, *-жан* типа азерб. *дахмачыгъ* «нзбенка», *кичичик* «малюсенький»; тат. *адэмчек* «человек»; каз. *аралшыкъ* «островок», *айшыкъ* «молодой месяц»; башк. *таусыкъ* «горка»; каз. *аралиша* «островок», *вагоние* «ва-

гонщик»; башк. *бөртөксэ* «крупинка», *таякъяса* «палочка»; кирг. *баракча* «листочек, листок (бумаги)», *китепче* «книжечка»; каз. *агъажан* «братец (вежливое обращение)», *апажан* «мать (вежливое обращение)»;

в) числительные приблизительного счета, а также с собирательным значением типа тат. *бишлэн* «около пяти», *алтылап* «около шести»; узб. *унлаб* «десятками», *юзлаб* «сотнями»;

г) формы интенсива на *-ракъ* типа каз. *агъыракъ* «белее», *агъырыныракъ* «потихе, медленнее»; башк. *баллыракъ* «медленнее», *татлыракъ* «слаще»; тат. *азрак* «немного», *бигрэк* «слишком, чересчур, особенно»;

д) именные формы на *-лы (-ты)*, *-сыз* типа тат. *абажурлы* «имеющий абажур», *аяксыз* «неимеющий ног, безногий»; каз. *байракъты* «имеющий знамя», *агъасыз* «неимеющий старшего брата»; кирг. *балалуу* «имеющий детей», *женгелйй* «имеющий сноху»;

е) отглагольные формы на *-ыучу||-уучу*, *-шы||-се*, *-гъыш* типа кирг. *женгыйчй* «победитель»; каз. *айдаушы* «тот, кто гонит; погонщик», *барушы* «тот, кто ходит»; башк. *тэлэнсе* «попрошайка», *тегесе* «портной»; каз. *айыптагъыш* «тот, кто обвиняет, обвинитель», *айныгъыш* «непостоянный (о человеке)»;

ж) формы слов на *-чы* типа башк. *дингезсе* «моряк», *урманчы* «лесник»; тат. *ачкыччы* «тот, кто делает ключи», *китмэнче* «кетменщик, работающий кетменем»; каз. *городкиши* «городошник», *гипнозишы* «гипнотизер», *айдаушы* «погонщик»;

з) формы слов на *-лай||-лэй||-дей* типа башк. *сейлэй* «в сыром виде», *терелэй* «зажигало»; тат. *ачлай* «в голодном состоянии», *акчалай* «деньгами»; кирг. *бйгйндйй* «целиком», *тирййлйй* «зажигало», *чийкилей* «в сыром виде»;

и) искусственные образования на *-лык||-тык||-лек||-лок*, *-мэдык||-сызлык*, *-шылыкъ||-чылыкъ* типа тат. *аксыллык* «близость», *аксйяклек* «аристократичность», *акчасызлык* «безденежье»; кирг. *азаматчылык* «молодечество», *актык* «близина»; каз. *адаштылыкъ* «блуждание, заблуждение», *алдаушылыкъ* «обманчивость»; башк. *болгъонлокъ* «разорение, разруха»;

к) элидированные формы типа каз. *апкел* (лит. *алып кел*) «принести»; кирг. *аяк* (лит. *ал жак*) «та сторона», *быак* (лит. *бул жак*) «эта сторона»; тат. *агайне* (лит. *агай-эне*) «родня, родственники».

При отборе приведенных словообразовательных форм для толкового словаря лексикографы в основном исходили из их активной употребительности. Однако, как совершенно справедливо отмечает А. А. Юлдашев, «этот выход из затруднения не

мог быть признан состоятельным, поскольку большинство регулярных словообразовательных форм как раз и характеризуется высокой употребительностью» (Юлдашев, 1972 : 103).

Все приведенные выше регулярные словообразовательные формы перенесены в толковые словари из тюркско-русских словарей. В тюркско-русские же словари большинство из них попало благодаря ориентации на возможность перевода их на русский язык отдельным словом.

Один из ведущих тюркских лексикографов А. А. Юлдашев предлагает в словарь «включать из всего множества однотипных производных слов только такие, которые обладают, кроме типового значения, индивидуальным лексическим значением, не вытекающим прямо из их словообразовательной структуры» (1972 : 105). С нашей точки зрения, с этим мнением нельзя не считаться. По данному принципу справедливым следует считать включение в толковые словари таких слов, как узб. и кар.-балк. *белгили* «известный, определенный» (наряду с типовым значением «имеющий отметку, с отметкой»), кирг. *тырмактай* «маленький» (наряду с типовым значением «с ноготок»), башк. и кар.-балк. *атлы* «конный, едущий верхом (о человеке)» (наряду с типовым значением «имеющий лошадь»), кар.-балк. *жашчыкъ* «мальчик», *къызчыкъ* «девочка», тат. *баллы* «сладкий» (наряду с типовым значением «с медом, содержащий мед»), каз. *бассыз* и кар.-балк. *баисыз* «не имеющий руководителя, главы; глупый» (наряду с типовым значением «не имеющий головы») и др.

Совершенно излишним является вовлечение в толковые словари и следующих типов нелексикализованных грамматических форм слов:

а) форм деепричастия типа каз. *аздап* «понемногу», *айлап* «месяцами»; тат. *англамастан* «не понимая, не разобравшись», *бантлап* «украшив бантом»; башк. *атлатып* «шагом», *къуышып* «наперегонки»; узб. *эрталаб* «пораньше», *къахрамонларча* «героически», *уларча* «как они, подобно им»;

б) форм падежей типа каз. *жылда* «каждый год», *артында* «в конце»; тат. *аны* «его (её)», *еракка* «далеко», *ерактан* «издалека»;

в) форм принадлежности типа тат. *аныкы* «его (её)», принадлежащий ему (ей)»; башк. *беззекке* «наш, принадлежащий нам»; каз. *алъбаны* «его жена».

Особенно много нелексикализованных грамматических форм в толковом словаре казахского языка. Здесь, по нашим подсчетам, такие формы составляют около 25 процентов всех вокабул. Это, безусловно, снижает ценность данного словаря, который на

наш взгляд, выгодно отличается от всех существующих толковых словарей тюркских языков полнотой выявления значений и оттенков значений слов, подбором цитат из авторитетной художественной, научной и общественно-политической литературы и другими достоинствами.

Производные нелитературных вариантов слова, хотя они и обладают индивидуальным лексическим значением, как правило, не принято включать в общие словари. Однако в толковых словарях киргизского, татарского и казахского языков эта установка соблюдается не всегда. Например, в словаре киргизского языка имеется производная форма слова *абак* (лит. *набак*) «гауптвахта, тюрьма» — *абакты* (что и *абак*), в словаре татарского языка производная форма слова *аккурат* (лит. *жыйнак*) «аккуратный, опрятный» — *аккуратлану* «делаться аккуратным, собранным, подтянутым», в словаре казахского языка производные формы слов *абуйыр* (лит. *абиыр*) «совесть, честь, репутация» — *абуйырлы* «пользующийся хорошей репутацией», *абуйырсыз* «бесстыдный, беснутный», *гьаділет* (лит. *эділет*) «справедливость, честность» — *гьаділетсіз* «несправедливый, нечестный», *гьаділетти* «справедливый, честный», *гьаділетсіздік* «несправедливость, нечестность», *эделет* «справедливость, честность», *эделетсіз* «несправедливый, нечестный», *эделетти* «справедливый, честный», *эделеттілік* «справедливость, честность», *эделетші* «справедливый, честный» и т. п.

Как свидетельствуют приведенные примеры, подобные производные формы нелитературных вариантов слов особенно широко представлены в толковом словаре казахского языка, что также снижает его качество.

В толковых словарях тюркских языков зарегистрированы как реестровые слова многие нелексикализованные парные, парно-повторные слова и свободные словосочетания. И тут заметно отличается от других аналогичных тюркских словарей толковый словарь казахского языка.

Приведем примеры: а) парные и парно-повторные слова типа каз. *арыз-марыз* «всякая жалоба», *басар-баспас* «едва ступил ногой», *арба-арба* «телегами», *бакъырып-бакъырып* «повторно крича», *бес-алты* «пять-шесть», *алты-жеті* «шесть-семь», *ауыл-дан-ауылға* «из аула в аул»; тат. *балдак-балдак* «как кольца, выставленные друг за другом», *аз-азлап* «понемногу», *айдан-айға* «каждый месяц»; башк. *икеле-микеле* «сомнительно, неясно», *асыкъдан-асыкъ* «явный, открытый», *көнөн-көн* «изо дня в день», *ашар-ашамас* «есть, едва прикасаясь к пище»; *кундан-куб* «все больше и больше», *борди-келди* «пошел и пришел», *келди-кетти* «пришел и ушел», *олди-кьочди* «взял и убежал»;

б) свободные словосочетания типа каз. *алма багъы* «яблоневый сад», *алмаз пынакъ* «алмазный нож»; тат. *арба юлы* «проселок», *баи киеме* «головной убор»; азерб. *бир гэдэр* «некоторое количество, несколько, немного», *бу гэдэр* «столько», *һәр аддым-да* «на каждом шагу».

Грамматические формы типа *аз-азлап*, *икеле-микеле*, *асыкъ-тан-асыкъ* и др. в тюркско-русских словарях выделены в качестве лексических единиц—заглавных слов—лишь на том основании, что они в русском языке обозначаются лексически, а оттуда, из двуязычных словарей, они перенесены в толковые словари.

В названных выше словарях, особенно в толковых словарях казахского и татарского языков, большое место занимают специальные термины типа каз. *анкофен*, *антиморфин*, *анабазин*, *брассист*, *браунит*, *брадикардия*, *бриология*, *дионин*, *диоптомус*; тат. *акцентация*, *алмофос*, *биостанция*, *валокордин*, *виброскоп*.

Займствованы они через русский язык. Однако их нет даже ни в одном из толковых словарей русского языка. Между тем во вводящей части рассматриваемых словарей говорится, что в словник включены только «...общеупотребительные термины...» (ГГАС, 1977: 11), «бытующие лишь в какой-либо определенной профессии или специальности узкоспециальные термины» в него не вошли (КТТС, 1974: 23).

Подобные термины могут быть достоянием только специальных терминологических словарей.

Исходя из изложенного, в толковые словари тюркских языков нецелесообразно включать в качестве заглавных слов буквенные сокращения, префиксальные морфемы типа *кап-*, *кып-*, составные части сложных слов, регулярные словообразовательные формы, нелексикализованные грамматические формы простых и сложных слов дефисного написания, производные формы нелитературных вариантов слов, свободные словосочетания и узкоспециальные термины.

БИБЛИОГРАФИЯ

Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15-ти томах). М.—Л., 1958.

Гяч П. В., Павлов В. М. Некоторые вопросы лексикографического отображения аббревиатур. — Современная русская лексикография. Л., 1975.

Қызақ тілінің тиспидіме сөздігі. Алматы, I т., А—Ә, 1974; II т., Б—Г, 1976; III т., Гь—Ж, 1978; IV т., Ж—Қ, 1979 (КТТС).

Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах), т. I, А—Б. М.—Л., 1948 (ССРЛЯ).

Татар теленег англатмалы сөзлегс. Қазан, I, А—Г, 1977; II, Қ—С, 1979 (ГГАС).

Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М. 1972.

ДИАЛЕКТИЗМЫ В ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Решение вопроса о включении или невключении того или иного диалектизма в словарь толкового словаря любого тюркского языка во многом зависит от правильного разграничения диалектизмов от регионализмов, просторечных и разговорных слов, а также определения типов диалектизмов. Дело в том, что в толковых словарях некоторых тюркских языков регионализмы, просторечные и разговорные слова выдаются за диалектизмы, в них включаются диалектизмы не только этнографические, собственно лексические и лексико-семантические, но и фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные.

В лингвистической литературе часто встречается выражение «диалектизмы, употребляемые в общенародном языке». В данном случае под диалектизмом понимается слово, вошедшее в литературный язык из диалекта. Например, слова *шёндю* «сейчас, в настоящее время», *юлкю* «куст» до конца 50-х годов употреблялись только в ц-диалекте, сначала же 60-х годов они стали употребляться и в ч-диалекте карачаево-балкарского языка, затем, часто появляясь в периодической печати и художественной литературе, твердо вошли в литературный язык. Следовательно, для современного карачаево-балкарского языка эти слова теперь не являются диалектизмами, а стали словами общеупотребительной, активной лексики. В этой связи нельзя согласиться с следующим положением Семнадцатитомного словаря современного русского литературного языка: «...в словаре находят место те областные, провинциальные слова, которые являются

материалом общенационального языка. а не достоянием только местных говоров» (ССРЛЯ, 1948 : 5).

Диалектизмы необходимо отличать от регионализмов. Регионализмы — это такие слова, которые, являясь каждое само по себе литературным, ограничены в своем употреблении определенной географической областью. Примерами регионализмов являются такие карачаево-балкарские слова, как *ауана* (балк.) || *кёлекке* (кар.) «тень», *хораз*, *адакъа* (балк.) || *гугурук* (кар.) «петух», *юзмелт* (балк.) || *билезик* (кар.) «клок чесаной шерсти», *элхууур* (балк.) || *ахуюл* (кар.) «шуга, ледоход» и др. Регионализмы бывают лексические (напр., кар.-балк. *юфкюр* (балк.) || *юр* (кар.) «дуть (на что- или во что-л.)», *гебенек* (балк.) || *гёбелекке* (кар.) «мотылёк») и лексико-фонетические (напр., кар.-балк. *чалгъы* (балк.) || *чалкъы* (кар.) «коса (с.-х. орудие)», *биз* (балк.) || *миз* (кар.) «шило»).

Регионализмы возникают в языке благодаря тому, что носители одного и того же языка живут в разных регионах. Например, карачаевцы живут в КЧАО, а балкарцы — в КВАССР, т. е. эти народы территориально разобщены. Слова *ауана*, *хораз*, *адакъа*, *юзмелт*, *элхууур*, *юфкюр*, *гебенек*, *чалгъы*, *биз* общепотребительны в языке балкарцев, но редко встречаются в языке карачаевцев, и, наоборот, слова *кёлекке*, *гугурук*, *билезик*, *ахуюл*, *юр*, *гёбелекке*, *чалкъы*, *миз* общепотребительны в языке карачаевцев, но редко употребляются в языке балкарцев. И тем не менее все эти слова являются достоянием карачаево-балкарского литературного языка, поэтому они должны быть включены как в словник карачаево-балкаро-русского словаря, так и в словник толкового словаря карачаево-балкарского языка, при этом пометы, указывающие на территориальную ограниченность их, не только желательны, но и обязательны.

Диалектизмы можно разделить, беря в основу классификацию Н. М. Шанского (1972 : 118—120), на следующие группы: 1) собственно лексические, 2) лексико-фонетические, 3) фонетические, 4) лексико-словообразовательные, 5) лексико-семантические и 6) этнографические.

Собственно-лексические диалектизмы — это обычно местные названия предметов и явлений, имеющих в литературном языке иные наименования: кирг. диал. *бадыбот* (лит. *кесе*) «большая пиала», диал. *кечит* (лит. *кеч*)¹ «брод»; кар.-балк. диал. *зюдюр* (лит. *къара нанькъ*) «ежевика», диал. *фулму* (лит. *букъу*) «мучная пыль»; тат. диал. *игъч* (лит. *кыз туган*) «сестра, стар-

¹ Некоторые буквы других тюркских языков передаются в карачаево-балкарской графике.

шая сестра», диал. *олан* (лит. *бала*) «ребенок, малыш, дитя»; башк. диал. *инэй* (лит. *эсей*) «мать, мама», диал. *эндэг* (лит. *кизе*) «повальная болезнь (обычно не тяжелая)» и т. д.

Лексико-фонетические диалектизмы — это слова, отличающиеся от соответствующих им литературных слов лишь определенными особенностями звукового облика, не зависящими от различий в фонетической системе диалекта (или говора) и литературной речи, ср.: кар.-балк. диал. *хаман* (лит. *хамам*) «баня», диал. *къарыуа* (лит. *къаура*) «стебель (травянистого растения)»; кирг. диал. *жами* (лит. *жамы*) «все, всё; итог, сумма», диал. *маша* (лит. *машат*) «родник, ключ (обычно в каменной почве)» и т. д.

Некоторые лексикографы лексико-фонетические диалектизмы смешивают с фонетическими диалектизмами. Например, составители инструкции ТСКЯ I к фонетическим диалектизмам относят как собственно фонетические (*кысыл* (лит. *кызыл*) «красный», *өшөр* (лит. *нөшөр*) «ливень»), так и лексико-фонетические (*энди* (лит. *эми*) «теперь, в настоящее время», *олут* (лит. *орун*) «место») диалектизмы.

Фонетические диалектизмы представляют собой диалектные факты, касающиеся не целостных лексических единиц, как это бывает в лексико-фонетических диалектизмах, а только звуков. Например, фонетическими диалектизмами являются в карачаево-балкарском языке звуки *ц, ф, з* на месте литературных *ч, п, ж* в словах *царыкъ* (лит. *чарыкъ*) «таночка», *тыфыр* (лит. *тыпыр*) «очаг», *зол* (лит. *жол*) «дорога, путь»; в киргизском звуки *а, с* на месте литературных *е||а, з* в словах *мкә* (лит. *меке*) «кукуруза», *мәни* (лит. *маани*) «значение», *таса* (лит. *таза*) «чистый».

Лексико-словообразовательные диалектизмы отличаются от своих литературных синонимов словообразовательными элементами при тождестве корня, ср.: кар.-балк. диал. *махтангыч* (лит. *махтанчакъ*) «хвастун»; тат. диал. *кечтек||кечтеки* (лит. *кечекенә*) «маленький»; каз. диал. *аткъакъта* (лит. *аткъыла*) «обстреливать»; кирг. диал. *терлик* (лит. *тердик*) «подкладка потника, подпотник»; туркм. диал. *чалгы* (лит. *чалкама*) «жидкий машевый суп» и т. п.

Лексико-семантические диалектизмы, имея звуковой состав, сходный со словами литературного языка, отличаются от последних по значению (или дополнительным значением), ср.: кар.-балк. *жингирик* «локоть» имеет также в ц-диалекте значение «громкий плач (обычно детский)», *тагы* «выступ на скале, яре» в ц-диалекте еще «ручеек в лесу»; кирг. *бытыра* «дробь (охот-

ничья)» в южных говорах также «баурсаки (печенье в виде жареных в жире кусочков теста)», *тукум* «семя, семна; потомство, поколение; порода (животных)» в диалектах также «яйцо» и др.

Этнографические диалектизмы—это местные названия местных предметов, возникновение и существование которых в языке связано со спецификой быта и трудовой деятельности носителей того или иного диалекта (или говора). Поскольку такие диалектизмы называют предметы и явления, не входящие в общенародный обиход, они не имеют параллелей в общенациональном литературном языке. К этнографическим диалектизмам относятся, например, кар.-балк. *мыры* «поляна в лесу», *мыржыуук* «сурепка», *фотку* «опилки (древесные)»; кирг. *аят I* (ров вокруг земельного участка, ограждающий участок от скота), *балиш* «подушка в виде валика», *кайналы* «дикая слива» и т. д.

В тюркской лексикологии еще не выработаны критерии отнесения того или иного слова к диалектизмам или другим пластам лексики, что иногда затрудняет решение лексикографических вопросов. Например, не всегда отчетливым бывает различие между диалектизмом и регионализмом. Объясняется это тем, что не располагая данными о территории распространения слова, об употреблении его теми или иными писателями, носитель данного языка при решении вопроса о литературности и нелитературности порою бывает вынужденным руководствоваться только своим языковым чутьем. Такими данными «далеко не всегда располагают и составители больших толковых словарей, имеющие в своем распоряжении обширные, но тем не менее в ряде отношений недостаточные картотеки» (Берков, 1973 : 82). Поэтому в некоторых толковых словарях иногда региональные слова квалифицируются как диалектные.

Не совсем отчетливы и различия между диалектизмом и просторечием. В тюркских языках есть просторечия, которые имеют диалектную окраску. Так, например в карачаево-балкарском языке некоторые просторечные слова имеют разные формы в речи карачаевцев и балкарцев, ср.: *буштукъла* (в речи балкарцев) и *быстыр* (в речи карачаевцев) «уплетать», *сылырт* (в речи балкарцев) и *къым* (в речи карачаевцев) «стянуть (украсть)».

Подобные слова, по терминологии В. П. Беркова, называются региональными просторечными словами. С нашей точки зрения, такие слова в толковых словарях должны быть снабжены двойной пометой: кар. прост., балк. прост.

Просторечная лексика, в отличие от диалектной, входит в состав общенародной лексики (и, следовательно, не имеет изоглосс) и что в просторечии, в отличие от территориальных диа-

лектов, строгая, единообразная норма отсутствует. Просторечные слова проникают в диалекты из разговорной речи, сохранившей диалектные особенности. Однако просторечиями становятся не все диалектизмы, а лишь те из них, которые и в диалектах (или говорах) «несут на себе яркую выразительность и эмоциональную окрашенность» (Федоров, 1963:183).

Диалектизмы тюркских языков в процессе взаимоотношений с литературной лексикой постоянно проникали и проникают теперь в словарный состав, обогащая последний номинативными и экспрессивно-стилистическими элементами.

Постоянное взаимодействие литературного языка и диалектов ставит вопрос о включении в словник словаря литературного языка диалектных слов.

Как же осуществляется отбор диалектных слов в толковых словарях современных тюркских литературных языков? Надо сказать, что принципы отбора не разработаны с достаточной четкостью, диалектные слова помещались и помещаются в основном эпизодически и подбор их в значительной мере случаен. Например, в инструкции СТЯ указывается, что «диалектные слова включаются в словарь, если они употребляются в современной и научно-популярной литературе...» (1956 : 5). Однако данный критерий не может служить основанием для введения диалектизмов в нормативный словарь. Дело в том, что в текст литературы, как художественной, так и научно-популярной, местные названия растений, животных, различных предметов и т. п. нередко попадают случайно. Во-вторых, употребление диалектизмов в художественной литературе «преследует прежде всего художественную цель» (Прохорова, 1975 : 112).

Таким образом, для включения диалектного слова в словарь литературного языка одного факта употребления его в художественной или другой литературе явно недостаточно. Учитывая это, абсолютное большинство составителей толковых словарей тюркских языков одним из критериев включения диалектизмов в словарь считают частоту употребления их в литературе, преимущественно художественной. Тем не менее и такой принцип отбора диалектных слов, верный в своей основе, не может дать исчерпывающего ответа на поставленный вопрос. Остается неясным: 1) как правильно определить, является ли слово диалектным или оно входит в словарный состав общенационального языка, 2) все ли диалектные слова, встречающиеся в произведениях литературы, могут быть внесены в нормативный словарь.

Поэтому в толковых словарях тюркских языков в число диалектных слов, как уже указывалось, порою включаются и просторечные, разговорные слова.

Усвоение диалектных слов литературным языком определяется многими факторами. Использование их в языке художественной литературы — лишь один из каналов, который только в некоторых случаях является главным при проникновении слов в литературный язык. Достаточно велика роль художественной литературы в усвоении некоторых диалектизмов литературным языком. Приведем примеры. Слова *абери* «что-либо», *уууз* «молозиво», *кёзлеу* «родник» в карачаево-балкарском языке примерно до 50-х годов были известны только носителям ц-диалекта. Теперь же эти слова твердо вошли в общенациональный литературный язык благодаря широкому употреблению в художественных произведениях, прежде всего Ж. Токумаева, И. Гадиева и А. Тёпеева. Слово *дакъыл* «разводимые, культурные растения» первоначально употреблялось только в южно-казахских диалектах, а затем, часто употребляясь в художественной литературе, утвердилось в литературном языке (Кенесбаев, 1964 : 31). Об этом свидетельствует тот факт, что данное слово принимает активное участие в образовании сложных терминов, ср.: *бакъша дакъылдары* «бахчевые культуры», *дәнди дакъыл* «злаковые культуры» и т. п. Своему утверждению в литературном языке обязаны художественным произведениям также диалектизмы кирг. *кечит* «брод», *олут* «место», *энди* «теперь, в настоящее время»; туркм. *важып* «важный, существенный», *деслапкы* «предварительный»; тат. *буйдак* «холостяк», *жыйдак* «всадник, наездник, седок (без седла)», *ажаган* «зарница» и мн. др.

Тем не менее в художественной литературе диалектные слова встречаются изредка, притом, как уже отмечалось, главным образом, в речи персонажей. Иначе говоря, употребление диалектизмов в художественных произведениях свидетельствует не столько об их усвоении литературным языком, сколько об индивидуальном стиле и языке писателя.

Вторым и, надо сказать, основным критерием для включения диалектизмов в словари тюркских литературных языков, является широта употребления слова в диалектах (или говорах). Однако на основании материалов картотек толковых словарей литературных языков выдвигать его представляется невозможным, так как в этих картотеках отсутствуют записи диалектной речи.

Если даже установлено, что диалектное слово имеет широкое хождение, это еще не говорит о его актуальности для литературного языка.

Например, в ц-диалекте карачаево-балкарского языка довольно широко распространены слова *къыйтхы* «борона», *кырка* (деревянное приспособление с круглым отверстием посередине, прикрепляемое к концу веревки), *балам* «калина». Однако в литературном языке в значении названных слов достаточно прочно укрепились слова *тырнаууч*, *гири* и *муркку*. Поэтому в настоящее время нет условий для усвоения карачаево-балкарским литературным языком слов *къыйтхы*, *кырка*, *балам*.

Анализ словника толковых словарей тюркских языков показывает, что из диалектов в литературный язык наиболее часто попадают слова, не имеющие синонимов в литературном языке. Однако и здесь необходимо учесть одно, с нашей точки зрения, очень важное обстоятельство. Это актуальность обозначаемой тем или иным диалектизмом реалии. Например, нет достаточно основания утверждать, что диалектизмы *федугу* «разновидность мяты», *чаха* «каменистый берег реки» в карачаево-балкарском языке станут литературными, так как для носителей литературного языка обозначаемые ими реалии не актуальны.

Факты из некоторых тюркских языков говорят и о том, что в ряде случаев не может служить препятствием даже узколокальный характер предмета, чтобы обозначающий его диалектизм перешел в литературный язык. Например, реалия, обозначаемая словом *акътау* «пойло», применяется только в одном кызылординском районе Казахской ССР. Однако название этой реалии довольно часто встречается в произведениях художественной литературы и, можно сказать, что оно утвердилось в литературном языке. Это свидетельствует о том, что «не локальность «реалии», а локальность употребления слова является решающим признаком словарного диалектизма» (Филин, 1957 : 55; Оруджев, 1962 : 16).

Для установления условий вхождения диалектных слов в литературный язык одних цитат из художественных произведений, содержащих диалектную лексику, недостаточно. Помимо этого, нужны также лексикологические исследования истории диалектных слов, которых применительно к тюркским языкам пока еще очень мало.

Таким образом, одна из задач, которая стоит перед составителями толковых словарей тюркских литературных языков при введении в них диалектизмов, — это необходимость выделить среди диалектной лексики слова, которые из диалектов могут проникнуть в литературный язык, обогащая его. Эта теоретическая задача сопряжена с большими трудностями.

Что же касается второй задачи, — справочной, то она по сравнению с теоретической более легко выполняема. Для нормативных словарей при включении в состав словника диалектной лексики «главной является запретительная цель: помета *диал.* предупреждает о запрещении стилистически нейтрального употребления слова в литературном языке» (Порохова, 1975 : 114).

Однако не все рассматриваемые словари справляются со своей справочной задачей в показе диалектной лексики. В одних из них диалектизмы иногда даются без пометы *диал.* или же эта помета заменяется пометой *проф.* (профессионализм), в других разговорные и просторечные слова трактуются как диалектные. Например, слова *чабиекей* «ласточка», *тобулгу* «таволга, спирея», *кайракы* «неполивной, богарный», *бёскё* «неполно, не до краев» и многие другие, воспринимаемые киргизскими лексикографами (Инструкция ТСКЯ I, 1964: 14—15) диалектизмами, на наш взгляд, не являются таковыми. Они употребляются не только в каком-либо говоре или даже диалекте, но и в общенародной разговорной речи. Поэтому эти слова нужно маркировать с пометой *разг.* (разговорное). В ТСКЯ II одни диалектизмы даны без пометы *диал.*: *акъбас I* «мокрец (болезнь верблюдов и лошадей)», *акъкъулакъ* «парша», *акънауат* (сорт большой и сочной дыни), *асаймуса* (вид дерева с твердой древесиной), *атанакъ-бутанакъ* «неровная с впадинами и буграми (местность)», а другие — как профессионализмы: *атабаста* (выборочно убирать серпом спелые места злаковой культуры), *атанакъ* (приспособление для набирания воды из колодца), *атыз* (часть пашни, которую поливают вручную), *ауыт III* «место хранения воды (для полива)» (КТДС, 1963) и т. д.

Какие же диалектизмы можно, а какие нельзя включать в толковые словари тюркских языков.

Фонетические, лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы используются писателями в речи персонажей для более полной, более рельефной обрисовки того или иного образа. В авторской речи эти диалектизмы, как правило, не употребляются. Включение в словник толковых словарей тюркских литературных языков указанных типов словарных диалектизмов представляется нецелесообразным, ибо они понятны читателю и не имеют никаких перспектив для проникновения в литературный язык, поскольку не вносят в словарный состав ничего нового (Федоров, 1963 : 180; Берков, 1973 : 85). Место подобных диалектизмов только в диалектологических словарях.

Исходя из этого, нельзя согласиться с тюркскими, особенно киргизскими и казахскими лексикографами, в большом количе-

стве включившими лексико-фонетические и лексико-словообразовательные диалектизмы в толковые словари родного языка, ср.: кирг. *карачки* (лит. *каракчы*) «грабитель, разбойник; пугало, чучело», *элгек* (лит. *элек*) «сито», *кайракы* (лит. *кайрак*) «неполивной, богарный»; каз. *аназакъ* (лит. *анызакъ*) «суховей», *кебек* (лит. *кеуек*) «дупло, нора», *акъа* (лит. *агъа*) «старший брат», *жері* (лит. *жерік*) «приходить», *кекілдірік* (лит. *кекілдік*) «поперечный надлобный ремень узды», *борнакъ* (лит. *борпылдакъ*) «мягкий», *жамше* (лит. *жамбілше*) «сорт скороспелой дыни»; тат. *апай* (лит. *апа*) «старшая сестра», *анкы-минке* (лит. *ангы-минге*) «глупый, непонятливый, бестолковый», *белә* (лит. *белән*) «с, со, вместе с», *ден* (лит. *дин*) «религия, вера», *кечек* (лит. *кечкенә*) «маленький», *кытнау* (лит. *кытыклау*) «кудахтать», *мукайләп* (лит. *мукәләп*) «на четверсеньках» и др.

Значения собственно лексических и лексико-семантических диалектизмов остаются неясными для читателя. Критериями для их включения в толковые словари могут быть: 1) частота употребления их в авторитетных произведениях художественной литературы и 2) широта распространения этих слов в диалектах (или говорах).

Однако при этом надо помнить, что нормативная лексикология не может целиком полагаться на материал художественной литературы. Как совершенно справедливо предупреждает К. С. Горбачевич, «объективистское использование текстов и фетишизация авторитетов создает опасность искаженной характеристики литературной нормы» (1978: 44). Факты некоторых тюркских языков говорят о том, что не все диалектизмы, часто употребляемые даже в самом авторитетном тексте ведущих писателей, принимаются в литературную норму. Например, такие диалектизмы, как *которок* «буйный, необузданный», *ыгый* «немедленно», *тороу* «засучить», часто встречаемые в авторском тексте башкирского народного писателя Т. Янаби, не стали литературной нормой (Юлдашев, 1972: 70).

Имеют место и факты, когда будучи и общетюркскими, некоторые слова не могут получить литературного гражданства и неоправданно причисляются к диалектизмам. Так, например, в карачаево-балкарском языке общетюркские слова *кюрек* «лопата», *жумуртха* «яйцо», *кзумурсха* «муравей», *бурчакъ* «фасоль», *итбурун* «шиповник» на основании того, что редко встречаются в литературных произведениях, продолжают числиться диалектизмами. Их заменяют соответственно слова *жугар*, *гаккы*, *гумулжук*, *кзудору*, *лэкъу*, являющиеся в основном до-

стоянием лишь баксано-чегемского переходного говора опорного ч-диалекта языка².

Из сказанного явствует, что даже самые часто употребляемые в авторитетных произведениях диалектизмы нельзя безоговорочно включать в словник словаря литературного языка без научного анализа и критического осмысления.

Собственно лексические диалектизмы обязательно должны снабжаться специальной пометой *диал.*, которая будет носить функционально-лексический, а не стилистико-этимологический характер (Сороколетов, 1978 : 10), т. е. она будет показывать, что слово принадлежит к выразительным средствам художественной литературы, однако не входит в литературный язык.

Диалектизмы же, имеющие определенный и относительно узкий ареал распространения, не должны включаться в словарь даже в тех случаях, когда они встречаются в авторской речи классиков художественной литературы.

Тем не менее в ряде толковых словарей тюркских языков, даже в однотомных, встречаются десятки диалектных слов, не употребляемых ни в какой литературе. Примеры: кирг. *айыл II* «кольцо катаура», *асер* «влияние, действие, воздействие», *багана* «подпорка, стойка», *байкуш II* «сова», *жорон* (домотканые шерстяные орнаментированные чулки), *жубалдыз* (человек, работающий на маслобойне), *найзагай* «молния», *келде* «голова», *новат* «очередь», *оймотекей* (шитый в два слоя орнаментированный войлок), *оргок* «серп», *паша II* «комар», *сыйыр* «корова», *тапанча* «род хлебной лепешки», *эрдем* «храбрый, мужественный»; туркм. *барак II* «лысуха (птица)», *булама* «козье или овечье молоко первого дня удоя», *галам II* «ложка», *гербенек* «крюк», *даде* «отец», *кашык* «ложка», *пайча* «штанина», *тин* «копейка», *чалгы* «жидкий машевый суп», *шеликмек* «надоедать кому-л.» и многие другие. Узколокальными диалектами пестрит особенно многотомный ТСКЯ II. Вот примеры только на букву А: *айырком* (специальное седло), *айырт* «место соединения ног (с внутренней стороны)», *акъзон* «белый ситец», *акъжурек* (разновидность травянистого растения), *акъмурт* «стелька», *акъпа* (палка с острым концом), *акъпар II* «большая пиала», *акъсуп* «белый ситец», *акътаякъ II* «мираб», *акътыкъ III* «белая материя», *албырт II* «вертячка (болезнь лошадей)», *анг II* «яма, промоина, обрыв (длинный)», *ангъгалакъ II* «глазная

² Причина редкого употребления этих слов в произведениях художественной литературы объясняется следующим обстоятельством. Данные слова употребляют в своей речи в основном только носители ц-диалекта балкарцев, но в их среде имеется всего несколько человек, занимающихся литературным творчеством.

впадина черепа», *аныр II* «задерживаться, останавливаться», *апай II* «склон (горы)», *атайман* «очень, совсем, чересчур», *ат-жаракъ* «вооружение», *аты* (инструмент, употребляемый при фильтровании чего-л.), *агыкътыр I* «тренироваться давать имя кому-л.», 2. «дать кличку (человеку)», *аудан* «запруженная вода», *аударыспа* «соединяться, объединяться», *ауыт* «потерявший разум», *ашта* (поверье: кладут горячую золу в пиалу для лечения больного желудка), *аша II* «ступня», *ашар* «ключ», *ашыкъ-жарыкъ* «веселый», *ашымыкъ* «кислое домашнее питье (не хмельное)» и т. д.

Что же касается этнографических диалектизмов, то они должны вводиться в словари литературного языка на правах слов, обозначающих местные реалии, которые в данном языке не имеют другого обозначения. Такие слова пополняли и продолжают пополнять собой лексический фонд литературного языка. Для современной поры этнографические диалектизмы никаких помет не требуют, «их следует считать общеупотребительными и общепонятными словами» (Бабкин, 1971: 21). Однако в ряде толковых словарей этнографические диалектизмы приводятся с пометой *диал.*: кирг. *гöзö* (небольшой глиняный сосуд с ручкой), *суйсал* (шнурки из черной шерсти или шелка с металлическими украшениями, вплетаемые в косу, чтобы удлинить ее); туркм. *ак IV* (большая рыболовная сеть), *ношы* «озимый лук»; казат. *шолке* «хомут из войлока», *бол-болды* (скоропелый сорт дыни), *долыкъ III* (инструмент для очищения глубокого колодца) и др.

Не нужна ограничительная помета и при бывших диалектизмах, уже прочно вошедших в состав литературной лексики того или иного современного тюркского языка.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бабкин А. М. Новый академический словарь русского языка. Проспект. Л., 1971.
- Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии. Изд. ЛГУ, 1973.
- Горбачевич К. С. Принципы нормализации языка в современной лексикографии. — Современность и словари. Л., 1978.
- Инструкция для составления «Словаря туркменского языка». Рукопись. Ашхабад, 1956.
- Кенесбаев С. К. Из опыта составления двухтомного толкового словаря казахского языка. — Материалы V Всесоюзного лексикографического совещания. Фрунзе, 1964.
- Къзакъ тилиниг диалектологиялыкты, сөздиги. Алматы, 1969 (КТДС).
- Оруджев А. А. Теоретическое обоснование к «Толковому словарю азербайджанского языка». АДД. Баку, 1962.
- Порохова О. Г. Областная лексика в словарях русского литературного языка. — Современная русская лексикография. Л., 1975.

Сороколетов Ф. П. Лексико-семантическая система и словарь национального языка. — Современность и словари. Л., 1978.

Словарь современного русского литературного языка (в 17-ти томах), т. I, А—Б. М.—Л., 1948 (ССРЛЯ).

Туркмен дилнинги сөзлйги (Словарь туркменского языка). Ашгабат, 1962 (СТЯ).

Кыргыз тилинин тйшйндирмө сөздйги. Фрунзе, 1969 (ТСКЯ I).

Къзакъ тилиниг тисиндирме сөздиги (Толковый словарь казахского языка). Алматы, I т., А—э, 1974, II т., Б—Г, 1976; III т., Гъ—Ж, 1978; IV т., Ж—К, 1979 (ТСКЯ II).

Федоров А. И. О принципах отбора областных слов в толковых словарях современного русского языка. — Уч. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, т. 248. Вопросы языкознания, 1963.

Филин Ф. П. Заметки по лексикографии. — Лексикографический сборник, вып. I. М., 1957.

Шапский Н. М. Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Эки томдук «Кыргыз тилинин тйшйндирмө сөздйгин тизий ичин инструкция/Составители Э. Абдуллаев, Д. Исаев, Фрунзе, 1964.

Юлдашев А. А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА И ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

В лингвистической литературе учебного характера окказиональные слова обычно не отграничиваются от неологизмов. Они характеризуются как особая разновидность последних, а именно: как индивидуальные (Фомина, 1978 : 227—228) или индивидуально-стилистические (Валгина и др., 1964 : 40—41; Шанский, 1972 : 161; Калинин, 1978 : 114; СРЯ I, 1979 : 215) неологизмы. Однако многие лингвисты признают, что одного термина «неологизм» «явно недостаточно для описания многообразия фактов, связанных с появлением новых слов» (Ханпира, 1966 : 30), что окказиональные слова и неологизмы должны быть разграничены (Фельдман, 1957 : 72; Лопатин, 1973 : 64; Чиркова, 1975 : 91—101; Розенталь, Тепленкова, 1976 : 240). Поэтому они считают, что к словам, которые возникают под пером писателя, журналиста, публициста — вообще любого носителя языка, нецелесообразно применять термин «неологизм» и предлагают называть их иначе. Наиболее распространенное название субъективно образованных новых слов — окказионализмы.

Известно, что неологизмы, вошедшие в общее употребление, как правило, включаются в словник общих словарей, что же касается окказионализмов, то они, по мнению лексикологов и лексикографов, могут быть предметом только специальных словарей или словарей языка отдельных авторов (Фельдман, 1957 : 73; Лопатин, 1973:147)¹. Поэтому, чтобы не включить окказиона-

¹Правда, по мнению отдельных авторов (например, А. К. Авдеева), «составители напрасно отказываются от включения в словарь слов малораспространенных: читатель именно их ищет в Словаре» (ВЯ, 1956 : 100).

лизмы в словник по ошибке, необходимо отличать их от неологизмов, вошедших во всеобщее употребление, т. е. от новых слов литературного языка.

Как же создаются окказиональные слова? Давно замечено, что окказиональные слова, как правило, являются продуктом фантазии мастеров художественного слова. При непринужденном выражении, в письмах и т. п. окказионализмы возникают и у таких авторов, в чьих произведениях они намеренно не употребляются. Окказиональные слова создаются не только художниками слова. Их «авторами» могут быть критики, рецензенты, журналисты и т. д. Большое количество таких слов создается в разговорной речи. А. Г. Горнфельд писал по поводу окказиональных слов: «Человеку пужно слово, оно живо, стихийно, легко срывается у него с языка; он даже не знает, не задумывается, слышал он его или сочинил: оно понятно ему, оно понятно его собеседнику — чего еще?» (1927 : 173).

Иногда человек сам не замечает, что в своей речи употребляет окказиональное слово. Приведем один пример. К. И. Чуковский резко осуждает, тех, кто употребляет в своих произведениях окказиональные слова: «Больно читать ту свирепую строку, которую сочинила одна поэтесса в Москве: Ах, почаше б с шоколадом... *щербси!* — Нужно ненавидеть ребят, чтобы предлагать им такие *языксломные щербси*. Не мешало бы сочинителям подобных стихов поучиться у тех малышей, которым они царапают горло своими корявыми *щербсами*» (1956 : 272). Но в то же время автор этих строк не замечает того, что он сам употребляет окказионализм *языколомный* вместо литературного *корявый*.

Наиболее важными специфическими признаками окказиональных слов, отличающими их от обычных (реальных), являются: 1) принадлежность к речи, 2) ненормативность, 3) нерегулярная воспроизводимость, 4) творимость, 5) экспрессивность, 6) производность, 7) синхронно-диахронная диффузность и 8) индивидуальная принадлежность (Лыков, 1977 : 64—65).

Поясним эти признаки.

1) В отличие от обычного слова, которое является лексической единицей языка, окказиональное слово — лексическая единица речи. «Окказиональное слово — это речевая реализация словообразовательных возможностей языка, заложенных в его системе, это результат словообразовательной импровизации по готовым установившимся образцам» (Лыков, 1977 : 65).

Обычное и окказиональное слова в речи функционируют неодинаково. В отличие от обычного, наличие окказионального

слова в тексте необязательно, факультативно, в известном смысле даже случайно.

2) Обычное слово характеризуется нормативностью, а окказиональное слово ненормативно. Окказионализм — это неправильность, т. е. нарушение грамматических, словообразовательных, семантических норм. Однако эта неправильность обусловлена не незнанием литературных норм, не невнимательностью к ним, не артикуляционно-физиологическими недостатками речи и т. д. Это почти всегда сознательный акт словотворчества, сознательная, мотивированная неправильность.

3) Обычные слова воспроизводятся в литературном языке регулярно. Для окказиональных же слов характерна нерегулярная воспроизводимость. Различают три степени нерегулярной воспроизводимости: а) единичное употребление, что относится к словам, встретившимся в тексте только один раз; б) минимальную воспроизводимость, которая свойственна словам, неоднократно употребляющимся в одном или ряде текстов одного человека или в речи нескольких лиц, связанных отношениями сотрудничества, дружбы, семейными узами и т. д.; в) эпизодическую воспроизводимость слова, которая характеризует слова, стоящие на грани существования в общем языке: они время от времени появляются в языке разных авторов, но еще не известны большинству говорящих на литературном языке (Чиркова, 1975 : 97).

4) Обычные слова, как только что отмечалось, воспроизводимы, т. е. повторяются в готовом виде. Окказиональные же слова характеризует творимость, т. е. они создаются как новые единицы в самом акте речи. Обычное слово, однажды возникнув, живет затем своей языковой исторической жизнью, используется в различных текстах. Окказиональное же слово невоспроизводимо, а создается заново всякий раз для каждого конкретного случая его употребления.

5) Экспрессивность обычных слов необязательна, в то время как все окказиональные слова экспрессивны. Окказиональные слова не столько номинативны, сколько экспрессивны: в окказиональных словах по сравнению с обычными словами номинативная функция ослаблена, зато подчеркнута функция экспрессии.

6) Производность обычных слов не является обязательной, окказиональные же слова в словообразовательном отношении все являются производными.

7) Окказиональным словам свойственна синхронно-диахронная диффузность, обычным словам она чужда. Синхронная и

диахронная стороны жизни обычных слов, а соответственно синхронный и диахронный аспекты их рассмотрения, относительно независимы и самостоятельны.

8) В отличие от обычных слов, окказиональным словам свойственна принадлежность отдельному лицу, они имеют автора. Поэтому окказиональные слова часто называют индивидуальными образованиями или индивидуальными словами.

Окказиональные слова обычно имеют оттенок свежести и новизны, и это сближает их с неологизмами, с новыми словами литературного языка. Они создаются по законам языка, по существующим в нем словообразовательным моделям, образцам, и в этом смысле не отличаются от языковых неологизмов. Например, карачаево-балкарское слово *шалачы* «официантка» (Х. Кацнев) образовано так же, как *къаячы* «скалолаз»; *чабым* «растоптанное, которое можно пробежать» (А. Тёппеев) — как *журум* «глоток», *атым* «щепотка»; *безирек* «высокомерный» (М. Геттуев) — как *юркек* «пугливый, шарахающийся в страхе (о животном)», *къоркъакъ* «боязливый» и т. д.

Таких окказиональных слов много в карачаево-балкарской художественной литературе и прессе. Однако они не стали общепотребительными.

Некоторые исследователи полагают, что ряд окказиональных слов не имеет лексического значения. Например, по мнению Н. Г. Комлева, окказиональные слова «глокая куздра», употребленные Л. В. Щербой, «...имеют грамматическую форму, способны, следовательно, входить в грамматическую систему...», однако лишены лексического значения (1969 : 67).

Возражая против этого мнения, А. Г. Лыков пишет: «Глокая куздра» — это окказиональные слова с намеренно «вынутыми» лексическими значениями. Сказать же в отношении этих слов, что они просто не имеют лексического значения — это значит ничего не сказать. Между тем щербовская «глокая куздра» полна глубокого смысла в том отношении, что показывает относительную независимость лексического значения от его грамматического оформления в знаменательном слове. «Глокую куздру» мы можем оформить и как «глокое куздро» (средний род) и как «глокий куздр» (муж. род). Как ни парадоксально на первый взгляд, но «вынутость» лексического значения у этих двух окказионализмов как раз и есть их лексическое значение» (1971 : 76).

Однако следует отметить, что лексическое значение окказионализмов и обычных слов не одно и то же. В отличие от обычных слов, лексическое значение окказионализмов не является общепринятым.

В тюркских языках нет словарей окказиональных слов. Никакого внимания не уделяется им и в грамматиках этих языков. В связи с этим может возникать сомнение в отношении словности окказионализмов. Однако, как справедливо отмечает А. Г. Лыков, окказионализмы следует считать собственно словами (1971 : 73). «Не следует думать, что окказионализмы — это какие-то неполноценные или ущербные слова. Нет, это слова настоящие, и даже более нужные в определенном контексте, более насыщенные по смыслу и эмоциональной нагрузке, чем обычные, общеупотребительные слова» (Лопатин, 1973: 65). Употребляясь чрезвычайно удачно, «они — на своем месте просто неизбежны» (Горнфельд, 1927 : 173).

Таким образом, окказионализмы имеют лексическое значение, хотя оно и не общепринятое, являются собственно словами, существуют в речи одного лица или группы лиц, не обладают регулярной воспроизводимостью в современном литературном языке, не связаны системными отношениями с обычными словами, не прошли отбора.

Некоторые окказионализмы не бросаются в глаза. Их нелегко отличить от обычных, общеупотребительных слов языка. Обычно это бывает, когда слова принадлежат к очень продуктивному словообразовательному типу. Ср., например, в тюркских языках образование слов с помощью аффикса с отвлеченным значением *-лык* (см. ниже).

Окказионализмы, созданные по существующим в языке моделям, многие лингвисты называют потенциальными словами. «Они как бы потенциально существуют в языке, и нужен лишь внешний стимул, обусловленный речевой ситуацией, чтобы они были употреблены» (Лопатин, 1973 : 71).

Другая разновидность окказионализмов — индивидуально-авторские слова.

По сравнению с индивидуально-авторскими словами, потенциальные слова в наименьшей степени воспринимаются как новые. Индивидуальное словотворчество здесь почти что не ощущается. Они прозрачны по структуре и значению и понятны вне контекста.

Индивидуально-авторские слова тоже обычно создаются по действующим в современном языке моделям, в той или иной степени продуктивным. Здесь нормы словообразования в основном не нарушаются. И все же эти слова «...звучат необычно именно в силу того, что привычный в языковом употреблении суффикс заменен в них другим» (Лопатин, 1973 : 89).

Приведем примеры из балкарской художественной литературы.

Башир Мухтарны кружокга кийиучю бёркюн *сындырды* (А. Тёппеев. Ташууул, 320) «Башир стянул шапку Мухтара, которую он носил на кружок»; Неди бу... эде болмай, келип кьалып, аны (Мухтарны) былай... *кючсюннгюч* этип кьойгбан кёлсюзлюк? (Там же, 424) «Что за безразличие, которое пришло так неожиданно и заставило его (Мухтара) грустить?»; «Кюйген гыржын» деп бир-бир *безирек* сабийле ат атагбан жашчыкь (Омар), эсличик болуп, ...эл школну эшигин шош ачды. (М. Геттуев. Жюрекле бла алтын кьолла, 133) «Мальчик (Омар), которого некоторые дети-шутники прозвали «прогоревший хлеб», стал большим и впервые распахнул двери сельской школы».

В выделенных словах *сындырды*, *кючсюннгюч*, *безирек* привычные в языковом употреблении аффиксы *-ырт*, *-юучю*, *-учю* заменены другими — *-дыр*, *-нгыч*, *-к*.

Одни специалисты (Э. И. Ханпира, Е. А. Земская и др.) понимают под окказионализмами только индивидуально-авторские слова. Таким образом, противопоставляют окказиональные и потенциальные слова. Другие же (В. Н. Хохлачева, В. В. Лопатин и др.) потенциальные и индивидуально-авторские слова рассматривают под общим названием «окказионализмы». С этим следует согласиться, ибо «и те и другие представляют собой слова, отсутствующие в языковой традиции, следовательно, такие, которые создаются в момент речи, тогда как все остальные слова в момент речи воссоздаются, воспроизводятся как готовые единицы языка» (Хохлачева, 1962 : 168).

Иначе говоря, как потенциальные, так и индивидуально-авторские слова создаются «по случаю», окказионально.

Выше мы уже говорили, что окказионализмы широко употребляются не только в художественной литературе и не только отдельными авторами. Они нередко встречаются и в прессе. Однако широкая употребительность окказионализмов в литературной нормированной речи не означает, что они имеют «шансы» войти в литературную лексику. Употребление окказионализмов в литературной речи оправдывают «их функциональная целесообразность и изобразительные возможности» (Лыков, 1977 : 78).

Как уже говорилось, окказионализмы не подлежат включению в общий словарь языка, поскольку «они засоряют его, создавая неправильное представление о словарном составе языка» (Фельдман, 1957 : 72).

Как же решается этот вопрос в толковых словарях тюркских языков? Почти в каждом из них имеются сотни окказионализ-

мов. При этом все они в основном являются потенциальными словами. Особо следует говорить об абстрактных словах, созданных с помощью очень продуктивного аффикса *-лык*, обильно представленных в этих словарях. Ср.: азерб. *гызыллыг* «свойство красного», *гаралыг* «свойство черного», *агълыг* «белизна», *адъютантлыг* «должность адъютанта», *адмираллыг* «положение, обязанности адмирала», *губернаторлук* «должность губернатора», *газанчылыг* «профессия мастера, изготовляющего котлы», *гайнарлыг* «свойство кипяченого», *авторитетсизлик* «отсутствие авторитета», *бойакарлык* «занятие красильщика»; каз. *аюлыкъ* «хищничество», *бõрилик* «волчье свойство», *жолбарыстыкъ* «смелость, мужество», *бõрисиздик* «отсутствие волков», *буфетсиздик* «отсутствие буфета», *базарсыздыкъ* «отсутствие базара», *акъсакъалшылыкъ* «старшинство (по возрасту)»; кирг. *актык I*, *большевиктик* «положение последователя большевизма», *бакырчылык* «профессия медника, жестянщика», *бакытсызбык* «несчастье», *бакчачылык* «бахчеводство», *жумушсуздук* «безработица»; тат. *аклык*, *кызыллык*, *каралык*, *акчасызлык* «безденежье», *артталык I* «отставание», *буяучылык* «занятие красильщика», *властлылык* «положение властелина, повелителя», *бурычлылык* «положение должника», *кешелеклелек* «человечность»; турк. *аббатлык* «аббатство», *адвокатлык* «обязанности адвоката», *аяксызлык* «отсутствие ног», *аялык* «положение девушки после замужества», *бадетмейстерлик* «должность и обязанности балетмейстера», *боягчылык*, *дуканчылык* «профессия продавца», *доцентлик* «звание доцента», *драматурглык* «профессия драматурга» и т. д.

Все приведенные слова, за редким исключением, не подкреплены примерами ни печатными, ни даже составительскими. Следовательно, слова эти сочинены самими составителями словарей по аналогии с литературными словами типа азерб. *адамлыг* «человечность», каз. *балалык I*. «детство», 2. «ребячество», тат. *байлык* «богатство» и т. п.

Здесь необходимо учесть следующее обстоятельство. Включая искусственные новообразования типа *акъсакъалшылыкъ*, *аклык*, *акчасызлык*, *бакчачылык* и т. п. в словник, составители толковых словарей, судя по всему, ориентировались на русско-тюркские словари, в которых русские эквиваленты данных слов являются самостоятельными лексическими единицами.

В некоторых словарях в качестве заголовочных слов встречаются и такие искусственные слова, как кирг., *бытбылдыктат* по-русски от *бытбылдыкта* «кричать (о перепеле)», соответствует русскому «спать нора, спать нора» или «пить пойдем, пить пой-

дем», *жаталаклат* понуд. от *жаталак* «болеть мышками (о лошади)», *желиндет* понуд. от *желинде* «причинать, набирать вымя», *жумурткалат* понуд. от *жумурткала* «несть (о птице)» и др. Их тоже следует отнести к окказионализмам². Подобное сочинительство в литературном языке не может быть оправдано не только практически, но и теоретически: невозможно заставить перепела петь, корову причинять, набирать вымя, птицу несть, а лошадь болеть мышками.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Валгина Н. С. и др. Современный русский язык. Изд. 2. М., 1964. Вопросы языкознания. М., 1956, № 5.
- Горифельд А. Г. Новые словечки и старые слова. — Муки слова. М.—Л., 1927.
- Калинин А. В. Лексика русского языка. Изд. 3, Изд-во МГУ, 1978.
- Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. Изд-во МГУ, 1969.
- Лопатин В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973.
- Лыков А. Г. Окказиональное слово как лексическая единица речи. — Филол. науки. М., 1971, № 5.
- Лыков А. Г. Окказионализм и языковая норма. — Грамматика и норма. М., 1977.
- Розенталь Д. Э., Тепленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.
- Современный русский язык. Ч. I. Фонетика. Лексика и фразеология. Минск, 1979. (СРЯ I).
- Фельдман Н. И. Окказиональные слова и лексикография. — Вопросы языкознания. М., 1957, № 4.
- Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., 1978.
- Ханпира Э. Об окказиональном слове и окказиональном словообразовании. — Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.
- Хохлачева В. Н. Индивидуально-оценочное словообразование в русском литературном языке XIX в. (Имена существительные). — Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. 5. М., 1962.
- Чиркова Е. К. О критериях отграничения окказиональных слов от новых слов литературного языка. — Современная русская лексикография. Л., 1975.
- Чуковский К. И. От двух до пяти. М., 1956.
- Шанский Н. М. Лексикология современного русского языка. Изд. 2. М., 1972.

² Окказионализмы, сопровождаемые эмоциональной оценкой (типа *каз. арыз-марыз* (собр. ирон. «жалобы (всякие)», *тат. меньшевикларча* «поменьшевикски», *азерб. галлагчыг* «шляпка» и т. п.), являются предметом другой статьи автора.

СЕМАНТИКА, ЭТИМОЛОГИЯ

ТЕОНИМЫ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

В пантеоне карачаевцев и балкарцев прослеживаются исторические пути народа в его религиозных верованиях. На это отчетливо указывают теонимы карачаево-балкарского языка, попытки всестороннего изучения которых с исторической и этнографической точек зрения предпринимались (Лавров, Азаматов, Шаманов и др.), с лингвистической же точки зрения проблема теонимов до сих пор никем не освещена. В настоящей статье затронуты некоторые вопросы карачаево-балкарской теонимики, хотя на исчерпывающее их освещение автор, естественно, не претендует.

Материал карачаево-балкарского языка дает основание утверждать, что карачаевцы и балкарцы исповедовали в прошлом языческие культы, затем христианскую религию и, наконец, — мусульманскую. Доказательством этому служат сохранившиеся в языке имена различных языческих божеств, христианских святых, названия дней недели, месяцев и т. д.

Живя рядом с родственными и неродственными народами, карачаевцы и балкарцы могли часть теонимов и связанных с ними обрядов и обычаев воспринять от соседей. Существуют в языке и теонимы, относящиеся к далекому прошлому.

При изучении культуры того или иного народа, особенно его пантеона, когда нет письменных памятников, экстралингвистические факторы, как указывает Н. И. Толстой, становятся дополнительным источником информации, а в ряде случаев и решающим критерием реконструкции исходного значения слова и его семантической эволюции (Толстой, Толстая, 1978 : 936).

В настоящей статье не затрагиваются названия, связанные

с мусульманской религией, т. к. они пришли в карачаево-балкарский язык сравнительно недавно, — не более двухсот-трехсот лет назад.

Эта лексическая группа, то есть теонимы, ярче всего отражает эволюцию религиозных верований, — являясь самой древней, она может пролить свет и на вопросы этногенеза карачаевцев и балкарцев.

Общезвестно, что любое явление в жизни общества, будь то культура, экономика, делопроизводство и т. д. — отражается в его лексике (ЛСРЛЯ, 1968 : 50). Это относится и к теонимам карачаево-балкарского языка.

Следы язычества и христианских верований, как отмечает Дж. Коков, отмечаются именно в этом пласте лексики (Коков, 1973 : 26).

Самым древним языческим божеством карачаевцев и балкарцев (Карачаевцы, 1978 : 273) как и всех тюркоязычных народов было божество *тейри* с вариантами в других тюркских языках — *тенгри*, *тангри* — бог неба, бог солнца (Антонов, 1973 : 44). Этот теоним встречается во всех тюркских языках. В древнемонгольском — в значении «бог солнца» (Антонов, 1973 : 44). *Тейри*, *тангра* встречаем в памятниках древнетюркской письменности, в частности в памятнике в честь Куль-Теги-на (Малов, 1951 : 27).

Относительно этимологии слова *тейри-тангри*. Н. К. Антонов полагает, что оно сложное, состоит из *танг* — заря + *эр* — муж, воин. *Танграхан* у тюрко-монгольских народов обозначало солнце, являющееся властелином неба, у которого две жены: заря утренняя и заря вечерняя (Антонов, 1973 : 45). Соглашаясь с этим, хотелось бы добавить, что *-и* в конце слова *тейри-тангри* является аффиксом принадлежности (досл. «являющийся властелином неба»).

Карачаевцы и балкарцы употребляют *тейри* как при клятве, так и при проклятии: *тейри*, керти айтама — клянусь, *тейри*, говорю правду; *тейри* урсун сени — чтобы тебя поразил *тейри* и др. (МЛИО, 1978 : 29). По употребительности слово *тейри* несколько не уступает названию бога мусульманской религии — *аллах*.

Правда, сейчас это слово утратило свое религиозное значение и перешло в разряд обычных слов. Вряд ли кто подразумевает, произнося слово *тейри*, бога неба, бога солнца, кроме специалистов, занимающихся этим вопросом. Оно участвует в словопроизводстве: *тейри кбылыч* — «радуга», дословно переводится «меч тейри», «божий меч».

Интересно отметить, что соседи карачаевцев и балкарцев — кабардинцы, осетины, черкесы, грузины, чеченцы, ингуши не употребляют этого термина, что указывает на принадлежность его тюркско-монгольскому ареалу (Лавров, 1939 : 178).

Следующим наиболее распространенным божеством был *Апсаты* «бог охоты». Охота у карачаевцев и балкарцев была основным средством существования, от удачной охоты зависел достаток в доме. Подготовка к охоте проводилась очень тщательно и сам ее процесс сопровождался ритуальными танцами и песнопениями, посвященными *Апсаты*, при этом имя его запрещалось произносить, в противном случае *Апсаты* мог оставить охотников без добычи. Поэтому в песне обращение к *Апсаты* ведется от второго лица (МЛИО, 1978 : 20) :

Танг атады, жаным жашла, туругъуз!
Ажаллыгъа сауут-саба къуругъуз!
Ажаллынг тюбесин аллыма,
Бермесин душман къаалыма,
Берир болсанг, тыя келгин аллыма (МПА 1959 : 40)

Подстрочный перевод:

Рассвет близится, вставайте, друзья!
Снаряжайте на жертву луки-стрелы!
Если жертва мне встретится,
Я такого не желаю даже кровнику.
Если хочешь дать, гони его ко мне.

Культ *Апсаты* был очень распространен среди народов Кавказа, что отразилось в языках: в осетинском — *Афшатэ*, в сванском — *Апсат*, в абхазском — *Азвайпсаа* (Абаев, 1949 : 300).

Относительно происхождения имени *Апсаты* мнения расходятся. Так, Н. Я. Марр считает, что название этого божества пришло с юга, из Фригии и Армении (Марр, 1911:759—774). С этим согласен и В. И. Абаев, отмечавший, что существо ритуала охоты чисто кавказское, возникшее на кавказской почве, в быту кавказских народов (Абаев, 1949 : 300).

С. Байчоров видит в основе слова сложное образование, объясняющееся на тюркской почве — аб|ап|ав|уу — «охота» во всех тюркских языках, сат «священный» + ы аффикс принадлежности, т. е. священная охота. Утверждая, что «сат» означает «священный», исследователь приводит имя героини нартского эпоса — Сатаны|Сатаней—священная мать. Упоминает С. Байчоров и о самостоятельном употреблении слова «сат» — сат Къуба бийче — священная госпожа Куба (Байчоров, ТРНЕ). Действительно, слово сат — «священник», встречается в тибетском языке. Единственное возражение Байчорову основывается

на том, что в тюркских языках в словосочетаниях определение всегда занимает препозицию, то есть слово должно было бы иметь форму сатаб|сатав|сатуу и т. д.

В древнетюркском языке бытует слово *Satabis*, заимствованное из санскрита *Satabis* aj, обозначающее одно из 28 созвездий лунного зодиака (ДТС, 1969 : 490).

Общеизвестно, что космогонические названия часто переносились на земные предметы и наоборот. Не исключена возможность, что слово это проникло через тюркскую среду. Есть и еще одно доказательство: Апсаты — бог охоты — появляется в образе длиннорогого оленя, а его дочь Фатимат (Байдымат) — в образе прекрасной лани, которые фигурируют обычно в восточных памятниках. Дочь Апсаты — Фатимат (Байдымат) — охранительница всех диких животных. Если она проклянет охотника, он обязательно погибнет. Ярким примером может служить песня о Бийнёгере, которого она прокляла за то, что он хотел добыть молоко белой лани для больного брата, и герой погибает, несмотря на все старания брата и односельчан спасти его.

Теоним *Раубазы* встречается только в Черекском ущелье Кабардино-Балкарской АССР, в одном лишь селении Ышканты. Именуется так обыкновенное грушевое дерево, которому поклонялись, делали жертвоприношения, приносили еду. У *Раубазы* просили послать дождь, бездетным — детей, у кого пропал скот, чтобы нашелся и т. д.

Это слово отмечено в топонимическом словаре Дж. Кокова и С. Шахмурзаева (Коков, Шахмурзаев), в котором, однако, ничего не сказано о его этимологии.

Поклонение тюркских и других народов деревьям, огню, животным известно издревле. Еще во времена Батыя об этом писали путешественники, посещавшие ханскую ставку: «От всех русских князей, прибывших к Батыю, требовалось, чтобы они прошли к хану между кострами (очищение огнем), поклонились кусту, идолам, огню, солнцу (ПВСКР, 1957 : 31).

Этимологией слова *Раубазы* никто не занимался, и мы здесь делаем такую попытку.

В древнетюркском языке встречается слово *Rivadi*, заимствованное из санскрита *Rivati*, обозначающее одно из 28 созвездий лунного зодиака (ДТС, 1969 : 476). По нашему предположению, оно могло трансформироваться следующим образом: *Rivati* санск. → *Rivadi* древнетюрк. → *Раубазы* балк. Подобные звуковые переходы вполне объяснимы на тюркской основе.

Видимо, между древнетюркскими *Апсаты* — *Satabis*, *Раубазы* — *Rivadi*, которые соответственно произошли от санскритско-

го, означающими названия звезд лунного зодиака, есть прямая связь. Первоначально они могли выполнять роль названий звезд лунного зодиака, а затем стали использоваться как названия божеств, деревьев и животных.

Эмеген — у карачаевцев и балкарцев — женщина-великан. Образ отрицательный, олицетворяющий собой силу, враждебную человеку, человеческой воле, особенно воле мужчины, она подчиняется, если последний незаметно прикоснется к ее груди губами. В качестве божества у карачаевцев и балкарцев она, видимо, не выступает, но смело можно утверждать, что когда-то считалась божеством, о чем свидетельствуют ее огромная сила и постоянное занятие — с огромной иглой в руках она зашивает нитками земные трещины. Обычно она покровительствует мужчинам. Слово *эмеген* (в значении женщина-великан) встречается почти во всех тюркских языках, куда, видимо, проникло из монгольского языка, в котором обозначает богиню детей, гения-хранителя дома (Антонов, 1973 : 47).

Хозяйкой рек и вообще воды считалась *суу анасы* (мать воды); мужской вариант — *суу атасы* (отец воды). Был еще Сюердин — хозяин воды. С этимологической точки зрения *суу анасы*, *суу атасы* весьма прозрачны — *суу* «вода» + *анасы* «мать ее», *суу атасы* «бог воды» (*суу* «вода» + *атасы* «отец ее»). В слове Сюердин, несомненно, являющемся сложным словом, на что указывает его структура, что несвойственно древнетюркским основам, наличествует часть — *суу*, *сю* — «вода» + *эр* «хозяин, воин — хозяин воды». Этим божествам приписывали и спасение утопающих, и стремление топить людей (Лавров, 1969 : 107). В слове *суу* звук *у* превратился в *ю* под влиянием следующего звука *э*.

Нельзя согласиться с мнением Л. И. Лаврова, утверждающего, вопреки мнению многих исследователей, что в пантеоне карачаево-балкарского народа не было таких божеств, как *Эрирей*, *Долай*, *Дауле* (МЛИО, 1978 : 27—28). Л. И. Лавров считает, что припевы песен *Эрирей* и *Долай* были приняты за названия самих божеств, в то время как резонно предположить и обратное, то есть что названия божеств со временем стали припевами-обращениями. Это подтверждается и последними изысканиями (Лайпанов, 1957 : 31—32), согласно которым *Эрирей* — бог труда — о нем и поется в песне, его просят, чтобы он помог быстро и хорошо завершить работу. Х. О. Лайпанов, основываясь на фольклорных данных, считает, что *Эрирей* — бог молотбы, а И. М. Шаманов называет его богом хлебов, основываясь на том, что девушки и юпоши в этот праздник ходили по

дворам с песней в честь окончания хозяйственных работ (Шаманов, 1971 : 113—114). В структуре слова наличествует часть *эр* — мужчина, воин, *ирей* — видимо, словообразовательный аффикс. *Долай* — бог урожая, изобилия. Песня, посвященная *Долаю*, поется во время уборки урожая. Этимология слова нам представляется следующей. Слово состоит из двух частей *Долу*, *толу* «полный» + *ай* «месяц».

Голлу тоже является божеством урожая, о чем свидетельствуют данные специальной экспедиции. *Голлу* — древний праздник, который длился подряд несколько дней и ночей. В одну из последних ночей совершались поминки по предкам: пекли пироги, резали баранов, лучшие куски из приготовленного оставлялись умершим, которые якобы выходят в эту ночь из своих могил и, если их умилостивить пищей, можно летом ожидать хорошего урожая (ОПБК, 1960 : 132). *Голлу* этимологизируется следующим образом: *Гол*||*кзол* «рука», *-лу* — аффикс принадлежности. *Голлу* «с рукой, или имеющий руку».

Барым||*Байрым* — это название дня недели — пятницы и название месяца (февраля). Культ божества *Байрыма* (*байрам* у балкарцев) был очень распространен, примерно так же, как *Тейри* (*Тангра*). Принося *Байраму* различные подарки, просители, особенно бездетные женщины, молили его, чтобы он послал им ребенка или обращались к нему с другими просьбами. Относительно происхождения слова мнения расходятся. А. Н. Самойлович предполагал, что оно связано с мусульманской религией (Самойлович, 1923 : 110). К. М. Мусаев связывает его с христианством, возводя его к дню св. Марии (Мусаев, 1975 : 271). Ни тот, ни другой, по нашему мнению, не правы. И вот почему. Во-первых, слово *Байрам*||*Байрым* встречается почти во всех тюркских языках — тюрк., тур., азерб., гаг., кар.-балк., ног., кум., баш., узб., уйг. В киргизском и татарском оно бытует в форме *майрам*||*мейрам*, в диалектах алтайского языка встречается в форме *байры*. Во-вторых, основа слова *бай* «богатый», *-ыр* глаголообразующий аффикс и *-ам*, *-ым* формообразующие аффиксы. Наличие этого слова в словаре М. Кашгарского в форме *базрам*||*байрам* ослабляет персидскую версию происхождения слова (Севортян, 1978 : 35). Поэтому название божества *Байрым*||*Байрам* относится к дохристианской, а тем более к до-мусульманской эпохе, т. е. к эпохе язычества. Подтверждается это и последними изысканиями в области этимологии слова «бай» в алтайском языке (Кудачина, 1980 : 83—84).

Чоппа, по предположению И. М. Шаманова — божество, связанное с обрядами, проводимыми у священных камней, так

называемый *Чоппаны ташы* «Камень Чоппы». Жертвенного козленка называли «козлепком Чоппы» — *Чоппаны улаггы* и носили вокруг камня (Карачаевцы, 1978:275). Однако вызывает недоумение текст песни о *Чоппе*. Пели ее хором, взявшись за руки и пританцовывая. В тексте упоминается, что главное богатство у *Чоппы*, что море, а поющие просят у него двойню.

Ойра, Чоппа, сени байлыгынг — тенгиз.

Ойра, Чоппа, биз тилеген а — эгиз.

Видимо, изначально *Чоппа*, все-таки, был божеством моря (МЛИО, 1978 : 25), что указывает на его более древнее происхождение. По этимологии *Чоппа* — сложное слово, состоящее из двух слов *Чоп||Чён* «былинка», «стебель растения» + *ана* «мать», «богиня растительности».

Значение *ана* «мать» находим и в названии другого божества — *Тепана*. Это божество связано с земледелием (МЛИО, 1978 : 25). Относительно первой части можно только предполагать, что это глагол побуждения *теп* — «двигайся», «помоги», *ана* «мать» — (досл. «Помоги, мать»).

Божество *Озай* и песня, посвященная ему, тоже связаны с земледелием, но этот праздник отмечается в ноябре, когда весь скот возвращается с гор и весь урожай уже собран в закрома (МЛИО, 1978 : 147), в семье достаток. Этимология слова связана со словом *ай* «месяц», «луна». *Оз* «проходить», «пройти» + *ай* «месяц» (досл. «пройдет месяц»). Видимо, со словом *ай* связаны названия и других божеств карачаево-балкарского пантеона. Таких, как *Аймуш*, *Долай* и упоминавшееся *Озай*. Несомненно связь, существующая между небесными светилами, приведенными теонимами.

В карачаево-балкарском пантеоне есть бог *Аймуш*, который появляется в образе «золоторогого барана», покровителя овец (Карачаевцы, 1978 : 275). В составе слова, как отмечалось выше, наличествует основа *ай* «луна», «месяц» + словообразовательный аффикс *-муш||-мыш*. Этот теоним может быть сопоставлен с именем адыгского покровителя овец *Емиша*.

Широко было распространено у карачаевцев и балкарцев поклонение камню. Так, Л. И. Лавров со ссылкой на А. Х. Соттаева (1960 : 248) отмечает поклонение камню «*къарындашла ташы*» — в Балкарском ущелье, камень братьев; в Чегемском ущелье был «священный» камень *Абсолту*, там же камни — *Аштотур*, *Байрам таш* и др. У *Аштотура*, например, устраивали жертвоприношения в честь достижения совершеннолетия. Проходя мимо *Аштотура*, всадник обязательно спешивался (Лавров, 1969 : 107). С этимологической точки зрения *къарындашла*

ташы не вызывает особых затруднений *къарындаш* «братья» + *таш* «камень» + *ы* аффикс принадлежности — «камень братьев»

Аштотур — сложное слово, первая часть которого *аш* «еда» + *тотур* «федор», в честь св. Федора (Мусаев, 1975 : 275). *Байрам таш* — *Байрам* — покровитель праздников + *таш* «камень» в честь покровителя. Само слово *Байрам* произошло от *бай*, обозначающего покровителя, родоначальника, предка + *ырым* — аффикс словообразования (Кудачина, 1980 : 82).

К божествам, связанным с явлениями природы, относятся *Элия* и *Шибиля* (шыбыла). Они считались покровителями урожая, высоких трав и влаги (Лавров, 1969 : 108). Если будет дождь, будет влага, будет влага — будет урожай, будут корма — будет развиваться скотоводство. Поэтому еще Г. Ю. Клапрот писал о почитании *Элия* карачаевцами и балкарцами: «Они уверяют, что он (*Элия*) часто показывается на вершинах гор и ему с пениями и танцами приносят в жертву ягнят, молоко, масло, сыр, пиво (*сыра*) (Клапрот, 1812 : 507). Из тюркских языков встречается только в карачаево-балкарском, куда проникло вместе с христианской религией — пророк Илия, Илия-громовержец. *Шибиля* (*Шыбыла*) — бог молнии. В этом значении встречается и в адыгских языках, видимо, оттуда и проникло в карачаево-балкарский (Коков, 1973 : 27).

Следы христианского пантеона в карачаево-балкарском языке сохранились в названиях дней недели и месяцев. Как известно, у тюркских народов девятьсот лет тому назад, как отмечает М. Кашгарский в своем знаменитом словаре, не было названий дней недели, потому что неделя стала известна после прихода ислама (Кашгарский, 1960 : 333). Видимо, этим и объясняется такое смешение влияний различных религий в названиях дней недели, хотя чисто мусульманских названий в карачаево-балкарском языке нет. Связаны с христианской религией названия *георге* (*гюрге*) *кюн* «день св. Георгия», *барас кюн* «день св. Прасковьи», *шабат кюн* «суббота из иудейской религии»; *баш кюн* «понедельник», *дрта кюн* «четверг», *байрым кюн* «пятница», *ыйых кюн* «воскресенье». Последние три названия — из тюркских языков. Например, название *ыйых кюн* «воскресенье» — П. Ангонов выводит из *Айых*, т. е. *ай* «месяц, праздник месяца ай», а затем оно перешло на день недели. С этим трудно не согласиться.

Явление это наблюдается и в названиях месяцев: *тотур ай* «месяц св. Федора», у осетин встречается как название божества и праздника, *Башил ай* «месяц Василия Блаженного», *Никкол ай* «месяц св. Николая», а у осетин название божества и празд-

ника, *Апыстол*||*Абыстол ай* «месяц апостолов Петра и Павла» (Антонов, 1973 : 40).

Кроме того, в языке сохранились названия различных демонов, оборотней, колдунов, ведьм, которые близки к теонимам: *Алмосту*, *агъач киши* «лесной человек», *ибилис* «человек-колдун» — в якутском; *илбис* «колдовская сила», «очарованне» — в монгольском (Антонов, 1973 : 40).

Карачаевцы и балкарцы верили в существование *юй иеси* «хозяина дома», «домового», для которого специально оставлялась пища — айран и другая снедь. Например, такой хозяин дома был, по преданию, у Ульбашевых в Верхней Балкарии. Они называли его *сызгырычу* — свистун; он съедал продукты, выпивал айран, сметану. Старейшины фамилии собрались на тайный совет и решили тайно от *сызгырычу* переселиться в Кашхатау. Под конец совета свистун подал свой голос: «Вы думаете я не найду дорогу в Капхатау». После этого старики решили, что им не избавиться от свистуна и стали всячески ублажать его.

Таким образом, в пантеоне карачаево-балкарского языка сосредоточен обширный и древний пласт лексики.

По названиям божеств можно судить о том, какие религиозные верования были у карачаевцев и балкарцев в прошлом.

По распространенности того или иного теонима в тюркских и нетюркских языках можно судить о его движении (*Тейри*, *Тангра*, *Раубазы*, *Ансаты*) и др.

По данным языка можно сделать вывод, что карачаевцы и балкарцы в прошлом поклонялись языческим божествам, затем приняли христианство и, наконец, — мусульманство.

Карачаево-балкарские теонимы по своей морфологической структуре в основном представляют сложные образования (*Тейри*, *Долай*, *Сюердин*, *Озай*, *Тепана* и др.)

Семантически большинство названий божеств связано с названиями космических тел — звезд, луны, солнца, неба и др.

По происхождению теонимы, главным образом, тюркские (*Тейри*, *Долай*, *Сюердин*, *Озай*, *Тепана* и др.) и заимствованные из других языков. *Ансаты*, *Раубазы* — из санскрита, *Шибиля* — из кабардинского, *Элия* — из греческого.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М., 1949.
Антонов Н. К. Исследования по исторической лексике якутского языка. Якутск, 1973.
Байчоров С. Я. Тюркские рунические надписи Европы (рукопись).
Грамматика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1976 (ГКБЯ).

- Древнетюркский словарь. М.—Л., 1969 (ДТС).
- Карачаевцы. Черкесск, 1978.
- Кашгарский М. Девану дугат иг турк, т. I, Ташкент, 1960.
- Коков Дж. Н. Вопросы адыгской (черкесской) антропологии. Нальчик, 1973.
- Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О. Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
- Кудачина Н. К этимологии слова «бай» в алтайских языках. — Сов. тюркология, 1980, № 5.
- Лавров Л. И. Из поездки в Балкарию.—Сов. этнография. 1939, № 2.
- Лавров Л. И. Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — Кавказский этнографический сборник. М.—Л., 1969, № 4.
- Лайпанов Х. О. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957.
- Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. (ЛСРЛЯ).
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
- Малкъар литератураны историясыны очерклерин. Нальчик, 1978 (МЛИО).
- Марр Н. Я. Франко-армянский Sabasios-aswac' и сванское божество охоты. — Известия Академии Наук СССР, 1912.
- Материалы и исследования по истории карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1959 (МИИКБ).
- Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (Западно-кавказская группа). М., 1975.
- Путешествие в восточные страны Плато Карпини и Рубрука. М., 1957 (ПВСКР).
- Соттаев А. Х. Некоторые вопросы истории балкарского языка. — О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960 (ОПЕК).
- Самойлович А. Н. Названия дней недели у турецких народов. — Яфетический сборник, 1923, № 2, Ч. 2.
- Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Обще-тюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978.
- Толстой Н. И., Толстая С. М. К реконструкции древне-славянской духовной культуры. — Славянское языкознание, VIII съезд славистов. М., 1978.
- Шаманов И. М. Пародный календарь карачаевцев. — Сов. этнография. М., 1971, № 5.
- Klaproth J. Reise in den Kaukasus und Georgien. Bd. I. Hallund. Berlin, 1812.

ГЛАГОЛЫ С ДЕСЕМАНТИЗИРОВАННЫМИ МОРФЕМАМИ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Историческое развитие лексики любого языка, как известно, сопровождается различными процессами: развитием значений слов, возникновением новых лексических единиц, превращением отдельных слов в архаизмы, лексикализацией определенных типов словосочетаний или отдельных значений слов, или же формы такой единицы, десемантизацией его отдельных морфем и т. п.

Из всех вопросов тюркского языкознания менее всего изучен последний: десемантизация отдельных морфем слова. Это явление характерно для всех языков, в том числе и для карачаево-балкарского. Изменению семантики подвергаются как корневые, так и аффиксальные морфемы слова. Последние на определенном этапе развития языка сливаются или срастаются с корнем слова. В результате такого срастания аффиксальная морфема теряет свое значение. В данном случае речь идет о глаголе. Аффиксальная морфема глагола при срастании с корнем теряет свое значение (залоговое, словообразовательное) и образует вторичный корень (или основу), который часто становится простым знаком того же значения, которое выражалось первичным корнем или приобретает близкое к нему значение. Например, аффиксы глаголов *эшит* «слышать», «услышать» -*и(т)*, *олтур* «сидеть», «сесть», «садиться» -*дур (-тур)* в современном карачаево-балкарском языке ни словообразовательного, ни залогового значения не имеют. Их указанные значения совпадают со значениями корневых морфем полностью или частично: *эш-* «слышать», «услышать», *ол-* «сидеть». В карачаево-балкарском

языке эти корни и их значения не сохранились. Иногда за вторичным корнем закрепляется его переносное значение.

Иногда корневая морфема теряет свое исходное значение и приобретает вместе с сросшимся с ним залоговым аффиксом общезалоговое значение. Таковы, например, глаголы *ары-* «быть чистым», «очищаться», *ил-* «цеплять», «зацеплять», «подцеплять». Их производные *арыт-* и *илин-* соответственно обозначают «чистить», «очищать» и «цепляться», «прицепляться». В них сейчас не ощущается ни значение понудительности (в *арыт-*), ни возвратности (в *илин-*).

Явление десемантизации морфем глагола в тюркских языках и прежде привлекало внимание лингвистов, однако специально не изучалось. В отдельных случаях этот вопрос рассматривался в связи с изучением различных аспектов языка. Видимо, этим можно объяснить отсутствие в таких работах определенного термина, отражающего сущность этого факта языка. Отсутствует также этимологический элемент в исследовании указанных типов глаголов. Термин «десемантизация» стал применяться в этом смысле в последнее десятилетие. Ранее процесс десемантизации морфем тюркских глаголов обозначали по-разному. Напр., встречаются такие определения, как «выветривание», «вымирание» и т. п. значения аффиксальной морфемы. Н. К. Дмитриев, исследуя семантику глагола *айт-*, писал, что он является вторичной формой и распадается на корень *ай-* и аффикс понудительного залога *-т*. «Однако, — замечает он, — как и в некоторых других (правда, редко) случаях, содержание понудительного залога здесь давно уже «выветрилось» (Дмитриев и другие, 1952 : 204). А. А. Юлдашев, говоря об изменении значения некоторой части односложных глаголов, подчеркивает, что они представляют собой омертвевшие формы когда-то производных основ. Эти глаголы распадаются на корневую морфему и звук, который на современном этапе языка неотделим от корня и не имеет самостоятельного значения, хотя генетически является словобразовательным элементом (Юлдашев, 1958 : 24).

Некоторые лингвисты отмечают лишь факт утраты морфемой глагола своего значения, не определяя это никаким термином (ввиду того, что данная тема специально ими не рассматривается). Например, Э. Р. Тенишев пишет, что глагол *кэайт-* в современных языках — есть глагольный корень *кэай-* в форме понудительного залога, показатель которой утратил свое залоговое значение и слился с корнем, образовав вторичную основу (Тенишев, 1961 : 240).

Имеется также понятие о «вымирании» залоговой формы глагола. А. Г. Гулямов, объясняя происхождение слов *айт-*, *арт-*, *къайт-* от их понудительных *айыт-*, *арыт-*, *къайыт-*, пишет что в последних «вымерла» залоговая форма (Гулямов, 1963 : 79).

Потерю значения понудительности, возвратности и т. п. в некоторых глаголах в азербайджанском, а также в других тюркских языках, Э. В. Севортян называл «процессом эволюции значения» или «случаем возвращения» к семантике исходного глагола (Севортян, 1962 : 524—525). Однако уже в «Этимологическом словаре тюркских языков» используется термин «десемантизация» для обозначения явления, связанного с погерей аффиксальной морфемой своего значения (Севортян, 1974 : 268).

Таким образом, лингвисты, впервые обратившие внимание на десемантизацию показателей залогов, не смогли дать этому явлению точного терминологического определения. Теперь термин десемантизация широко употребляется в тюркском языкознании.

Десемантизацию глагольных морфем, особенно аффиксов понудительности, возвратности и т. п., лингвисты объясняют разными причинами. В одних случаях первоначальное значение изменялось под влиянием древней словообразовательной функции аффиксов понудительности, возвратности и т. п. В других случаях это связывается с тем, что исходный глагол исторически был нейтрален к категории переходности — непереходности. И средствами разграничения переходных глаголов от непереходных явились аффиксы понудительности и возвратности, которые закрепляли за исходным глаголом определенные значения (Севортян, 1962 : 524—526; Юлдашев, 1958 : 94, 98). Десемантизация значений морфем глаголов связывается также с метафоризацией и обобщением значения корня или его возвратной формы, или закреплением за такой формой отдельных значений корня (Севортян, 1962 : 489, 490). Существуют и другие взгляды на причину десемантизации показателей залоговой формы глагола. Некоторые лингвисты причину потери семантики показателями таких форм глагола объясняют употреблением в одинаковом смысле корневой и залоговой формы. Так, например, А. Г. Гулямов объясняет десемантизацию понудительной формы глагола *ай-* «говорить» (Гулямов, 1963 : 79). Действительно, в памятниках древнетюркской письменности *ай-* и его понудительная форма *айыт*, *-айт-* встречаются рядом и имеют одно и то же значение: «говорить» (Малов, 1941 : 355—356). Таким образом, потеря значения показателя залоговости происходит под влиянием ряда причин.

Десемантизированный и сросшийся с глагольным корнем аффикс понудительности и каузативности (который в древности применялся со словообразовательной целью), если глагол оканчивался на согласную, имел формы *-ыт*, *-ут*, *-ит*, *-ют*. Глаголы *айт-* «говорить», «сообщать»; *кбайт-* «возвращаться», «вернуться»; *арт-* «чистить» и «очищать», *элт-* «нести», «относить», «уносить», «брать с собой», «отвозить», «доставлять» и другие имели в древности форму *айыт-*, *кбайыт-*, *арыт-*, *элит-*. Причину выпадения гласной в словах типа *айыт-*, *кбайыт-* и т. п. объяснить трудно, однако такие попытки имеются. Так, Гулямов утверждает, что «причиной этого явления в данном случае, пожалуй, является то, что звуки *й* и *р*, по известной причине в слогостроении, в звукосочетании иногда выступают как гласный звук» (Гулямов, 1963 : 79). Другие исследователи появление таких форм связывают с редукцией гласного в многосложном слове. В древности в тюркских языках ударение предположительно падало на первый слог (Кононов, 1949 : 41). Это тоже возможно, так как большинство тюркских корней были односложными и, вероятно, сохраняли свое ударение в производных основах, что могло способствовать редукции гласного аффикса.

Десемантизации подвергались морфемы не только глаголов в формах понудительности и возвратности, но и морфемы глаголов во взаимно-совместном залоге, а также медиальный и учащательный или интенсивной формы. Таковыми являются, например, глаголы *ёчеи-* «спорить», *ёкюн-* «раскаиваться», «сожалеть», *ышы-* «тереть», «потереть», *ашыкџ-* «спешить», «торопиться» и т. д.

Процесс десемантизации глагольных морфем карачаево-балкарского языка можно разделить на два периода. Первый из них относится к древней или общетюркской эпохе, где в языке древне-тюркских письменных памятников зафиксированы корневые слова и их производные формы с десемантизированными аффиксальными морфемами. В большинстве случаев лексическое значение производной основы совпадает со значением корневой морфемы. Так, например, корневая морфема *жыл-* (*жылы-*) и производная (возвратная) *жылын-* имеют одинаковое значение «становиться теплым», «согреться», «разогреться», «теплеть». Формы *жыл-* (*жылы-*) со своими указанными значениями в карачаево-балкарском языке не сохранились. Их значение в данном языке может быть восстановлено по данным других языков или древних письменных памятников тюркских языков. Глагол *жыл-* «теплеть», «разогреться» сохраняется в казахском языке (каз-рс, 1954 : 182), его форма *жылы-*

«согреться» встречается в словаре Махмуда Кашгарского (ДТС, 1969 : 266).

Второй период относится ко времени самостоятельного существования и развития карачаево-балкарского языка. Правда, еще не выяснены все глаголы с десемантизированными морфемами, которые относятся к этому периоду. К ним можно отнести глаголы *кёргиюзт-* «показывать», «показать», *къозут-* «дразнить», *таян-* «опираться», «прислоняться», «облокачиваться», «прилечь», «облокачиваться, опираясь на что-либо» и т. п.

Рассматриваемому процессу чаще всего подвергались понудительные формы глагола. Этим и объясняется тот факт, что их гораздо больше, чем форм глаголов других залогов.

В данной статье приведены не все, а только ряд глаголов с десемантизированными морфемами. В анализируемых глаголах в большинстве случаев рассматриваются основные, первичные значения.

Глаголы с десемантизированными морфемами понудительности. *Айт-* «говорить», «сказать», «рассказать». Корневую морфему этого глагола мы находим в памятниках древнетюркской письменности и в некоторых современных языках и их диалектах. Она имеет форму *ай-* (Малов, 1951 : 355; ДТС, 25; уйг. рс, 1968 : 60; Баскаков, 1972 : 198). *Айт-* является производной понудительной формой *ай-*. Значение *айт-* то же, что и *ай-*. Корень *ай-* в карачаево-балкарском языке не сохранился, его значение сохранилось в *айт-*. Например: *Жукъ айтмай*, *Сурат сагъышлы къарамын сохталагъа бурду*. — *Сурат*, ничего не сказав, направила свой задумчивый взгляд на учащихся. *Салпагъарланы К. Кёксюл кёзлеуле*, 84. **Айыр-** «отделять», «разделять», «разъединять», «раздваивать», «отличать», «различать», «разлучать». Эти значения являются древнейшими. Корнем данного глагола является *ай-*, *атһ-*, *ад-*, *ат-*, который вычленяется из слов *адыр*, *атһыр*, *айырыш*, *атрыл*, зафиксированных в памятниках древнетюркской письменности (ДТС, 11, 15, 30, 68). Исходным значением считается «разделять», «разделяться», «раздваиваться», «раздваивать» (Севортян, 1974 : 115). В карачаево-балкарском языке сам корень с указанными значениями не сохранился. *Азамат бузруну айырды* да, оруннга уруп, кеси юйге кирди. — *Азамат* отделил теленка, загнал в сарай, а сам зашел в дом. *А. Тёпеев*, *Отлукъ ташла*, 66. *Алай бла саз топуракъны юзмеден айырдыкъ*. — Таким образом, мы отделили песок от глины. «Шуёхлукъ»; № 37, 63. *Эки элни бир биринден черек айырады*. — Эти два селения друг от друга разделяет река. «Коммунизмге жол». **Арыт-** «чистить», «очищать». Корневая морфема и

ее значение в карачаево-балкарском языке не сохранились. Аффиксальная морфема, как и в других глаголах, потеряла свое первоначальное значение и в современном состоянии понудительности не выражает. Корневая морфема *ары-* имела значение «очищаться» (ДТС, 51) «быть чистым» (Малов, 1951 : 330). Значение «чистить», «быть чистым» встречаются и в словаре Махмуда Кашгарского (Севортян, 1962 : 463).

Таким образом, глагол *ары-* имеет и переходное, и возвратное значения. В десемантизированной понудительной форме сохранилось только переходное значение. Студентле, сындырып, *арытып* жыйгъан партюкюю юч машина да ташыи жетишдирелмейдиле. — Кукурузу, которую студенты убиралн (очистив), не успевали вывозить даже на трех машинах. Хубийлаан О. Аманат, 206. (Студентле) Кими юсюнден мырхыкъларын *арыта*, кими да четенни жамай, тыш азыкны сакълайдыла. — Некоторые (студенты) очищали одежду от репейника, другие чинили свои корзины, ожидая обед. «Шуёхлукъ», № 15, 108. *Ечюр* — «гасить», «погасить». Корневой морфемой является *ёч-* «гаснуть», «погаснуть» (ДТС, 376; Севортян, 1974 : 560), «гасить» (Радлов, 1893, 1 : 1285; Рясянен, 1969 : 368а).

В древних языках встречаются все залоговые формы глагола *ёч-*: *ёчюр* — понудительная, *ёчюл* — страдательная (ДТС, 376). Эти же формы имеются в современном карачаево-балкарском языке, однако корень *ёч-*, хотя его можно выделить из приведенных форм, со своими указанными значениями не сохранился. (Ибрагим) энишге ийиллип, аз-маз жана тургъан патеген чыракны *ёчюрдю*. — (Ибрагим) наклонился и потушил еле горевшую керосиновую лампу. Б. Гуртуев. Жангы талисман, 16. **Ийир-** «прясть», «сучить». Для *ийир-* исходными являются значения «крутить», «кружить», «вращать», «поворачивать», «вращаться», «повертывать», «повертываться». Значение же «прясть», «сучить» вторичные, обобщенные (Севортян, 1974 : 229). *Ийир-* в древних языках имел формы *егир-*, *екир-*, *игир-* (ДТС, 166, 168, 204). Из них вычленяется корень *ег-*, *ек-*, *иг-*. Карачаево-балкарский *ийир-* развился из *иг-*. Корень *ий-* со значением «прясть» зафиксирован в Еттюхфете (Аталай, 1945 : 180). Здесь значения корневой и производной основ совпадают. Закрепление за *ийир-* значений *ий* — «прясть», «сучить» можно объяснить стремлением языка избавиться от синкретизма именного корня *ий* (от *иг* «веретено») (ДТС, 260) со значением «веретено», который в карачаево-балкарском языке утрачен и глагольного корня *ий-* «прясть», «сучить». Къолайлы къошунбаш юйню жанында акътереклени сернуюнуне кысылып, орта

жашаулу эки кьатын урчукъ *ийиредиле*. — Около добротного покрытого черепицей дома под прохладной тенью тополей сидят две женщины средних лет и прядут шерсть. «Шуёхлукъ», № 43, 87. **Жашыр-** «прятать», «спрятать», «укрывать», «укрыть». Производящая основа глагола *жашыр-жаш-||йаш-* (ДТС, 246) имела значение «скрываться», «скрыться», «прятаться», «спрятаться». Как и в случаях с другими глаголами корень *жаш-* со своими значениями «скрываться», «прятаться» не сохранился. Формально корневую морфему *жаш-* можно и выделить, однако она в настоящее время сама по себе никакой семантики не несет. (Хашир устазлагъа:) Бизни жангыз бирибиз не билимни, не сыпамын, не усталыгъын кьалгъанладаи *жашырмазгъа* керекди. — (Хашир учителям:) Ни один из нас не должен скрывать свои знания, опыт, мастерство от других. Хубийланы О. Жукъусуз кечеле, 172. **Жулкъ-** «рвать», «вырывать», «выщипывать», «выщипать», «выдергивать», «выдернуть». происходит от глагола *жул* — с теми же значениями. В карачево-балкарском языке основа *жул-* утрачена. Однако ее можно восстановить, используя данные других тюркских языков. Например, этот глагол в форме *жул-* с указанными значениями существует в казахском языке (каз. рс, 1954 : 187). В хакасском языке он имеет форму *чул-* (хак. рс, 1953 : 323). Аффикс (-ы)къ здесь, как и в некоторых других глаголах, имел понудительное и каузативное значение (Кормушин, 1978 : 44). Темуркъа афендини айтханын Семённге айтыргъа кюрешеди..., айтханын Семён ангыламаса уа, ачудан узалып кырдыкны *жулкъады*. — Темуркъа старается передать Семену то, что говорит мулла, когда же Семен его не понимает, он от злости рвет траву. Аппаланы Х. Къара кюбюр, 144. (Дауут Хохалайгъа:) Чап, сен тюкеннге, мен эки къаз *жулкъайым* эрлей. — (Дауут Хохалаю:) Ты беги в магазин, а я быстро выщиплю двух гусей. Батчаланы М. Элчилерим, 45. **Жырт-** «рвать», «разрывать», «изорвать», «разорвать», «раздирать». Э. Б. Севортян считает, что *жырт-* в азербайджанском языке является производным от *йыр-* с теми же значениями что и *жырт-*, хотя *йыр-* в этом языке сохранился в форме *джыр-* (Севортян, 1962 : 526). Этот глагол в разных языках бытует в разных формах: *йыр-* в турецком, ногайском языках (тур. рс, 1977 : 918; нрс, 1963 : 130), а также в Еттюхфете (Аталай, 1945 : 285), *ир-* в гагаузском (гаг. рс, 1973 : 204), *сиир-* в якутском (як. рс, 1972 : 322), *жыр-* в казахском (каз. рс, 1954 : 184), *чир-* в хакасском (хак. рс, 1953 : 319). В некоторых языках *жыр-||йыр-* имеет отличное от приведенных выше значений. Например, в казахском языке имеет значения «прорывать», «царапать», в хакас-

ском — «откалывать», «сломать что-либо», «рассекать что-либо». В значении «прорывать», «рассекать», «разрезать» в караево-балкарском языке также употребляется глагол *жыр-*, однако здесь он уже потерял связь со своим производным *жырт-*. Сора Хасан, кесини ич кёлегин *жыртыл*, Хажиретин ол окъ тийген жерин байлады. — Потом Хасан разорвал свою нательную рубашку и перевязал рану Хажирету. З. Зокаев. Солуу кюн, 84. Азирет бузоучукъгъа гыржын бурхула келтирин жангы кырдык *жыртыл ашатычу эди...* — Азирет приносил хлебные крохи, рвал свежую траву и кормил ими теленка. «Шуёхлукъ», № 9, 104.

Кётюр- «поднимать», «поднять». В древнетюркских памятниках этот глагол встречается в формах *кёти-* «подниматься» и *кётюр-* «поднимать» (ДТС, 319:320). Несохранившаяся односложная основа-корень восстанавливается в виде *кёт-* «подниматься» (Севортян, 1962:404; Кормушин, 1978:34). С этим можно согласиться, учитывая, что древнетюркские глагольные корни в подавляющем большинстве своем были односложными. Глагол в форме *кёти-* мог иметь учащательное значение. В результате срастания корня *кёт-* с аффиксальной *-(ю)р*, корневая морфема утратила свое исходное значение, а аффиксальная — каузативно-понудительное. Значение «поднимать» на современном этапе развития языка воспринимается как основное или первичное. Тирменчини жашы Мухтаргъа ун тулукъну *кётюрюп* арбагъа салыргъа болушду. — Сын мельника помог Мухтару поднять мешок с мукой и положить на арбу. «Шуёхлукъ», № 17, 83.

Кют- «пасти», «охранять», «следить». Глагол *кю-* встречается в памятниках письма со значением «охранять», «оберегать» (ДТС, 322), а также *кют-* со значением «ожидать». Имеет ли глагол *кют-* в значении «пасти» отношение к древнетюркскому *кю-* и *кют-*? Несмотря на то, что значение «пасти» отсутствует в древних памятниках письменности, можно утверждать, что оно существовало или же явилось результатом дальнейшего развития значения «охранять», «оберегать». А. М. Щербак *кю-* относит к пратюркскому языку со значением «охранять», «беречь», «ожидать», «присматривать», «пасти». Правда, в существовании последнего значения у него нет уверенности. (Щербак, 1970:195). Взаимосвязанность значений «пасти» и «охранять», «беречь», «присматривать» отмечает и В. Г. Егоров, писавший, что *кют-* «пасти», и *кют-* «ожидать» можно считать одного происхождения, ибо пасти — значит ждать, пока скот пасется, пока он насытится». (Егоров, 1964:110—111). Не возражая против

этого, можно сказать, что и значение «присматривать» дает повод к такому заключению. *Кют-* мы рассматриваем вслед за авторами «древнетюркского словаря» и Рясяненем (Рясянен, 1969 : 306а) и другими как производное от *кю-*. Таким образом, *кют-* является десемантизированной понудительной (и каузативной) формой глагола *кю-*. Сюрючю малланы *кютерге* элличинден чыгырып, Уллу кьолну тьбюнден ёрге айландырды. — Пастух вывел скот из села и догнал пасты в ущелье Уллу кол. Х. Кудав. Ол кюнледе, 6.

Къайг- «возвращаться», «возвратиться», «вернуться». Первичная основа этого глагола *къай-* часто встречается в древнетюркских памятниках письменности со значением «поворачиваться», «обворачиваться» (ДТС, 406). Он встречается и в современных языках. В чувашском языке он, правда, имеет, несколько измененное значение по сравнению с данными других тюркских языков, то есть обозначает перемещение, движение куда-либо от места нахождения субъекта, а не к нему (или месту): «идти, уходить»; «ехать», «уезжать», «отправляться» (Егоров, 1964:85; чув. рс, 1961:129). Там же В. Г. Егоров приводит из словаря Махмуда Кашгарского значение *къай-* «вернуться». *Къай-* со значением «обратиться назад» имеется в телеутском диалекте алтайского языка (Радлов, 1889 : II-3). В карачаево-балкарском языке, как и в других тюркских языках, корень *къай-* не сохранился. Указанные значения являются древними, однако по отношению к значению корня они вторичны и развились от него. Жаралы жугъутурну (бёрюден) къутхаргъандан сора, Хашим, жаныуар атмай, юйюне *къайытды*. — Хашим, когда спас тура (от волка), не стал больше охотиться (стрелять) на зверей и вернулся домой. Кязим Мечнев. Сайламалары, 90.

Олтур- «сесть», «садиться», «сидеть». В некоторых языках этот глагол имеет формы *оттур-*, *олур-* и *отур-*. Корневой морфемой является *ол-* со значением «сидеть». Этимологи эволюцию формы понудительности и каузативности восстанавливают в виде *ол-→оттур-→олтур-→отур*. Такая этимология глагола *олтур-* была предложена Б. Вамберн, которой следует и Э. В. Севортьян (Севортьян, 1974 : 491). Этому же мнению придерживался и И. М. Мелноранский. Он также отмечал, что понудительные формы глаголов типа *олтур-*, подвергнувшись процессу десемантизации теряют свои значения, и основы приобретают те же значения, что и корни (Мелноранский, 1905, X, 2 : 91). Малчыла, Азаматны тегерегинден алып, *олтурадыла*. — Скотники садятся во круг Азамата. Ж. Залиханов, «Жаннган жюрекле», 99. Кы-

зыл къатапа тапчанда *олтурган* эр кишини кёлуне «Аппасионата» келди. Мужчина, который сидел на топчане, покрытом красным бархатом, вспомнил «Аппасионату». Байрамукъланы Х. Чолпан, 6.

Сюрт- «теретьь», «втирать», «натирать», «растирать», «мазать», «смазывать», «смазать», «намазывать», «белить». Корень *сюрт-* встречается в турецком языке. Одно из его значений совпадает с вышеприведенным значением (тур. рс, 1977 : 799).

Таким образом, значения производной понудительной формы и здесь сводятся к значениям корня. Корень *сюрт-* в карачаево-балкарском языке и во многих других тюркских языках не сохранился, не ощущается. Вероятно, одним из первичных значений глагола *сюрт-* было «гладить», хотя А. М. Щербак, например, таковыми считает только «теретьь», «втирать», «растирать» (Щербак, 1970 : 1961). По-нашему мнению, эти значения являются вторичными, переносными, возникшими в процессе развития семантики глагола *сюрт-* «гладить». Олсагъат (доктор) Мусосну жарасына, жылы суу бла жуууп, дарман *сюртдю*. — Доктор сразу, обмыв теплой водой, смазал Мусосу рану лекарством. З. Толгуров. Айбуташ, 22. (Тиширыула) орамны ариу этдиле, ишленип бошалгъан юйлени тышларын тытыр бла *сюртдюле* — (Женщины) очистили улицы, побелили наружные стены построенных домов. Ж. Токумаев. Нартланы туудукълары, 44.

Тарт- «тянуть», «тащить». А. М. Щербак полагает, что *тарт-* является корневой первообразной морфемой (Щербак, 1970 : 197). Вероятность того, что *тарт-* производная форма от *тар-* нельзя исключить. В древнетюркских письменных памятниках этот глагол имеет еще и форму *тарыт-* (ДТС, 537). *Тарт-* может быть стяженной формой *тарыт-*. О таких случаях уже говорилось выше. Кроме того, Э. В. Севортян приводит из мордовского языка глагол *тарга-* «тянуть». (Севортян, 1980 : 156). Очевидно, это тюркское заимствование в мордовском языке. Иногда язык сохраняет заимствованное слово без каких-либо существенных изменений. Такое допущение дает возможность связать *тарыт-* и *тарга-* и восстановить корень глагола *тарт-* в виде *тар-*. Таким образом, *тарыт-* (*тарт-*) является понудительной формой глагола *тар-*. Гемуда, сыгъынып тартханлай, арбаны тёрт чархы да жерге батдыла. — Как только Гемуда (конь), напрягшись, потянул арбу, и все четыре колеса ее погрузились в землю и погрязли. «Нартла», 140.

Тюрт- «толкать», «толкнуть». *Тюрт-* имеет несколько фонетических вариантов. В азерб., гаг., туркм. он имеет форму *дюрт-*, в кар. — *тирт-*, в узб. — *турт-*, в чув. — *тёрт-*, в остальных язы-

ках—*тюрт*-. Корень глагола восстанавливается в виде *тюр-||дюр-* со значением «толкать» (Севортян, 1980 : 329). Сабийле отну тегерегин кюршалап, бир бирлерин ары-бери *тюрте*, кьолчукларын жылытадыла. — Дети, став вокруг огня, толкая друг друга туда сюда, греют свои ручки. С. Шахмурзаев. Танг ала-сында, 93.

Тюзет- «равнять», «выравнивать», «выравнять», «выпрямлять», «выпрямить». Корень этого глагола находим в казахском языке, где он имеет форму *тюзе-* со значением «равнять» (каз. рс, 1954 : 363), в киргизском *тюзе-* «исправлять», «выправлять», (кирг. рс, 1963 : 777). Глагол *тюзе-* в свою очередь, образовался от прилагательного *тиоз* со значением «ровный», «гладкий», «прямой». *Тюзет-* исторически понудительная форма глагола *тиозе-*. Ахмат турду, талчыкьгьан аркьасын кючден *тиозетди*. — Ахмат встал и еле выпрямил свою уставшую спину. «Шуёх-лукь», № 13, 67. Кьурушчула, юнню тегерегин тюзетип, асфальт саладыла. Строители, выровняв землю вокруг дома, асфальтируют. «Коммунизмге жол».

Узат- «вытянуть», «протянуть», (руку, ноги, и т. п.), «подавать», «подать». *Узат-* со значением «тянуть» (например, нить), «протягивать» (что-либо к кому-либо), «тянуть», «медлить» и его основа *уза-* со значениями «тянуться», «затянуться» (о деле, удовольствии и т. п.), «удаляться» (от места нахождения), а также фонетический вариант *узат-||узут-* со значениями «удлинять», «затягивать» (дело, работу и т. п.) уже часто употреблялись в памятниках древнетюркской письменности (ДТС, 620—621). В памятниках древнетюркской письменности *узат-* понудительная форма глагола *уза-*. Глагол *уза-* сохранился во многих современных языках, например, в гагаузском (гаг. рс, 1973 : 484), карaimском (кар. рс, 1974 : 573), киргизском (кир. рс, 1965 : 798), тувинском (тув. рс, 1968 : 436), турецком (тур. рс, 1977 : 885), туркменском (туркм. рс, 1968 : 657), узбекском (узб. рс, 1959 : 471) и других.

В карачаево-балкарском и в некоторых других тюркских языках основу *уза-* можно выделить в *узат* и *узат*, однако, значения ее не сохранились. В карачаево-балкарском языке глагол *узат-* со значением «продлится», «затянуться» (его понудительная форма *узайт-*) одного происхождения с *уза-*. *Уза-* же является производным от корня *уз* «длинный» при помощи глаголообразующего аффикса *-а||-ы*. Такую этимологию происхождения глагола *уза-* дает и В. Банг, с которым согласен и Э. В. Севортян (Севортян, 1974 : 571). (Назир кеси кесине:) Букетни Зурумну кесине ким базып *узатырыкьды?* — (Назир сам себе:)

Кто же осмелится подать Зуруму букет? (Салпагъарланы Қ. Қемеуыл, II. Ол (Азамат) эшикден кирип, кьолун *узата*, башлагъанлай, Энвер кьучакълап, аргда кьолун тутду. — Когда он (Азамат) вошел и стал протягивать руку, Энвер сначала обнял его, а потом пожал руку.

Унут- «забывать», «забыть», «предавать забвению». *Унут-* возводится к глаголу *ун-*, который не сохранился (Свортрян, 1974 : 598). *Унут-*, таким образом, понудительная форма от *ун-*, но на современном этапе развития языка таковой не воспринимается, а представляется как первообразное, корневое слово. Туугъан журту ючюн жанларын берген жигитлени биз бир заманда да *унутмабыз*. — Мы никогда не забудем героев, отдавших жизнь за Родину. Х. Кудаяев. Ол кюнледе, 26.

Уят- «будить», «разбудить», «пробуждать». В памятниках древнетюркской письменности употребляются слова *ойгъур-* (ДТС, 365), *одгъур-*, *озгъар-*, *озгъур-* со значением «будить» (ДТС, 362); *одун-* «пробуждаться», «просыпаться» (ДТС, 362), *озун-* и *озул-* со значениями «пробуждаться», «бодрствовать» (ДТС, 363). Из всех этих слов выделяются элементы *ой-*, *од-*, *оз-*, которые, как видно, являются вариантами одного корня. Древнетюркские *д* и *з* почти всегда соответствуют карачаево-балкарскому *й*. Следовательно, *ой* — более близок к карачаево-балкарскому *уй-*, который вычленяется из *уят-* и *уян-* «пробуждаться», «просыпаться». Предполагается, что корень *ой-* || *уй-* || *од-* и т. п. — глагольный и имеет приблизительное значение «бодрствовать» (Свортрян, 1974 : 431). Жамилят сабийлерин *уятыргъа* чыкъды. — Жамилят вышла, чтобы разбудить детей. Х. Қацнев. Тамата, 10.

Ашыр- «проводить», «проводить», «провести». *Ашыр-* является производным от корня *аш-* со значением «переходить», «пересекать», «преодолевать», «переваливать» (через гору, например), который зафиксирован в письменных памятниках (ДТС, 62). Точно с такими или приблизительно с такими значениями *аш-* имеется в ряде тюркских языков: азербайджанском, туркменском, турецком, гагаузском, караимском, тувинском, узбекском, уйгурском и якутском. Основные значения — «переходить», «переправляться». В карачаево-балкарском варианте значение *ашыр-* расходится со значением древнетюркского корня, однако оно является результатом развития значений этого корня. Экинчи кюн устазла Суфиятны Москвагъа *ашыра* чыкъдыла. — На второй день учителя вышли проводить Суфият в Москву. Хубийланы О. Жукъусуз кечеле, 108.

Элт- «нести», «отнести», «относить», «отвозить», «отвезти»,

«доставлять», «доставить», «уносить», «унести», «вести» (брать с собой). В памятниках письма встречаются формы *элт-* и *элит-* (ДТС, 171), *елет-* (ДТС, 169) со значением «нести», «тащить», «вести», «уводить». Глагол *элт-* образовался с помощью аффикса понудительности *-(а)т* от корневого глагола *-эл-* «носить», «относить», «отвозить», «доставлять», «привозить» (Фазылов, 1966 : 169). *Эл-* имеет также и значение «приближаться» (Малов, 1951 : 363). В карачаево-балкарском языке корень *эл-* не сохранился, десемантизировался и аффикс понудительности *-т*, и слово *элт-* воспринимается как простое непронизводное. Зухура аны (жашчыкны) тетрадын *элтин* аллына салды. — Зухура его (мальчика) тетрадь отнесла и положила перед ним. Хубийланы О. Жукъусуз кечеле, 240. Къонакны *элтген* отоулары асыры омакъдан, кёзю къаматырчады. — Комната, куда привели гостя, была так красиво убрана, что, казалось, ослепит глаза. М. Шаваева. Мурат, 7.

Эг- «делать», «сделать», «производить», «произвести», «совершать», «совершить», «исполнять», «исполнить», «создавать», «создать». *Эт-* рассматривается Л. Будаговым (Будагов, 1960, I : 179) и В. Котвич (Котвич, 1962 : 280—282) как каузативная форма глагола *е-||и-* со значением «быть», «делать», «осуществлять». (Киши) не бек кьоркьутуп кюрешген эсе да, ол (къатын) тилегенин *этерге* унамагъанды. — Сколько бы (мужчина) не пугал, она (женщина) не сделала того, что тот просил. С. Хочуев, Хапарла, 13.

Эсир- «пьянеть», «опьянеть», «хмелеть», «охмелеть», «напиваться допьяна», «упиваться». Корень *эсир-* не встречается в письменных памятниках, не сохранился также и в современных языках. В памятниках письма зарегистрированы только формы *исир-* (ДТС, 183), *есюр-* (ДТС, 184), *ёсюр-* (ДТС, 391). Предполагается, что он восходит к *юс-||ес-* «пьянеть», «опьянеть» (Севортян, 1974 : 310). Бир бирледе уа ичип, *эсирип*, ол зат бу зат ючюн демей, тынч тургъан адам бла туююшуп, тебирейди. — Иногда, выпив, опьянев, начинает ни за что, ни про что драться с человеком, ведущим себя совершенно спокойно. Зокаев. Солуукюн, 33.

Эшит- «слышать», «услышать», «услыхать». В древнетюркских памятниках письма зарегистрированы две его формы: *эшид-* и *эшит-* со значением «слышать» (ДТС, 195). Корень глагола *эшит-* в названных памятниках не встречается, однако он имеется в хакасском языке в форме *ис-* (хак. рс, 1953 : 63), в его кой-бальском и сагайском диалектах этот корень имеет формы *эс-*, а в качинском *эш-* (Радлов, I, 1893 : 872), а также в кюерикском

диалекте чулымских татар, где также имеет форму *эш-* (Радлов, I, 1893 : 905). Во всех случаях *эш-* имеет то же значение, что и *эшит*. (Мёলেখан) эрини ауазын *эшитгенлей*, жюреги къаты уруп, кьоллары кьалтырап, кеси салгъан кьылычны; кеси ачалмады. — (У Мёলেখан) как только услышала голос мужа, сердце стало сильно биться, руки дрожали, и она не смогла открыть ключок, которым она сама и закрыла (дверь). Кьобанланы Д. Таулада таууш, 31.

Юйрег- «учить», «научить», «обучать», «обучить», «воспитывать», «воспитать», «приручить». В древнейших текстах древнетюркской письменности встречаются формы *ёгрег-* (ДТС, 380), *ёррет-* (ДТС, 388) со значениями «учить», «обучать». Этимологи выделяют здесь основу *юйре-||ёгре-*, которая в свою очередь связывается с *ё-* «знать», «понимать» или же с *ёг-* «мысль» (Малов, 1951 : 406; Рамstedт, 1957 : 177; Ряснен, 1969 : 369; Севортян, 1974 : 498). Жашау аны (Муратны) онгну солдан айырыргъа *юйретгенди*. — Жизнь его (Мурата) научила отличать правого от неправого. М. Шаваева. Кечерлеми? 65. Саид Шахмурзаев элледе халкъ асламданы бек алгъа, окьургъа, жазаргъа *юйретген* адамладан бирлери болгъанды. — Саид Шахмурзаев был одним из тех, кто первым в селах научил людей читать и писать. «Шуёхлукъ», № 22, 118.

Юсгюр- «натравливать», «натравить», «наускивать», «наускать», «направлять», «направить». В древнетюркских письменных памятниках встречаются *юшгюр-* и *юшкюр-* со значениями «натравливать», «наускивать», «шипеть», «свистеть» (ДТС, 628). Рассматривается как производное от подражательного или междометного корня *юш-* с помощью глаголообразующего аффикса *-къыр* (Севортян, 1974 : 645). Эмеген къара тюлюкюно кёргенде, эгерлерин анга *юсгюрдю*. — Эмеген, когда увидел черную лису, наускал на нее (своих гончих) собак. «Нартла», 55. Кьозутуп, бирин бирине *юсгюрюп* жибериу, ол негетийген ишди! — Куда это годится: раздражить, натравить друг на друга и отпустить! З. Зокаев. Солуу кюн, 52.

Жубат- «занимать», «забавлять», «развлекать», «отвлекать», «утешать», «делать какое-либо дело неохотно». В *жубат-* и *жубан-* вычленяется морфема *жуба-*, которую можно считать корнем этих слов. *Жуба-* можно сблизить с древнетюркским *йуба-* «пренебрегать», «избегать», особенно с его производным *йубат-* со значениями «побуждать уклоняться» (от дела); «вводить в заблуждение» (ДТС, 277). Возможно, и корень *йуба-* имел значения «вводить в заблуждение», «отвлекать (от дела)», которые и отразились в письменных памятниках древнетюркского языка. Нельзя исключить возможность того, что

значения карачаево-балкарского *жубат*- развились из значения *йуба*- или *йубат*-. Барады арбачы Къургъакъ жол бла, Кесин *жубата* Эски жыр бла. — Подводчик едет по сухой дороге, развлекая себя старой песней (свободный перевод). К. Кулиев. Сайлама, I, 19.

Кёргюзт- «показывать», «показать». Этот глагол употребляется в балкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Структура его ясна, тем не менее употребляется не *кёргюз*-, а именно *кёргюзт*-, где срослись каузативный и понудительный суффиксы *-гюз*- + *-т*. Трудно объяснить такое наложение аффиксов, но явление это встречается и в других языках. Аминатны стол юсюнде гитче кюбюрчекге сюелген суратлагъа къарагъанын кёрюп, Айшат суратланы *кёргюзтдю*. — Увидев, что Аминат смотрит на фотографии, прислоненные на столе к маленькой шкатулке, Айшат показала ей фотографии. И. Ахматов. Боранда, 14.

Глаголы с десемантизированными показателями возвратности и медиальности.

Глаголов с десемантизированными аффиксами возвратности и медиальности встречается немало. У некоторых из этих глаголов не сохранились корневые морфемы, у других — значения самих корней. Приведем несколько примеров.

Айлан- «ходить», «шататься», «вертеться», «вращаться», «крутиться», «кружиться», «поворачиваться». В древнетюркских памятниках письма форма *айлан*- не зарегистрирована. *Айлан*-бытует в большинстве современных тюркских языков или в их диалектах и является производным от глагола *айла*- «вертеть», «кружить», «вращать», который сохранился в туркменском языке (туркм. рс, 1968 : 33), в диалектах турецкого языка (тур. рс, 1977:82), алтайском (Севортян, 1974:109), *айла*- приводится также и в словаре Радлова (Радлов, I, 1893:34—35). (Батыр Къонакъгъа:) Ма биз бусагъатда тепмей турабыз деп тургъанлыкъгъа, Жер адам айтып айтмазча теркликде *айлана* турады. — (Батыр Конаку:) Вот мы сейчас думаем, что мы не движемся, однако, Земля вращается с такой скоростью, что даже трудно передать словами. Ж. Залиханов. Жаннган жюрекле, 39. Раузат отоуда, кеси жангыз къалып, тынгысыз *айланды*. — Раузат в комнате осталась одна и беспокойно ходит туда-сюда. «Шуёх-лукъ», № 30, 76.

Екюн- «каяться», «расканиваться», «жалеть», «сожалеть».

Лингвисты возводят ёкюн- к ёк- или ёкю- «раскашванваться». Ёкюн- рассматривается как медпальная или возвратно-интенсивная форма глагола ёкю- (Севортян, 1974 : 524). В карачаево-балкарском языке рассматривается как глагол с возвратным значением. (Назбий:) Алым, къарындашым, инжилеме, заманны оздурганма, окъуусуз къалганма, ёкюнеме. — (Назбий:) Алым, брат мой, страдаю, время прошло... сожалею, что не получил образования. Хубийланы О., Жукъусуз кечеле, 180.

Жылын- «нагреваться», «согреваться», «тепелеть». Корень *жылын-* *жыл-* или *жылы-* с теми же значениями, что и *жылын-* уже рассматривался выше (см. *жылыт*). *Жылын-* в туркменском, казахском и хакасском языках является возвратной формой *йылы-* (туркм. рс, 1968 : 378), *жыл-* (каз. рс, 1954 : 183), *чылы-* (хак. рс, 236). В карачаево-балкарском языке значение корня не сохранилось, т. е. значение *жылын-* не воспринимается как совпадающее со значением его корня *жыл-* || *жылы-*. *Жылын* кызарса да, Аслан артыкъ сёлешмейди. — Аслан, хотя и согрелся, и покраснел, однако много не говорит. — Б. Гуртуев. Жангы талисман, 205. Кюн *жылын*, къар эрин башлады. — Погода потеплела, и снег начал таять. «Шуёх-лукъ», № 63, 117.

Жубан- «заниматься», «заняться», «развлекаться», «развлечься», «забавляться», «отвлекаться», «отвлечься», «утешаться», «утешиться», «заниматься каким-либо делом не в полную силу, неохотно, спустя рукава» и т. п. О корне этого глагола *жуба-* уже говорилось при рассмотрении *жубат-*. Как и в других случаях, показатель возвратности глагола *жубан-* десемантизировался, сросся с корнем и его производность не ощущается. Анасы да кызы да тынгылауну ийип бирер иш бла *жубана* башладыла. — И мать, и дочь, молча, начали заниматься своими делами. — З. Толгуров. Эрирей, 32 (Атасы жашына:) Ала (немчала) герохну *жубаныргъа*, кёз ачаргъа деп бермегендиле. — (Отец сыну:) Они (немцы) тебе пистолет дали не для того, чтобы ты им развлекался. Хубийланы О., Дерт, 48.

Ашыкъ- «спешить», «торопиться» является производным от глагола *аш-* «спешить», «торопиться», который сохранился в диалекте туба клжи или черневых татар алтайского языка со значением интенсивности действия (Баскаков, 1966 : 105). Хасан *ашыгъыл*, бир негер да алып, клубха киргенинде, ичи адамдан тыкъ урулуп эди. — Когда Хасан, взяв одного из товарищей, торопясь, вошел в клуб, он был битком набит людьми. — Хубийланы О., Аманат, 158.

Иймен- «стыдиться», «стесняться», «смущаться», «робеть».

Эти значения совпадают со значениями древнетюркского *еймен-* (ДТС, 167), *айман-* (ДТС, 30). Зарегистрированы и парные слова, вторым компонентом которых является *айман*: *кзоркъ-айман* «бояться», «ужасаться», «страшиться» (ДТС, 458), *уйат-айман* «стыдиться», «испытывать робость» (ДТС, 607), *айын*: *кзоркъ-айын* «бояться», «ужасаться» (ДТС, 458); *еймен*: *уйат-еймен-* «стыдиться», «испытывать робость» (ДТС, 607). С. Е. Малов приводит глагол *айа-* «опасаться», *айыг-* «заставить бояться», «уважать», «устрашать», «заставить жалеть» (Малов, 355—356). У В. В. Радлова зарегистрированы глаголы *айман-* «бояться», «стыдиться», *еймен-* «стыдиться», «считать что-нибудь неудобным», *имен-* «стыдиться», «бояться» (Радлов, I, 1893 : 64—65, 670, 1573—1574). Во всех приведенных глаголах вычленяется *ай-*||*ей-*||*ий-*. Из них самым древним считается *ай-* «бояться», «опасаться». Таким образом, первичное значение глагола *иймен-* «бояться», «смущаться», значение же «стыдиться», «стесняться», «смущаться», «робеть» — вторично. Рассматривая структуру *иймен*, исследователи отмечают, что он образовался с помощью древнего аффикса *-ма* со значением интенсивности, наращенного показателем *-н* в медиальном значении (Севортян, 1974 : 250). Мурат арыганына *ийменди*, солургъа арсар болду. — Мурат устал и постеснялся (смутился) и не решился отдохнуть. «Шуёхлукъ», № 30, 66.

Ийнан- «верить», «поверить», «доверять», «доверить». В древнетюркских письменных памятниках *ынан-* «верить», «доверять» (ДТС, 218). Корень глагола сохранился в хакасском языке: *ынд-* «желать», «хотеть», «соглашаться» (хак. рс, 330), тувинском: *ына-* «соглашаться», «не отказываться», «давать согласие» (тув. рс, 1968 : 595). Основу *ийнан-* в *ына-* видят Рясянен (Рясянен, 1656) и Севортян (Севортян, 1974 : 656; 1962 : 378—379). Сиз айтханыга мен *ийнанама*, алай а кёзюм бла кёрюрге бек термиле эдим. — Я верю в то, что вы говорите, однако очень хотелось бы увидеть собственными глазами. Хубнийланы О., Мурат, 43.

Илин- «цепляться», «зацепляться», «прицепляться». Корень этого глагола зафиксирован в древних памятниках письма: *ил-* «цеплять», «подцеплять», «зацеплять» (ДТС, 207), «прицеплять», «бешать» (Малов, 379) и производное от него *илин-* со значениями «привязываться», «обнаруживать склонность» (ДТС, 208) «привязываться», «прицепляться» (Малов, 380). *Ил-* сохранился и во многих современных языках. В туркменском языке он имеет значение «цепляться», «прицепляться», «зацепляться», в других языках имеет значение «зацеплять» — в кирг., каз.,

кум., тат., узб., хак.; «цеплять», «прицеплять», «подцеплять» — в кирг., кум., тув., узб., уйг.; «нацеплять» — в кум., узб. Другие значения мы не учитываем, так как *илин-* в карачаево-балкарском языке таких значений не имеет. *Илин-* во всех названных языках является возвратной формой *ил-*. В карачаево-балкарском языке *ил-*, видимо, имел, как в туркменском *ил-*, значения, которые потом совпали со значениями возвратно-страдательной формы, показатель которой десемантизировался. Чурукъланы бурунлары эсленмеген ташлагъа окъуна *илинедиле*. — Носки туфель цепляются о камни, которые трудно даже заметить. З. Толгуров. Эрирей, 82.

Ийил- «гнуть», «сгибаться», «нагибаться», «наклоняться», «сгибаться», «изгибаться», «склоняться». Корень карачаево-балкарского *ийил-* восстанавливается из данных памятников древнетюркского письма, а также некоторых современных языков. В древнетюркском словаре приводится корневая морфема *ег-* со значением — «сгибать», «наклонять». Зафиксированы и производные от *ег-*: страдательное *егил-*, понудительное *егир-* и взаимное *егииш-* (ДТС, 165—166). В современных языках корневая морфема сохранилась, например, в следующих языках: азерб. *эй* «гнуть», «сгибать» (Севортян, 1962 : 363); кум. *ий-*(*йи-*) «нагибать», «склонять», «гнуть», «сгибать», «изгибать» (кум. рс, 1969 : 158), хак. *ег-* «гнуть», «сгибать» (хак. рс, 1956 : 338). Производные от *эй-* и *ег-* являются возвратно-страдательными формами, образованными при помощи аффикса *л-*. Рамазан, ат юсюнден *ийилип*, Айшатха непи эсе да шыбырдады. — Рамазан, наклонившись с лошади, что-то нашептал Айшат. Семенланы А. Жазыу ййла, 30. Кёк тазады, ары-бери *ийиле* тургъан будайны кюп ариу жарытады. — Небо чистое, солнце ярко освещает пшеницу, наклоняющуюся туда-сюда. «Шуёхлукъ», № 33, 93.

Итин- «стремиться к чему-либо», «отдаваться чему-либо». В древнетюркском языке приводится глагол *ит-* «толкать», «отвергать», и его производные *итил-* «быть толкаемым», «прибиваться», «вырастать»; *итин-* «выбиваться из сил» и *итер-* «толкать», «отвергать» (ДТС, 215). У Малова *ит-* «толкать», «колебать» и *итин-* «рваться вперед» (Малов, 382), а также «цепляться», «сильно желать» (Малов, 381). У Радлова *ит-* «толкать», «двигать» и *итин-* «давить вперед», «рваться вперед» (Радлов, I : 1503). В татарском языке имеется *ётэлэн-* со значением «торопиться», «суетиться», «хлопать», в других языках (азерб., башк., кирг., кар., узб., тат., тув., хак. и др.), *ит-* и его производные имеют те же значения, что и древнетюркский *ит-*. Корень *ит-* в карачаево-балкарском языке утрачен. Прямые значения *ит-* и

его производного *итин-* тоже не сохранились. Однако, если учесть значения древнетюркского *итин-* «пробиваться», «вырастать» и приведенные Е. С. Маловым и В. В. Радловым значения его «рваться вперед», «давить вперед», «устремляться», «сильно желать» и татарского *ётэлэн-* «торопиться», «суетиться», «хлопотать», то не вызывает сомнения, что значение карачаево-балкарского *итин-* развилось из «устремляться», «сильно желать» или из одного несохранившегося значения древнетюркского *итин-*. Не къадар кѣп биле баргъаны сайын, адам андан да ары бютюн да кѣп билирге *итинеди*. — Человек, чем больше познает, тем больше стремится знать. Ж. Залиханов. Жаннган жүрекле, 47. Солтанбек тынгысыз болду, не эсе да бир зат айтыргъа *итинди*, алай таматаны терен сагъышын бузаргъа базынмады. — Солтанбек забеспокоился, ему захотелось что-то сказать, но он не посмел оторвать старшего от глубоких дум. Х. Кацнев. Аланла, сизде уа не хапар? 29.

Къон- «садиться», «сесть», «приземляться», «приземлиться», «опускаться». В словаре В. В. Радлова приводятся глаголы *къон-* из крымско-татарского и турецкого (в современном турецком тоже *къон-*) языков (Радлов, II: 498); *къот-* из уйг. (Радлов, II: 605) и *къой-* из алт., шор., каз., уйг. и других языков. Одно из их значений совпадает с карачаево-балкарским: «положить», «поставить», «ставить». В. В. Радлов, говоря о *къой-*, отмечает, что *къон* является наиболее старой формой. В древнетюркских текстах и в современных языках встречается глагол *къон-*, обозначающий «обитать», «жить», «садиться» (о птицах) (Малов, 414), «садиться», «сесть», «опускаться» (ДТС, 455), «остановиться», «расположиться на жительство», «осесть» (о народе), «остановиться и переночевать», «жить», «проживать» (Радлов, II, 531—534), *кун-* «остановиться», «сесть» (о птицах), «ночевать» (Радлов, II, 908—909). Приведенные примеры показывают, что *къон-* в современных языках имеет различные фонетические варианты. Одно из центральных его значений — «опускаться», «садиться», «сесть», «приземляться». Приведенный материал наталкивает на мысль, что *къон-* является производным с возвратным значением от *къон-*. Возможно, его значения развились из значений *къон-* или же его промежуточных значений, которые не нашли отражения в письменных памятниках. Эки къара къузгъун учун келип, терек башына *къондула*. — Два черных ворона прилетели и сели на вершину дерева. А. Узденов. Саняг, 56. Самолет тынч *къонады*. — Самолет приземлился спокойно. «Шуёх-лукъ», № 37, 63. (Аскерчини) жол букъусу *къонады* кийимине, бетни кюйдюредиле уруш желле. — Дорожная пыль садится на

одежду (солдата), ветры войны обжигают ему лицо. К. Отаров. Сайлама, I, 187.

Къалкъ- «всплывать», «плавать (на поверхности воды)», «парить» (о птицах). В древнетюркских текстах *къалы-* «подниматься», «взлетать», «прыгать», «скакать», «подпрыгивать» и т. д. (ДТС, 411), тув. *халы* «прыгать». В карачаево-балкарском языке поплавок называется *къалкъбыучу*. Когда на воде появляются волны, кажется, что поплавок прыгает или подпрыгивает. Это свидетельствует о близости значения карачаево-балкарского *къалкъ-* со значением древнетюркского *къалы-* и о том, что значения первого развились из значений второго. Корневая морфема *къалы-*, *халы-* и т. п. восстанавливается также по данным азербайджанского языка: вычленяется из слов *галх-*, *салдыр*, *галхыз* корень *гал-* со значением «поднимать» (Севортян, 1962 : 289). *Къалкъ-*, таким образом, — производное от *къал-(ы)* с помощью аффикса *-(а)къ* с медиальным значением. Бийик кёкде узун къанатлы кюшля сабыр *къалкъадыла*. — Высоко в небе парят длиннокрылые орлы. Х. Кациев. Мухаммат, 42. Ажир агъашча *къалкъды*. — Жеребец всплыл как дерево. Семенланы А. Джазыу айла, 24.

Къоркъ- «бояться», «страшиться», «пугаться», «опасаться», «труситься». Таковы значения и древнетюркского *къоркъ-* (ДТС, 458). *Къоркъ-* имел фонетические варианты *къоркъ-* и *къорукъ-* (ДТС, 460), которые сохранились в современном хакасском языке в виде *хорык* со значением «страшиться», «пугаться», «труситься» (хак. рс, 1953 : 289). Э. В. Севортян привел из работы М. Т. Хоутсма «Тюркско-арабский глоссарий» глаголы *къоркъ-* и *къорук-*. Последний является понудительной формой *къор-* и означает «пугать» (Севортян, 1962 : 290). Таким образом, древнетюркские *къоркъ-*, *къорукъ-* *къорх-*, азерб. *горх-*, турк. *горкъ-*, башк., тат. *кюркъ-*, хак. *хорук-* и т. п. являются образованиями от *къор-* с медиальным значением. Бир адам, жол жанындан чыгып, ала таба айланганыныда, Асият, *къоркъуп*, Махмутну билегине жабышды. — Когда какой-то человек сошел с обочины дороги и направился к ним, Асият, испугавшись, схватила за руку и прижалась к Махмуду. М. Шаваева. Мурат, 131.

Кючен- «напрягаться», «сплиться», «силиться что-либо сделать», «напрячься». В письменных памятниках встречается глагол *кюче-*, обозначающий «принуждать», «применять силу» (ДТС, 322). Е. С. Малов приводит еще одно значение *кюче-*: «пересилить» (Малов, 397). В древнетюркских текстах есть все залоговые формы: *кючел*, *кючен*, *кючет*, *кючеш*. Возвратная фор-

ма имеет значения «употреблять силу», «применять насилие», «усиливаться», «напрягаться», «силиться». Как видно, последнее значение совпадает с карачаево-балкарским. Глагол *кюче*-образован от существительного *кюч*- с помощью глаголообразующего аффикса *-a||-e*. Бараз улла батанны биринчи жол алалмагъанына уялды, сора *кюченди* да кётюрдю. — Бараз сразу не смог поднять батан (сложенное сено из нескольких навильников) и постеснялся, потом напрягся и поднял. «Шуёхлукъ», 61, 83.

Табын- «преклоняться перед кем-, чем-либо», «служить», «прислуживать кому-либо», «поклоняться», «молиться». Корневой морфемой данного глагола является *тап-* «служить», «прислуживать», (ДТС, 534; Малов, 426). В древних языках возвратная форма глагола *тап-*, *тапын-* имеет почти те же значения, что и карачаево-балкарский *табын-* «служить», «прислуживать», «поклоняться», «молиться». В карачаево-балкарском языке корень *тап-* и его значение не сохранились. В процессе десемантизации показателя возвратности значение корня закрепилося за производной формой. Бир аллахха *табынганла* Алий эфенди ден сора да бар эдиле. — Кроме муллы Алий, были еще люди, которые поклонялись единому богу. «Шуёхлукъ», № 61, 3. Бир адамгъа *табынып*, аны юсюнден жазыу бек сыйлы ишге тергелип тургъанды. — Было время, когда считалось самым почетным делом писать все время об одном человеке, преклоняясь перед ним. «Шуёхлукъ», № 10, 103.

Таян- «опираться», «облокачиваться», «прислоняться». В карачаево-балкарском языке корневая морфема не сохранилась, корень восстанавливается из древних тюркских языков, где он зарегистрирован в форме *тайа-* со значением «прислонять», «ставить на опору» (ДТС, 527). Там же приводится и возвратная форма *тайан-*, номинативное значение которой совпадает со значением карачаево-балкарского *таян-*. Хотя корень со своим значением не сохранился, а аффикс возвратности десемантизировался, опростился, карачаево-балкарский *таян-* сохранил свое древнее, прямое значение. В современных языках *таян-* имеется, например, в казахском и киргизском языках со значением «подпирать», которое, видимо, является вторичным (каз. рс, 1954 : 337, кирг. рс, 1965 : 717). Науруз юйюню аллында къалын чапыракълы эрик терекге *таянып*, кеси жангыз сагъыш эте сюелген Зуриятны эследи. — Науруз заметил Зурият, которая одна, задумавшись, стояла во дворе, прислонившись к стволу сливового дерева, покрытого густой листвой. Лайпанланы С. Гургумлу, 21. Мустафир жингиригине *таянып*, бир бутун алгъа созду.—Муста-

фир, опираясь на локоть, выставил одну ногу вперед. — З. Толгуров. Айыутащ, 27.

Тюген- «обессилеть», «обессилиться», «ослабеть», «кончатся», «иссякать», «истощаться», «уничтожаться», «изнуриться» и «дряхлеть». Корень глагола *тюген-* отмечается в древнетюркских языках. Его древней формой является *тюке-* с прямым значением «завершиться», «кончиться», «истощаться», «иссякать» (ДТС, 595). Корень *тюке-* в форме *туга-* имеется в узбекском языке (узб. рс, 1959 : 448) и в форме *тюге-* в таранчинском диалекте уйгурского языка (Радлов, III, 1905 : 1534). В древнетюркских языках отмечены формы: возвратная *тюкен* и понудительная *тюкет* (ДТС, 596). В карачаево-балкарском *тюген* сохранились почти все значения *тюке-*||*тюге-*, а также его возвратная форма. Бир кюн жашатмаз эдиле Ала (бийле) мени дуняда, ичер суум *тюгенип* къалыр эди таулада. — Они (князья) не дали бы мне прожить и дня, иссякла бы в горах моя доля воды. Кязим Мечнев. Сайлама чыгъармалары, 179. Энди тамамды, ахыр *тюгендик* биз, сен къайыкъны юй таба бур, иебиз. — Теперь хватит, мы совершенно обессилели (изнурены). Ты хозяин, поверни лодку к дому. «Шуёхлукъ», № 10, 60.

Сын- «ломаться», «сломаться», «переламываться», «разламываться», «разбиваться». *Сын-* является производной (возвратной) формой глагола *сы-*, обозначающего «ломать», «переламывать», «разламывать», «разрушать» (ДТС, 502; Малов, 423), «разбить» (Радлов, IV, 1911 : 602). Прямое значение возвратной формы в указанных источниках и в современных языках мало чем отличается от значения карачаево-балкарского *сын-*. Эски сабан агъач бир тогъуз-он бараза чыкъгъанлай, ташха тийип *сынды*. — После девяти-десяти борозд старый плуг, зацепившись за камень, сломался. А. Узденов. Саняит, 33.

Сыйын- «вмещаться», «помещаться». *Сыйын-* является производным от *сыгъ-*||*сый-* «вмещаться», «помещаться» с помощью аффикса возвратности *-ы(н)*. Значения корня и возвратной формы совпадают. Такое явление встречается часто. Это отмечал и П. М. Мелниоранский (см. выше *олтур*). *Сыгъ-* является наиболее древней. Встречается в древних языках (ДТС, 502), отмечается и В. Радловым (Радлов, IV, 1916:615), сохранился в некоторых современных языках, например, в азербайджанском, турецком, туркменском, узбекском, казахском *сы-*. Форма этого корня *сынг-* встречается в хакасском, уйгурском языках, а *сый-* у В. В. Радлова (Радлов, IV, 1911:603) и в кумыкском языке. (Добай нёгерлерине:) Тёртююзге да эки артмакъгъа *сыйынган* азыкчыкъ келтиргенме. — (Добай своим товарищам:)

всем четверым я привез столько пиши, сколько вместилося в две сумы. О. Этезов. Тарда, 121. Эр кишиле арбазгъа *сыйынмай*, орамгъа тегюлдюле. — Мужчины не поместились во дворе и вышли на улицу. Къобанланы Д. Таулада таууш, 64.

Уян- «просыпаться», «проснуться», «пробуждаться». Как и *уят-*, *уян-* образовался от *ой-* со значением «бодрствовать» при помощи аффикса *-(а)н*, который выражает значение медиальности, перехода из одного состояния в другое. Анам *уяныр* деп къоркъа, жашчыкъ шош кийинип башлады. — Мальчик, боясь, что мать может проснуться, стал одеваться тихоноко. «Шуёх-лукъ», № 32, 85.

Ычхын- «вырываться», «вырваться», «отвязаться», «сорваться (с привязи)», «высвободиться от чего-либо», «отвязаться». Происхождение *ычхын-* связывается с древнетюркскими *ыч-* «скрыться», «исчезать» (ДТС, 216). Э. В. Севортян восстанавливает промежуточную форму между *ыч-* и *ычхын-* в виде *ыч+кы* как понудительно-переходную от глагола *ыч-*. *Ычхын-* рассматривается как возвратно-медиальная форма глагола *ычкъы-* (Севортян, 1974 : 673). Жау, къолдан *ычхынса*, сениге хатер салмаз. — Если враг вырвется из рук, он тебе ничего хорошего не сделает. Къобанланы Д. Таулада таууш, 310.

Юйрен- «обучаться», «учиться», «научиться», «приобретать (навыки)», «заниматься». В основе глагола *юйрен-* лежит, как и в *юйрет-*, *юйре-* «учиться», «упражняться», который сам образовался от глагола *ё-* «знать», «понимать» (Рамstedт, 1957 : 177; Севортян, 1978 : 498). Окъугъан адам жазаргъа, окъургъа юйреннгениден сора да оюмларгъа да юйренеди. — Обучающийся учится не только читать и писать, но и мыслить. «Шуёх-лукъ», № 56, 8.

Юрк- «пугаться», «испугаться», «шарахаться в сторону (о животных)». *Юрк-* производное от древнетюркского *ир-* «вздрагивать», «пугаться» (ДТС, 211). Начальная гласная *ир-* в разных языках имеет свои варианты, в большинстве языков она перешла в *-ю*, а в татарском и башкирском в *-ё*. Атла уа, *юркюп*, жолну энишге будуман болуп ташайдыла. — А кѣни, испугавшись, быстро убежали вниз по дороге и исчезли. Б. Гуляев. Жаяу жолчук, 37.

Тын- «замолчать», «перестать», «уняться», «прекращать», «остановиться». В других языках глагол *тын-* имеет следующие фонетические варианты: *дын-* (туркм.), *дин-* (гаг., тур.), *динг-* (туркм.), *тин-* (узб., уйг.), *тан-* (чув.) и т. п. Древнетюркский *тын-* имеет значения «дышать», «отдыхать», «успокаиваться»,

«обретать покой», «останавливаться», «прекращаться» (ДТС, 567).

В тех современных языках, где наличествует глагол *тын-*, основные значения его почти те же, что и древнетюркского *тын-*. В структурном отношении предполагается, что этот глагол является производным от *ты-* приблизительно с теми же значениями с помощью суффикса *-н* с медиальным значением (Севортян, 1980 : 345). Аслан сёлеше туруп, Дюгербий бла Мырзабек, *тынмадыла*, кеслерини хапарларын бардырадыла. — Когда говорил Аслан, Дюгербий и Мырзабек не перестали, продолжали свой разговор. «Шуёхлукъ», № 4, 37.

Уян- «проснуться», «проснуться». Корневая морфема рассмотрена в статье на *уят-*. *Уян-* является медиальной формой глагола *уй-*. Значение *уян-* указывает на переход предмета, явления, процесса и т. п. из одного состояния в другое. *Уянмай* кёп жатарыкъ болур эдим, алай мени мангылайыма тийген жумушакъ жылы къол уятды. — Наверное, я лежал бы еще долго, не просыпаясь, если бы не разбудила меня мягкая и теплая рука, которая коснулась моего лба. «Шуёхлукъ», № 13, 199.

Узал- «тянуться (протянуть руку, руки)», «протянуться (о руках)». О корне *узал-* см. статью на *узат-*. В карачаево-балкарском языке древние значения *узал-* «тянуться», «затягиваться», «удаляться» (в пространстве) (ДТС, 620) не сохранились. И страдательное значение тоже. Ол (Хамызат) *узалды* да, энди къуруп, кепчип келген бахча топурагындан ууучун толтуруп алды. — Он (Хамызат) протянул (руку) и взял земли из бахчи, почва которой только теперь стала подсыхать. А. Тёппеев. Кюн батмады, 150.

Глаголы с десемантизированными показателями взаимности и совместности.

Жабыш- «клеиться», «прилипнуть», «приклеиваться», «слипаться». В киргизском языке *жабыш-* «прилипнуть», «приклеиваться» является формой взаимности от *жап-* «крыть», «покрывать», «закрывать», «затворять», «покрыть сплошь» (кирг. рс, 1969 : 209, 231). В других языках глагол имеет эти же значения с небольшими расхождениями. Но в них нет указания на связь с *жабыш-* (совместно) «закрывать», «крыть» и т. п. и «клеиться», «прилипнуть» и т. п. Видимо, значение *жап-*, от которого развилось значение «клеиться», «прилипнуть», утрачено. В киргизском языке оно могло развиться и из «покрыть сплошь». (Аскер-

чилени) терлегенлери кюлакъ жанлары бла эпишге саркъады, кёлеклери аркъаларына *жабышхандыла*. — У солдат пот льется по лицу, шее, за ушами, рубашки прилипли к спинам. Ж. Токумаев, Нартланы туудукълары, 99.

Кюреш- «бороться за что-либо, с кем-, чем-либо, против кого-, чего-либо», «пытаться», «стремиться», «стараться». Корневая морфема *кюре-* не сохранилась. Видимо, она образована от древнего именного корня *кюр-* «смелый», «отважный» (ДТС, 228). Глагол *кюре-* мог иметь значение «бороться», «сражаться» (смело, отважно). (Таулан отрядха:) Биз былайда тюзлюк ючюн жан бергинчи *кюреширге* деп, ант этгенбиз. — (Таулан отряду:) Мы здесь поклялись: пока живы, будем сражаться (биться) с врагами за справедливость. Къобанланы Д. Таулада таууш, 325. Баям, жаш атын жортханын жаратмай, хаман тёртгюллетирге *кюрешеди*. — Видно, парню не нравится, что конь идет только рысью, он всю старается заставить его бежать галопом. З. Толгуров, Эрирей, 45.

Сёлеш- «говорить», «разговаривать», «беседовать». В карачаево-балкарском языке основа его не сохранилась и не ощущается также производность основы. Основа *сёлеш-* сохранилась в большинстве языков в разных фонетических вариантах: *селе*—в гаг., хак.; *сёйле*—в каз., кум., туркм.; *сёйлэ* — в азерб., баш.; *суйле* — в кирг.; *сёгле* — в тув.; *сүзла* — в узб. В древних (ДТС, 512) и в некоторых современных языках (например, в туркм.) — *сёзле*, который является производным от *сёз* «слово». В карачаево-балкарском языке и других языках в *сёлеш-*||*сёле-* выпала согласная з, что подчеркнуто Н. З. Гаджиевой и А. К. Кокляновой (Гаджиева, Коклянова, 1961 : 350). *Сёлеш* в других языках — взаимно-совместная форма *сёйле-*||*сёле-* и т. п. Бусагъатда бир зат да болмагъанча, тенги алай сабыр *сёлешгенине* Азамат сейир этди. — Азамат удивился, когда его друг, будто ничего сейчас не случилось, стал говорить так спокойно. А. Тёппесев. Отлукъ ташла, 38.

Кенгеш- «советоваться», «совещаться». Основа его *кенге-* восстанавливается из древнетюркских языков, где она имеет то же значение, что и *кенгеш-* (ДТС, 298). Там же наличествует *кенгеш-*, как форма совместности от *кенге-*. (Батыр Мухамматха:) Эринмей кесинг бар да, парторг бла тюбеш, сёлеш, *кенгеш*, адамла сайла. — (Батыр Мухаммату:) Не поленись, пойди сам, встреться с парторгом, поговори, посоветуйся, подбери людей. Ж. Залиханов, Жаннган жюрекле, 138.

Эриш- «соперничать», «конкурировать», «спорить» (заключать пари); «состязаться», «соревноваться», «стремиться пре-

взойти, победить». Л. З. Будагов, рассматривая глагол *эр-*, который в казахском и киргизском языках имел значение «забавляться», «развлекаться», отмечал, что у *эр-* и *эриш-* значения полностью совпадают. Он рассматривал глагол *эриш-* как взаимное от *эр-* (Будагов, 1960 : 191). Того же мнения придерживался и Э. В. Севортян (Севортян, 1974 : 294). Современные значения *эриш-*, по его мнению, развились из значений *эр-* «шутить», а они в свою очередь из «вышучивать», «высмеивать», «затрагивать». Кызыла, жашла, бир бирлерине *эрише*, ишлейдиле. — Девушки и парни работают, соревнуясь друг с другом. О. Этезов, Тарда, 199. Нартла кеслерине кючлерин сынар ючюн, бугъаны кётюрюп *эришедиле*. — Нарты, чтобы испытать кто из них сильнее, состязаются, поднимая быка (Фольклор).

Эш- «вить», «заплетать», «плести», «сплетать», «вязать», «скручивать» (нитку, веревку и т. п.), «сучить». Эти значения присущи всем тюркским языкам. В других языках можно выделить еще и значение «прясть», «крутить». Фонетические варианты глагола *эш* — в азерб., кар., кирг. у Радлова (Радлов, I, 1905), узб., тув. — *эш-*; в каз., к-калп. — *ес-*; в башк., тат., турк. — *иш-*; в уйг. — *эш-*. *Эш-* и *егир-||ийир-* «прясть» — одного происхождения (Севортян, 1974 : 396). *Егир-||ийир-* понудительная форма глагола *ег-||ий-*, а *эш-*, *егиш-||ийиш-* форма, выражающая значения совместности. Жансурат, эшмелерин сөгюп, жаңыдан *энди*. — Жансурат распустила косы и заплела их заново. «Шуёхлукъ», № 53, 29. Батта кеси *эшген* къара жүн жаулуғъун терен кысып туруучу эди. — Батта всегда носила платок, низко повязав, который сама связала из черной шерсти. Б. Гуртуев. Жангы талисман, 43.

Юлеш- «делить», «распределять», «раздавать». В древнетюркских (ДТС, 624) и некоторых современных языках (алт., тув., хак.) основа этого глагола сохранилась в форме *юле-* с теми же значениями, что и *юлеш-*. *Юлеш-* в указанных языках — форма совместного залога, *юле-* в свою очередь происходит от глагола *юл-* (Севортян, 1974 : 629). Аскерчиле, хар кимде табылгъан азыкчыкыны да бирге жыйып, *юлешедиле*. — Собрав у кого что осталось из пищевых продуктов, солдаты, поделив, раздали всем. Хубийланы О. Аманат, 261.

Развиваясь, язык преодолевал противоречия в области категории переходности и непереходности (синкретизм), в становлении категории залога и т. п. различными средствами. Например, можно указать на использование словообразовательных аффиксов в роли показателей залогов, что приводило к десемантизации их прежних значений. Об этом свидетельствуют и приведенные выше примеры.

БИБЛИОГРАФИЯ

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалекты черневых татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966.

Баскаков Н. А. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект кумандинцев (куманды-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1972.

Будагов А. З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. М., 1960.

Гаджиева Н. З., Коклянова А. А. Глаголы речи в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Гулямов А. Г. О сопутствующих явлениях при аффиксации в узбекском языке. — Научные труды Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина. Выпуск 211. Языкознание. Ташкент, 1963.

Дмитриев Н. К. Семантика русских и татарских глаголов. — Дмитриев Н. К., Чистякова В. М., Бакеева Н. З. Очерки по методике преподавания русского и родного языков в татарской школе. М., 1952.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары, 1964.

Кононов А. Н. Опыт анализа термина *тюрк*. — Сов. этнография. 1949, № 1.

Кормушин И. В. Каузативные формы глагола в алтайских языках. — Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. Л., 1978.

Котвич В. Исследования по алтайским языкам. М., 1962.

Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.

Мелиоранский П. И. Заимствованные восточные слова в русской письменности домонгольского периода. — Изв. отделения рус. яз. и словесности импер. Академии наук. СПб, 1906, т. X.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893—1911, т. I—IV.

Рамstedт Г. И. Введение в алтайское языкознание. Морфология, М., 1957.

Севортьян Э. В. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962.

Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. (Общетюркские и межтюркские слова на гласные). М., 1974.

Севортьян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков. Буквы «в», «г», «д». М., 1980.

Тенишев Э. Р. Глаголы движения в тюркских языках. — Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961.

Фазылов Э. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Ташкент, 1966, т. I.

Шербак А. М. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970.

Ettuhiet — üz — Zekiyye fil — lugat — it — türkiyye Giveren Besin Atalay. Istanbul, 1945.

Räsänen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der türksprachen. Helsinki, 1969.

- Азербайджанско-русский словарь. Баку, 1962.
Башкирско-русский словарь. М., 1958.
Гагаузско-русско-молдавский словарь. М., 1973.
Древнетюркский словарь. М., 1969.
Казахско-русский словарь. М., 1954.
Караимско-русско-польский словарь. М., 1974.
Киргизско-русский словарь. М., 1965.
Кумыкско-русский словарь. М., 1969.
Ногайско-русский словарь. М., 1963.
Русско-каракалпакский словарь. М., 1967.
Татарско-русский словарь. М., 1966.
Тувинско-русский словарь. М., 1968.
Турецко-русский словарь. М., 1974.
Туркменско-русский словарь. М., 1968.
Узбекско-русский словарь. М., 1969.
Уйгурско-русский словарь. М., 1968.
Хакасско-русский словарь. М., 1953.
Чувацско-русский словарь. М., 1961.
Якутско-русский словарь. М., 1972.

РЕЦЕНЗИИ

О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОСНОВАХ УЧЕБНИКОВ БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА ДЛЯ СТАРШИХ КЛАССОВ

Учебники балкарского языка для старших классов существуют свыше двадцати лет. По ним учились целые поколения балкарцев, они неоднократно переиздавались. При каждом новом издании учебников авторы старались улучшить их качество: конкретизировать формулировки правил, заданий к упражнениям, разнообразить практический материал и т. п. Судя по новому изданию учебников, заметно стремление авторов упростить сложные правила, заменить менее удачные упражнения более удачными, сделать учебники совершенными и доступными для учащихся.

Однако учебники балкарского языка не свободны еще от многих недостатков, особенно теоретического характера. Ряд фактов языка в них освещен неверно. Некоторые правила изложены неточно, а многие нуждаются в стилистической правке.

К любому учебнику предъявляются совершенно определенные требования, это — 1) максимально точное, правильное изложение теоретического материала, 2) четкость, краткость и доступность формулировок, 3) отсутствие спорного, сомнительного материала, 4) полное соответствие материала учебника учебной программе.

Отвечают ли учебники балкарского языка для 4-го, 5—6 и 7—8 классов этим требованиям?

Часть программного материала не освещена в учебнике для 4-го класса, например, такие темы: смысловозначительная роль звуков языка, их сильные и слабые позиции, употребление различных звуков в слабой позиции в роли одной фонемы, сведения по орфографии, омонимы, правописание узких гласных в корне

слова. Без усвоения этих тем знания учащихся по фонетике и лексике не будут полными.

В предыдущем, 4-м издании учебника некоторые из этих тем излагались, например, омонимы, однако с явными ошибками. Утверждалось, что омонимы относятся к одной и той же части речи. Это неверно. В отличие от русского языка, в карачаево-балкарском, как и в других тюркских языках, в большинстве случаев омонимы являются разными частями речи, ср.: *эт* «мясо» и *эт* «делать, совершать действие», *тюш* «сон» и *тюш* «слезать», *къарт* «старик, старец» и *къарт* «старый», *жаиш* «парень» и *жаиш* «молодой», *жай* «лето» и *жай* «летом», *акъырын* «медленно, тихо» и *акъырын* «медленный, тихий», *биз* «шило» и *биз* «мы» и т. п. В 5-м издании учебника автор решил не углубляться в науку, не вдаваться в подробности: данную тему, как и ряд других, он не включил в него.

В разделе лексики ничего не говорится о лексическом и грамматическом значениях слова, об их отличии. Отличить же их друг от друга учащимся бывает нелегко.

Как уже говорилось, многие правила изложены неточно, неполно. Приведем примеры.

«Восклицательным предложением называется предложение, которое выражает радость, горе, испуг, удивление», — утверждается в учебнике. Судя по этой формулировке, во-первых, все перечисленные чувства якобы возникают одновременно, во-вторых, — будто человек не способен испытывать другие чувства.

Правило о том, что «в начале слова и после согласного буква «ё» обозначает один звук», изложено неполно. Надо было подчеркнуть, что это относится только к словам исконно карачаево-балкарским. В заимствованиях из русского языка буква «ё» в начале слова обозначает два звука: *ёлка* (йолка), *ёрш* (йорш).

В словах *толь—тольну* «толь» — им. и вил. пад., *роль—рольну* «роль» — им. и вил. пад., *руль—рульга* «руль—рулю» мягкий знак пишется всегда». Создается впечатление, что другие грамматические формы слов *роль*, *толь*, *руль* в карачаево-балкарском языке пишутся без мягкого знака. Однако, согласно орфографическому правилу, любая грамматическая форма этих трех слов пишется с мягким знаком, ср.: *роль*—*рольла* «роли», *рольгъа* «к роли», *рольда* «в роли», *рольдан* «от роли», *рольчукъ* «маленькая роль», *рольсуз* «без роли»; *руль*—*рульла* «рули», *рульгъа* «к рулю», *рульда* «за рулем», *рульдан* «от руля», *рульчукъ* «маленький руль», *рульсуз* «без руля» и т. д.

Многочисленными могут быть слова, принадлежащие к разным частям речи. А в учебнике приводятся примеры лишь на глаголы.

Здесь не учтено, что синонимами являются не только слова с близким значением, но и тождественные по значению.

В учебнике правильно говорится, что аффиксы *-ча*, *-ал* нарушают закон сингармонизма. Однако ничего не говорится об аффиксах *-лай*, *-ла*, которые тоже нарушают этот закон, ср.: *бизлай* «как мы, подобно нам», *сенлай* «как ты, подобно тебе», *Энейлары* «Энеевы», *Бичилагъа* «к Бичиевым» и т. д.

Есть в учебнике искажения фактов языка.

Междометия считаются частью речи. Как и в русском, в карачаево-балкарском языке частей речи девять: шесть из них — самостоятельные: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, наречие и глагол; три — служебные: частицы, союзы и послелоги. Междометия не относятся ни к самостоятельным, ни к служебным частям речи.

Сингармонические варианты аффиксов *-мы* и *-ла*, т. е. *-ми*, *-му*, *-мю* и *-ле*, даются как самостоятельные аффиксы.

В упр. № 139 говорится, что согласные *къ* и *гъ* не сочетаются с гласными переднего ряда (*и*, *е*, *ю*, *ё*), в правиле же, помещенном перед этим упражнением, утверждается, что эти согласные могут сочетаться и с гласными переднего ряда, что подтверждается такими примерами, как *бугъей* «расщелина на леднике», *чогъеж* «раскаявшийся», *огъесе* «тогда, в таком случае, или», *тыкъил бол* «упираться, не соглашаться в чем-либо», *мугъели* «выгоревший, превратившийся в уголь». Следовательно, автор учебника противоречит сам себе.

Сложные глаголы типа *тас бол* «потеряться», *думп бол* «исчезнуть», *сер бол* «изнежиться», *тели бол* «сойти с ума» выдаются за словосочетания.

Примеры, приведенные в качестве фразеологических единиц, не являются таковыми, ср.: *къобуз сокъгъанча* «как будто на гармонике играть», *тёлеу жокъладанса* «ты из тех, у кого нет долгов», *шешанг сынды* «у тебя бутылка разбилась», *тюлкую хыйла* «лисье плутовство», *ач юйню кишитиги* «кошка, которая принадлежит бедному (букв. голодному) дому», *жашыртын къапхан ит* «собака, которая кусает незаметно, неожиданно»; *ыйыкъдан*, *айдан бир атлайды* «очень медленно (букв. раз в неделю, месяц) шагает» и т. п.

По мнению составителя учебника, на стыке сложных слов из двух гласных элизи подвергается только первый. Однако это утверждение не выдерживает критики. При наличии двух одинаковых гласных элизи подвергается только второй, ср.: *къара+аякъ=къараякъ* «грязноногий» (букв. черноногий),

кѣара+аууз=кѣараууз «черноротый», тапса + ашар=тапсашар «тунеядец», «дармосед» и т. п.

К синтаксическому разбору предложения приводятся всего лишь два примера. Но, к сожалению, разбор проводится неверно. *Темир жолну жаны бла агъач тырмыла бара эдиле*. «Рядом с железной дорогой проходили следы бревен». *Темир «железо»* дано как определение, с чем никак нельзя согласиться. Во-первых, *темир жол* «железная дорога» устойчивое сочетание, поэтому при разборе по членам предложения *темир* нельзя отрывать от *жол*, а надо все сочетание рассматривать вместе. Во-вторых, *темир жолчу жаны бла* «рядом с железной дорогой» отвечает на вопрос где? Следовательно, один член предложения. — обстоятельство места. Второй пример. *Бизни пионерле Болгарияда пионерле бла кѣаты шуѣхлукъну жюрютедиле*. «Наши пионеры поддерживают тесную дружбу с пионерами Болгарии». Здесь слово *шуѣхлукъну* «дружбу» дано как определение. В действительности же сочетание *шуѣхлукъну жюрютедиле* «поддерживают дружбу» — составное глагольное сказуемое.

Кроме научных, в учебнике очень много и стилистических неточностей, ср.: *Ачыкъ тауушну белгилеген харфдан сора ю эки тауушну белгилейди* «После буквы, обозначающей гласный звук, буква ю обозначает два звука»; *сѣлешгенде эшитилгенча* «как и слышится в произношении»; *нг таууш...жазылады* «звук нг пишется» (?!); *сѣзлени жазыгъыз... Бени айтым кѣурап жазыгъыз* «перепишите слова... Составьте пять предложений и напишите» и т. д. и т. п.

Учебники для 5—6 и 7—8 классов в теоретическом отношении составлены намного лучше, чем учебник для 4-го класса. Однако недостатки типа вышеприведенных, хотя и не часто, но встречаются и в них.

В учебнике для 5—6 классов при изложении тем о синонимах, фразеологических сочетаниях и сложных словах повторяются те же ошибки, что и в учебнике для 4-го класса. Например, автор этих разделов М. Г. Жабоев свободные словосочетания типа *киритли кюбюр* «сундук с замком, сундук, имеющий замок», *тай тери тон* «шуба из шкуры жеребенка», повторы *кюлекюле* «смеясь», *сюрюу-сюрюу* «табуны, табунами», звукоподражание кипению жидкости *боркъ-боркъ* считает сложными словами.

Известно, что диалектные слова надо писать так, как они употребляются в самом диалекте. Иначе о них нельзя говорить как о диалектизмах. М. Т. Жабоев диалектизмы в учебнике дает в соответствии с орфографией литературного языка или иска-

жает их на свой лад, например: *падауан*, *къуллю*, *къуштел* вместо *фадауан* «подстилка для чабуров (вид обуви)», *хулю* «шиповник», *къуштел* «бочка». В ряде же случаев диалектизмы, например, *фогку* «опилки», *сыраф* «напрасный», *бурчакъ* «фасоль», *жазыгы келди* «жалеть, испытывать жалость, сострадание» и т. п. выдаются за литературные слова.

Эти и многие примеры с диалектизмами свидетельствуют о том, что автор этого раздела учебника не имеет четкого представления об отличии диалектных слов от слов литературного языка.

М. Т. Жабоев утверждает, что слова *бурчакъ* «фасоль», *урчикъ* «веретено», *къырмакъ* «нней», *бурху* «часть при дроблении чего-л.», *кирпик* «ресница», *керти* «точно, верно, правильно», *керки* «тесло», *бармакъ* «палец», *жылкъзы* «табун лошадей», *кюзгю* «зеркало», *къууум* «намерение» производные и что они имеют аффиксы *-чукъ*, *-пакъ*, *-ху*, *-пик*, *-ти*, *-ки*, *-макъ*, *-къы*, *-гю*, *-ум*. Это совершенно неверно. Приведенные слова на современном этапе развития языка не делятся на морфемы.

Нельзя согласиться и с тем, что сложный союз *болса да* «однако», сочетание частиц со знаменательными словами типа *да болсун* «пусть будет, ладно», *эсе да бир* «-то, -либо, -что» являются словосочетаниями.

Не выдерживает критики утверждение о том, что в местоимениях *ким да* «каждый», *не да* «все, вся, весь», *зат да* «ничего», *къайсы да* «всякий», *киши да* «никто» *да* является союзом. *Да* в этих местоимениях — частица.

Субстантивированные причастия и прилагательные квалифицируются как существительные, ср.: *Ауругъанны сау билмез* «Сытый голодного не понимает»; *Ол иги бла аманны не болгъанын биледи* «Он знает, что такое хорошо и что такое плохо».

Там же читаем: «Порядковые числительные образуются посредством аффикса *-нчу||-нчуо*» (такого аффикса нет в карачаево-балкарском языке; а есть аффикс *-унчу||-юнчу*), числительные *бир* «один», *сегиз* «восемь», *он* «десять» оканчиваются на глухие (?!) согласные. Ведь согласные *р*, *з*, *н* — звонкие!

Казалось бы составителю учебника нетрудно отличить звук от буквы. Но М. Т. Жабоев и здесь неточен: «*Жетеулен, тапсапашар* деген сёздеде къайсы харфла тюшедиле?» «В словах *семеро, дармод* какне буквы выпадают?». Выпадают не буквы, а звуки.

В других разделах учебника для 5—6 классов подобных ис-

кажений фактов языка не обнаружено. В них правила сформулированы научно верно и стилистически точно.

4-е издание учебника для 7—8 классов лучше предыдущих. Тем не менее нельзя сказать, что и этот учебник составлен на должном научном уровне. Остановимся на основных его недостатках. На повторение изученного в 4—6 классах программа отводит всего 4 часа. Учебник призывает учащихся повторить за эти 4 часа следующие темы: фонетику, графика, состав слова, синтаксис. На наш взгляд, целесообразно было бы повторять лишь сведения, полученные в 4—6 классах по синтаксису. Это бы способствовало лучшему усвоению учащимися нового материала — синтаксиса — в 7—8 классах.

Словосочетание — один из стержневых вопросов синтаксиса. Однако на его изучение учебник не уделяет должного внимания. Нет четкого объяснения различия между словосочетанием и предложением.

Для усвоения различия между нераспространенным и распространенным, а также простым и сложным предложениями, синтаксического разбора предложения учащимся необходимо разобраться прежде всего в типах связи слов в словосочетании и предложении. Но, к сожалению, и этот вопрос изложен в учебнике не на должном уровне.

Нет разграничения типов связи слов в словосочетании и в предложении.

Правило гласит, что словосочетание состоит из двух слов. Это верно. Однако в упражнении (№ 22) к нему в качестве словосочетаний даются предложения, состоящие из трех слов, например: Аскерчилени ишлери кепдю «У воинов много работы»; Бомбаланы быргъап башладыла «Начали сбрасывать бомбы» и т. п.

Ни в одном из учебников, как для младших, так и для старших классов, нет никаких сведений о предложении, а без этого невозможно усвоить различие, существующее между предложением, словосочетанием и словом.

В учебнике для 4-го класса даются некоторые сведения о типах предложения по цели высказывания: повествовательные, вопросительные, восклицательные и побудительные. Эти сведения должны были углубляться в учебнике для 7—8 классов. Между тем, этого раздела вовсе нет здесь. И виноваты не составители учебника, а составитель программы, который не ввел в программу 7—8 классов по языку названную тему.

Изложение сведений о членах предложения, об односоставных предложениях в рецензируемом учебнике также оставляет

желать лучшего. О подлежащем, например, говорится, что оно — главный член предложения, не подчиняется ни одному из членов предложения. Но ничего не сказано о том, чем подлежащее выражается. Учащиеся очень часто путают подлежащее с дополнением, особенно когда выражается дополнение существительным в неоформленном родительном падеже или прямым дополнением. В учебнике нет объяснения этому.

Неверно объясняются дополнение и определение. Дополнением здесь считается «второстепенный член предложения, отвечающий на один из вопросов падежей» (?!). Нужно было: «...на вопросы косвенных падежей».

Правило, касающееся определения, — едва ли доступно даже для учителя, не говоря уже о семикласснике.

Иными словами, в той части учебника для 7—8 классов, которую составил М. Т. Жабоев (1—29 параграфы), теоретический материал изложен слабо, с большим количеством фактических ошибок.

Разделы учебника «Предложения с обособленными второстепенными членами», «Слова, не являющиеся членами предложения», «Сложное предложение» (автор Х. И. Ахматов) составлены на высоком научно-теоретическом уровне.

Общий недостаток анализируемых учебников — недостаточное внимание авторов к фонетическому, морфологическому, синтаксическому разбору и разбору состава слова, что очень важно для абитуриентов при поступлении в средние и высшие учебные заведения.

Мы коснулись лишь изложения основного теоретического материала и некоторых вопросов, связанных с ним, в учебниках балкарского языка для старших классов.

В заключение необходимо признать, что рецензируемые учебники не отвечают научным требованиям: в них много ошибок, неточностей и искажений; их надо коренным образом переработать и издавать заново.

Ж. М. Гузев.

М. А. ХАБИЧЕВ.
ВЗАИМОВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВ
НАРОДОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА
ЧЕРКЕССК, 1980, 148 с.

О взаимовлиянии языков народов Западного Кавказа написано немало. Однако все исследования, посвященные изучению языковых связей этого региона, страдают одним общим недостатком — отсутствием анализа лингвистического материала на основе карачаево-балкарского языка. Это произошло по той причине, что последний до сих пор остается мало изученным языком.

Поэтому в работах о взаимодействии языков многие карачаево-балкарские слова, заимствованные языками народов Западного Кавказа, считались турецкими, крымско-татарскими, ногайскими, полонецкими и т. д. Между тем нетрудно отличить карачаево-балкарские заимствования от остальных тюркизмов, проникших в языки народов Западного Кавказа, так как изолированное развитие карачаево-балкарского языка от остального тюркоязычного мира приводило к специфическим изменениям его лексики и грамматики.

Существенным вкладом в изучение этой важной проблемы является рецензируемая монография профессора М. А. Хабичева, в которой путем сравнительно-исторического и сопоставительного анализа лексико-грамматических особенностей тюркизмов абхазского, адыгских, мегрельского, осетинского и сванского языков выделены карачаево-балкарзмы и слова, проникшие из других тюркских языков (более 700 лексем), выявлен и изучен лексический материал, заимствованный из указанных языков карачаево-балкарским (свыше 200 слов).

В первой главе книги рассматриваются карачаево-балкарзмы в языках соседних народов. Автор отмечает, что наличие заметного пласта карачаево-балкарских слов в основном словарном фонде языков народов Западного Кавказа свидетельствует о многовековых тесных экономических, политических и культурных связях предков абазино-абхазцев, адыгов, балкарцев, карачаевцев, мегрелов, осетин и сванов. По мнению автора, эти контакты уходят своими корнями в глубину веков, возможно, еще в доскифскую эпоху, чем следует объяснить наличие одинаковых терминов родства в языках этих народов: *ана* «мать», *ата* «отец», *къыз* «дочь», *эгеч* «сестра» и т. д. Кроме того, указанными языками заимствованы карачаево-балкарские названия бытовых предметов, памятников материальной культуры, живой и неживой природы, земледелия, качеств человека, одежды, обрядов, обычаев, музыки, танцев, мифологии, отвлеченных понятий и т. д. В большинстве своем эти названия имеют параллели и в других урало-алтайских языках, однако почти во всех случаях в соседних языках присутствуют, как отмечалось выше, карачаево-балкарзмы с звуковыми особенностями, отличающими их от слов других тюркских языков Кавказа. Автор приводит все эти особенности.

Привлекая обширный сравнительный материал из других алтайских языков и древнетюркских источников, М. А. Хабичев устанавливает исконность многих карачаево-балкарских слов, в том числе таких, как *адакъа* «петух», *тамада* «распорядитель пира», *гыржын* «чурек», *хантус* «рисовый или пшеничный суп», *нартюх* «кукуруза», *ажир* «жеребец» и др., ранее считавшихся иноязычными.

Среди заимствованных карачаево-балкарских слов приводятся названия различных качеств и цветов: осет. *мазыхъ* «коренастый», «дюжий», «массивный», от кбалк. *базыкъ* «толстый», «коренастый»; каб.-ч. *белджылы*, абаз. *бергълы* «ясный», «определенный», от кбалк. *белгили* «известный», «определенный», «достоверный»; названия количеств: абаз. *туман*, каб.-ч. *тумэн*, осет. *туман* «десять рублей» от кбалк. *тюмен* в том же значении; названий действия: адыгейск. *джур* «сигнал, обозначающий начало скачек» от кбалк. *джюр* «пойдем», «поехали»; осет. *таелфаен* «двигаться», «суетиться» от кбалк. *таллын* «устремитесь», «бросьтесь вперед»; слова с карачаево-балкарскими аффиксами: абаз. *амальчы* «предприимчивый», каб.-ч. *къайгъышы* «скандалист», *диншы* «религиозный», адыгейск. *къулайцыз* «бедный» и т. д.

Подробно рассматривается в книге происхождение этнического названия *алан*. По мнению автора, это слово восходит к тюрк. *огълан* (*овлан, алан*) «сын», «молодой человек». М. А. Хабичев приводит много исторических и языковых фактов, на основании которых считает ошибочным распространенное мнение об ираноязычности исторических алан. В книге также отрицается ираноязычность ясов, а этноним *яс(ас)* автор считает самоназванием карачасцев и балкарцев. Доказывается тюркское происхождение и слова *нарт* — общего названия героев нартского эпоса.

Вторая глава посвящена заимствованиям из иберийско-кавказских и осетинского языков. Здесь показано, как заимствуемые карачаево-балкарзмы, подчиняясь внутренним законам окружающих языков, подвергались различным изменениям. Например, в кабардино-черкесском языке после согласного в начальном слоге и далее вместо *а* в большинстве случаев используется *э*, кбалк. *е* заменяется *уэ*, *э*, соответственно *ю* — гласным *у*, конечные *ы, э, ю* — гласным *э*, гласный первого слога — гласными *у, э, о*, вместо начального *о* употребляется *уэ, э*. В области согласных кбалк. *к* переходит в *ч* или *кʷ*, соответственно *ч* — в *ш, ш* — в *щ, дж* — в *ж*.

Из кабардино-черкесских заимствований приводятся *быхы* «морковь», от *пхъы* то же, *хойнух* «юла» от *хъынхӀвра* «вращаться», *гефхин* «фартук» от *кӀэлхын* то же, *сире* «посудный шкаф» от *сырэ* «буфет», «комод» и др.

Автором использован лексический материал 86 языков и диалектов и сделаны интересные выводы.

В монографии имеются и недостатки. Автор ошибочно считает, что русское слово *ярмарка* происходит от тюркского *жар-малыкъ*, тогда как *ярмарка* восходит к средне-верхне-немецкому *jarmarket* «ежегодный рынок» (Фасмер, 1973 : 561). Вызывает сомнение также вывод автора о том, что от кбалк. *сакъал* «борода» происходит каб.-ч. *жъачӀэ*, абхаз. *ажакъа*, адыгейск. *жачӀэ*, убых. *жакӀэ*, осет. *зачӀе*, мегрел. *бжаке*. Исконное каб.-ч. *жъачӀэ* состоит из *чӀэ* «хвост, конец» + *жъэ* «рот» («хвост, конец рта») (Шагиров 1977 : 198).

В целом работа М. А. Хабичева является ценным научным исследованием, и нет сомнений в том, что она окажет большую помощь изучающим формирование и развитие лексики языков народов Западного Кавказа в процессе их взаимодействия и взаимообогащения.

И. М. Отаров.

БИБЛИОГРАФИЯ

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. IV. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1973.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. АН. М., 1977.

**«ГРАММАТИКА КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА».
ФОНЕТИКА, МОРФОЛОГИЯ И СИНТАКСИС.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛЬБРУС», НАЛЬЧИК, 1976, 571 с.**

За последние десятилетия карачаево-балкарское языкознание обогатилось многими научными исследованиями. Наиболее важным из них является рецензируемая работа, написанная коллективом авторов и изданная Кабардино-Балкарским Институтом истории, филологии и экономики. Она представляет собой первый опыт относительно полного изложения фонетического, морфологического и синтаксического строя одного из слабо изученных тюркских языков.

Основные положения ее разработаны с учетом достижений современной традиционной лингвистики.

Во «Введении» дается краткая история изучения карачаево-балкарского языка, отмечаются основные диалектные различия.

Следует отметить, что здесь повторены все те неточности, которые допущены в некоторых работах, посвященных фонетическим особенностям диалектов карачаево-балкарского языка. Так, ц-диалект трактуется как черекский говор, которому приписываются следующие фонетические особенности: а) замена литературного /п/ на /ф/ в конце слов (*цаф* «беги», *уруф* «ударив» и т. п.); б) наличие более заднего непалатализованного /к/ в позиции перед гласным /е/ (*кэнг* «широкий», *кэлин* «сноха» и т. п.); в) наличие неносового /н/ вм. /нг/ во 2-м л. прош. вр. (*цыхтын* «ты вышел»).

Далее ч-диалекту также приписывается такая особенность разговорного языка карачаевцев и балкарцев, как выпадение звука /л/ в личном местоимении 3-го л. *ол* в позиции перед согласным (*о кече* «в ту ночь»).

Каждому разделу «Грамматики» предшествуют общие вводные замечания, которые, на наш взгляд, представляются излишними: они не входят в задачу описательной грамматики конкрет-

ного языка. К тому же в этих замечаниях немало общих рассуждений, не имеющих органической связи с конкретным анализом языковых фактов.

В разделе «Фонетика» (автор А. Ж. Будаев), довольно обстоятельно излагается звуковой строй современного карачаево-балкарского языка. Подробно описываются звуки, их взаимодействие в потоке речи, структура слога и слогораздел, ударение. Даются краткие сведения о графике, орфографии и орфоэпии.

Однако здесь немало недостатков как общего, так и частного характера.

Поскольку книга предназначена для русского читателя, который должен знакомиться с основами карачаево-балкарского языка в его письменной форме, изложение раздела целесообразно было бы начинать с графики. Это дало бы читателю возможность уловить, как нужно читать непривычные для него буквы *кѵ, гѵ, нг, ѳю*.

Главным недостатком раздела является то, что он незаслуженно претендует на фонологическое изложение материала, хотя в действительности в нем ничего фонологического, кроме терминологии, не имеется. Автор смешивает термины «фонема», «звук языка», «звукотип». Термин «фонема» он употребляет сплошь и рядом в значении «звук языка», «звукотип». Смещение этих терминов видно хотя бы из таких фактов: 1) часто повторяются выражения «фонема произносится», «фонема образуется». В действительности же произносится и образуется не фонема, а ее реализация — звук; 2) звуки *в* и *ѵ*, употребляемые только в заимствованиях из русского и через русский язык, А. Ж. Будаев считает фонемами карачаево-балкарского языка, а исконную фонему данного языка /ф/ — заимствованной из русского языка. Ошибочность такого положения можно показать на следующих фактах. Во-первых, эти звуки не употребляются в речи карачаевцев и балкарцев, не владеющих или слабо владеющих русским языком, т. е. монолингвов. Во-вторых, они в карачаево-балкарском языке не образуют фонологических противопоставлений.

По мнению А. Ж. Будаева, фонема /о/ реализуется как дифтонгоид *ѳо* (*ѳот*, «огонь», *ѳорам* «улица») и дифтонгоид *ѳѳ* (*ѳѳгюз* «бык», *ѳѳртен* «пожар»), с чем трудно согласиться.

Представляется, что ряд утверждений автора являются слишком категоричными:

1. «Согласный /ф/ употребляется только в заимствованиях». Однако он употребляется и в исконных словах карачаево-балкарского языка: *кюф* «закрома», *юфгюр* «дуть», *хылыф* «спешка», *иерф* «косой»; «косо», *кѳулф* «очерченный круг, отметина» и др. /Ф/ составляет и оппозицию: *кеф* «внешний вид человека»; «не-

трезвый» — *кеп* «колодка», *саф* «ряд» — *сан* «ручка чего-либо, черенок» и др. Поэтому /ф/ является фонемой карачаево-балкарского языка.

2. «Звук *х'* имеет место лишь в кабардинских заимствованиях». Но, если учесть, что в данном языке имеются слова: *хайнух* «юла», *тырхык* «выступ, печной карниз», *мырхык* «репейник», *урходук* «непел, искра» и др., то следует сказать, что этот звук употребляется не только в заимствованиях.

3. «Согласный *у*, следуя за гласным *у*, оказывается в абсолютном конце слова (*суу* «вода», *буу* «олень») и реализуется как сильно редуцированный звук». Согласные не редуцируются, они могут выпадать в середине или в конце слова) при произношении, что не распространяется на карачаево-балкарский гласный *у*.

4. По мнению А. Ж. Будаева, сильной позицией для карачаево-балкарских гласных являются начальные слоги (стр. 29). Однако это не всегда так, потому что узкие гласные нередко редуцируются до нуля, что отражается и в современном карачаево-балкарском письме: *ран* вм. *ыран* «расщелина на леднике», *глоч* вм. *гулоч* «посох» и т. п.

5. Карачаево-балкарское ударение «играет смысловозначительную функцию», «роль его сходна с ролью отдельной фонемы»: алма «яблоко» — алма «не бери», тюймэ «пуговица» — тюйме «не бей» и т. п. Как видно из приведенных примеров, здесь роль ударения как грамматического различителя слов и их форм путается с его ролью семантического различителя слов и их форм. Ср. в русском языке: замо́к — замо́к и пода́ть — пода́ть и т. п.

Приведенные и аналогичные им примеры в карачаево-балкарском языке показывают, что в тюркских языках, в отличие от русского, выполнение ударением смысловозначительной функции является лексико-грамматическим, так как указанные пары слов различаются, помимо значения, еще и принадлежностью к различным частям речи.

Наконец, еще об одном недоразумении. Автор в подразделе «Графика» пишет, что усовершенствованный и единый для карачаевцев и балкарцев алфавит, введенный в практику в 1961 г. «... по разным объективным причинам в том же году был отклонен». Между тем, алфавит 1961 г. целостно отражал фонематический состав карачаево-балкарского языка, в нем не было двунезначных букв, все специфические знаки совпадали по начертанию и звучанию со специфическими знаками алфавитов других тюркских языков. Так какие же объективные причины могли тогда отклонить его?! Ведь из-за несовершенства существующего карачаево-балкарского алфавита сам А. Ж. Будаев

не имел возможности показать в рецензируемой работе разницу между орфографическим письмом и фонематической транскрипцией.

Раздел «Морфология» в целом оставляет хорошее впечатление, он содержит ценные сведения о морфологическом строе карачаево-балкарского языка.

Наиболее удачно описаны такие части речи, как глагол (автор И. Х. Урусбиев), наречие (автор С. А. Гочияева), местоимение (автор М. А. Хабичев), послелоги и междометия (автор Х. И. Хаджилаев), менее удачно — имя существительное (автор А. Х. Соттаев) и числительное (автор М. Т. Жабоев).

По сравнению с «Фонетикой» и «Синтаксисом», разделу «Морфология» отводится мало места. Особенно фрагментарно изложен материал об имени существительном и прилагательном. Это сказалось и на качестве освещения вопросов, связанных с данными частями речи.

Здесь имеются недостатки и частного характера. Так, например, нет разграничения между синтаксическим и синтаксико-морфологическим способами образования существительных и прилагательных.

С морфологической точки зрения, вообще, является неправомерным для тюркских языков также деление существительных на одушевленные и неодушевленные.

Таким категориям имени существительного, как категории числа, принадлежности и падежа уделено недостаточное внимание, тогда как тематические разряды имен существительных даются с чрезмерной детализацией их инвентаря.

Аффиксы, образующие имена существительные и прилагательные, перечисляются достаточно полно. Однако в книге мало сведений о том, какие из них являются продуктивными, а какие малопроductивными и непродуктивными.

Как известно, исследование вопросов синтаксиса принадлежит к числу наиболее сложных и наименее изученных проблем в тюркологии. Особенно остро ощущается неразработанность этой проблемы в таких младописьменных языках, как карачаево-балкарский.

Вопрос о грамматическом строе карачаево-балкарского языка находится на первоначальной ступени изучения. Поэтому разработке вопросов, связанных с синтаксисом простого (автор И. Х. Ахматов) и сложного предложения (авторы И. Х. Ахматов и А. З. Абдуллаев) в «Грамматике» отведено большое место. Особенно подробно разработаны вопросы синтаксиса простого предложения. В книге на необходимом научно-теоретическом уровне разработаны вопросы теории предложения: природа

предложения, его основные отличительные признаки, средства выражения предикативности и модальности. На наш взгляд, для карачаево-балкарского языкознания это очень важно, так как в результате неразработанности этих вопросов в работах по синтаксису карачаево-балкарского языка ставился знак равенства между предложением и некоторыми видами словосочетаний, а также между отдельными типами простых предложений.

Типы простых предложений описаны на основе традиционной классификации с использованием богатого языкового материала. При рассмотрении структуры двусоставного предложения значительное место отводится характеристике грамматических свойств, средств выражения, структурных типов и семантических особенностей его компонентов. Заслуживает внимания то, что автор, в отличие от своих предшественников, стремится показать не только отношение членов предложения друг к другу, но и к предложению в целом, роли каждого из них в построении предложения. Таким образом, члены предложения подвергаются всесторонней структурно-семантической характеристике.

В книге впервые выявлены и получили обстоятельное научное освещение структурные и функциональные типы простого предложения. Описывая типы простого предложения на основе традиционной классификации, автор довольно подробно останавливается на критериях выделения видов предложения, их формальных и семантических особенностях и иногда приходит к очень интересным теоретическим выводам. Это нередко встречается особенно при рассмотрении спорных вопросов синтаксиса. Так, в рецензируемой «Грамматике» справедливо отмечается, что предложения со сказуемыми, выраженными словами 1-го и 2-го л., многие тюркологи относят к двусоставным. Правомерность своей точки зрения они доказывают тем, что подлежащее в таких предложениях легко восстанавливается с помощью аффикса лица сказуемого. Однако факты карачаево-балкарского языка показывают несостоятельность такой трактовки данного вопроса. Дело в том, что в этом языке часто встречаются предложения, состоящие из одного сказуемого. Но это сказуемое указывает не только на логическое лицо, которое сторонниками данной концепции ошибочно рассматривается только как грамматическое подлежащее, а и на предикат, одновременно и на логические понятия объекта и обстоятельства. В последнее время в лингвистике большое значение придается анализу соотношения между формальной и смысловой структурой предложения, характеристике смысловой структуры. Учитывая это, автор обращает внимание читателя на то, что в современном карачаево-балкарском языке встречаются предложения, в которых сказуе-

мос, имеющее в своей структуре различные аффиксы и их сочетания, может передать содержание целого сложного предложения.

Данные факты убедительно показывают также несостоятельность теории об отсутствии в тюркских языках односоставных предложений.

В работе на необходимом теоретическом уровне освещен и вопрос о сложном предложении. Здесь убедительно показано, что с точки зрения грамматики простота и сложность предложения — это понятия структурного порядка, что одно и то же содержание часто может быть передано как простым, так и сложным предложением.

Далее авторы раздела подробно останавливаются на следующих вопросах, ждущих в карачаево-балкарском языкознании своего решения: характерные признаки простого предложения и компонентов сложного предложения, научные основы классификации сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, их типы и структурно-семантические особенности и т. д.

Как известно, проблема о синтаксической природе причастных, деепричастных, инфинитивных и отглагольно-именных оборотов в современной тюркологии, как справедливо заметил акад. А. Н. Кононов, является спорной. Придерживаясь точки зрения Б. А. Серебrenникова, А. Н. Кононова, М. Ш. Ширалиева и др., авторы данного раздела книги указанные обороты справедливо квалифицируют как развернутые члены предложения.

В «Грамматике» в сжатой форме даются основные типы словосочетаний. В целом раздел, посвященный словосочетанию и его классификации, разработан удовлетворительно и с достаточным знанием дела. Однако схема, по которой он построен, лишена недостатков. Описание тюркских словосочетаний по данной схеме приводит к некоторым противоречивым и ошибочным выводам. Во вводной части рассматриваемого раздела (автор Н. А. Баскаков) справедливо отмечается, что важными проблемами нормативного синтаксиса являются проблемы изучения основных синтаксических единиц, к которым относятся словосочетания и предложение (стр. 308). Но отличительная особенность этих основных синтаксических единиц недостаточно четко разграничивается. Это происходит потому, что здесь словосочетание понимается слишком широко, в него включаются и предложения, и определительные словосочетания, и устойчивые фразеологические сочетания, и идиомы, и сложные слова (стр. 310).

Другим недостатком раздела, на наш взгляд, является то, что здесь словосочетания описываются в терминах членов предложения. Это приводит к неверному выводу о том, что словосочета-

ние — это синтаксис членов предложения, а не синтаксис частей речи. В результате смешиваются объекты двух синтаксических единиц — словосочетания и предложения. Поэтому нельзя считать вышеуказанную схему описания словосочетаний удовлетворительной. Об этом свидетельствует и тот факт, что эта схема не принята авторами специальных исследований, посвященных описанию словосочетаний тюркских языков.

Как видно из вышесказанного, в рецензируемом труде имеются серьезные недостатки, которые не замечены рецензентом И. М. Отаровым (см. «Сов. тюркология», 1978, № 3, с. 95—97). При переиздании книги их целесообразно устранить. Однако, несмотря на высказанные замечания, это исследование представляет собой серьезный вклад в разработку грамматического строя карачаево-балкарского языка.

Ж. М. Гузеев, А. А. Чеченов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Грамматика	
Ахматов И. Х. Проблема моделирования простого предложения в карачаево-балкарском языке	9
Джанибеков Х. С. О синтактико-морфологической природе статива в современном карачаево-балкарском языке	31
Геляева А. И. Залоговая и словообразовательная функция аффикса <i>-и</i> в карачаево-балкарском языке	51
Жабелова Л. Ж. Сложные существительные, образованные паратактическим сочетанием компонентов в карачаево-балкарском языке	60
Лексика, лексикография	
Отаров И. М. К изучению общественно-политической терминологии карачаево-балкарского языка	77
Улаков М. З. Термины коневодства в карачаево-балкарском языке	83
Улаков М. З. Названия болезней животных в карачаево-балкарском языке	91
Гузеев Ж. М. О специфике «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка»	100
Гузеев Ж. М. К проблеме словника толковых словарей тюркских языков	107
Гузеев Ж. М. Диалектизмы в толковых словарях тюркских языков	113
Гузеев Ж. М. Окказиональные слова и толковые словари тюркских языков	125
Семантика, этимология	
Текуев М. М. Теонимы в карачаево-балкарском языке	135
Жаппуев А. А. Глаголы с десемантизированными морфемами в карачаево-балкарском языке	145
Рецензии	
Гузеев Ж. М. О теоретических основах учебников балкарского языка для старших классов	175
Отаров И. М. М. А. Хабичев. Взаимовлияние языков народов Западного Кавказа. Чскрссск, 1980, 148 с.	182
Гузеев Ж. М., Чеченов А. А. «Грамматика карачаево-балкарского языка». Фонетика, морфология и синтаксис. Изд-во «Эльбрус», Нальчик, 1976, 571 с.	187

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ГРАММАТИКИ И ЛЕКСИКИ

Редактор Кузьмин В. Г.
Техн. редактор Паринов Б. П.
Корректор Терушкина Е. Е.

Сдано в набор 26.12.81. Подписано в печать 2.12.81. Бумага тип. № 2. Формат бумаги 60x84 1/16. Усл. печ. л. 10,9. Цена 1 р. 10 к. ЧО 1640. Заказ 0355. Тираж 500. Адыгблполиграфобъединение управления издательств, полиграфии и книжной торговли Краснодарского крайисполкома, г. Майкоп, Пioneрская, 268.

1 руб. 10 коп.

ВНИМАНИЕ